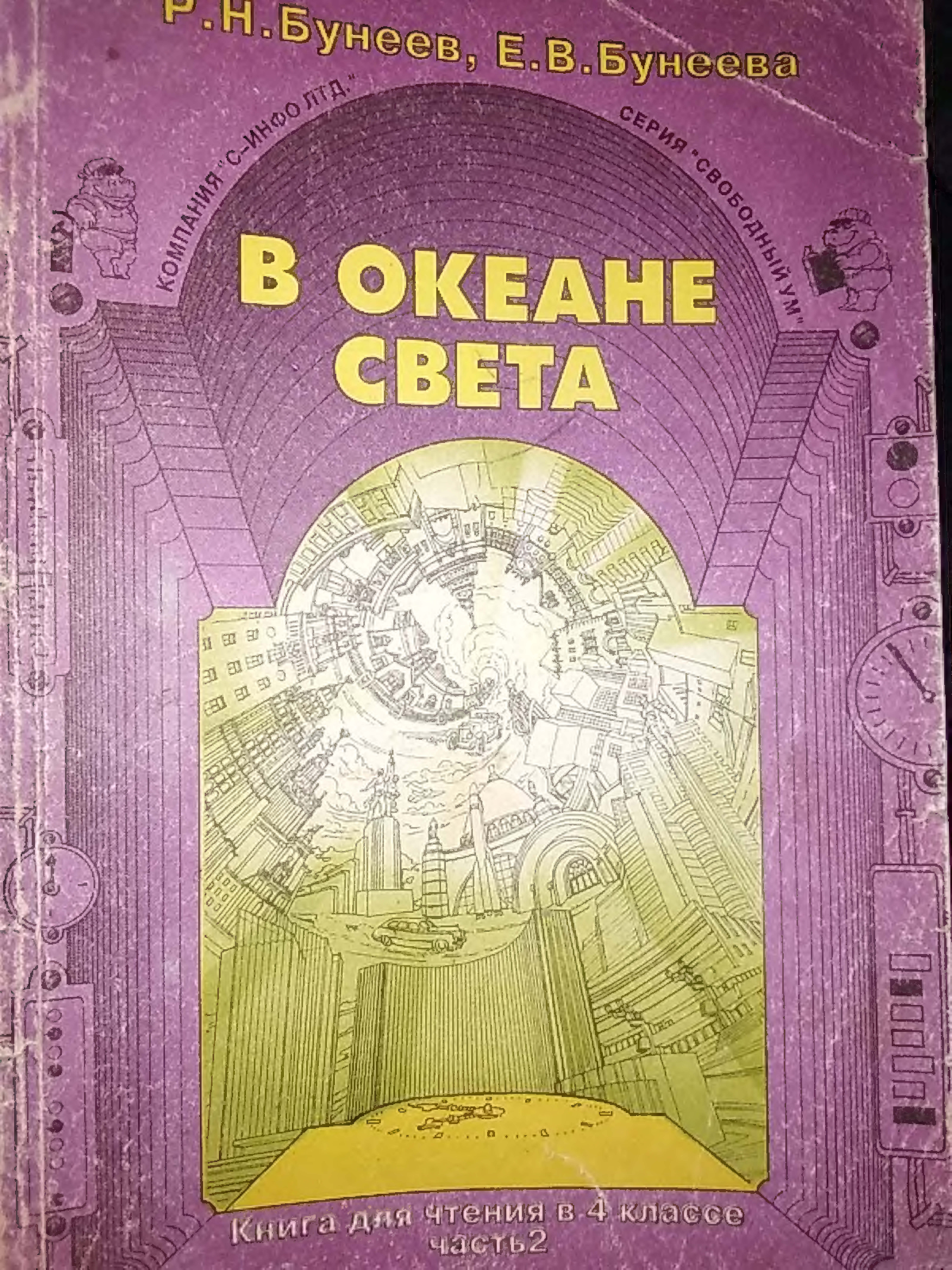
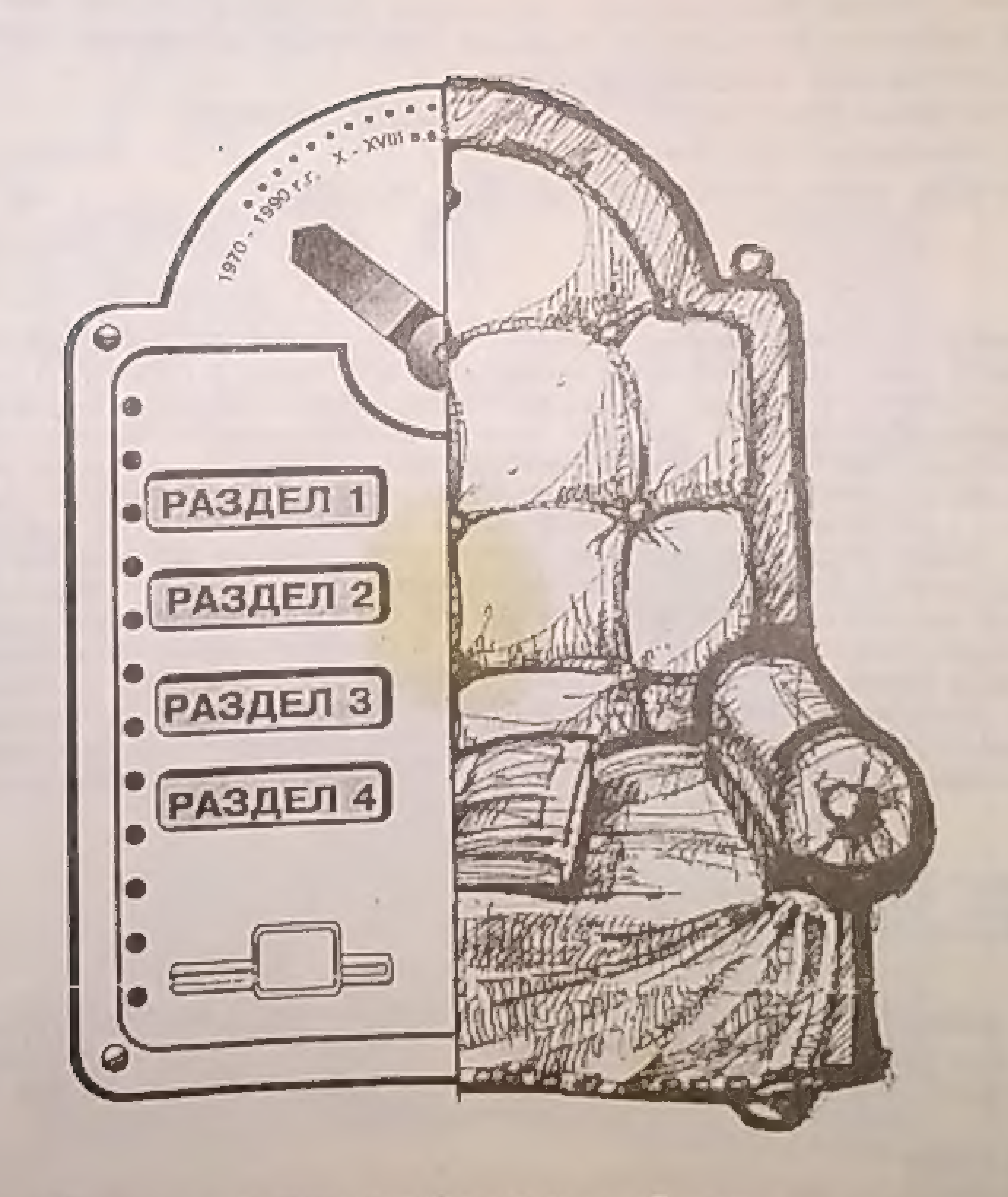

Р.Н.Бунеев, Е.В.Бунеева
КОМПАНИЯ "С–ИНФО ЛТД."
СЕРИЯ "СВОБОДНЫЙ УМ"
В ОКЕАНЕ СВЕТА
Книга для чтения в 4 классе
часть2

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИЗ СЕРИИ "СВОБОДНЫЙ УМ"

Р.Н.Бунеев, Е.В.Бунеева

В ОКЕАНЕ СВЕТА

Книга для чтения в 4 классе
часть2

"С-ИНФО", "БАЛЛАС"
МОСКВА, 1994

ББК 74261-8
Б91

Рецензент: О.В.ПРОНИНА, заслуженный учитель России, лауреат премии им. Н.К.Крупской, учитель-методист гимназии № 1506 г. Москвы.

Консультант: Н.И.КУЗНЕЦОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского педагогического государственного университета.

Рекомендовано Главным управлением развития общего среднего образования Министерства образования Российской Федерации.

Книга смакетирована, набрана и свёрстана в издательстве «С-ИНФО»
Художественное редактирование Петра СЕВЕРЦОВА
Техническое редактирование Натальи ЧЕРНЫШЕВОЙ
Обложка Евгения ЛОМАКИНА
Рисунки Галины ЗАСЛАВСКОЙ, Вячеслава ЖИГАРЕВА, Игоря МАХМУДОВА, Анатолия ВОРОБЬЕВА, Евгения МИГУНОВА, Вячеслава СЕРГЕЕВА и Александра ВЛАДИМИРСКОГО.
Верстка Веры ЗИНОВЬЕВОЙ и Раисы БОЛЬШАКОВОЙ
Набор Людмилы ФИЛЯЕВОЙ
Корректура Инны СИМОНОВИЧ и Аллы БЕЛОВОЙ

Книга «В океане света», предназначенная для работы с учащимися 4-го класса, завершает авторскую серию книг для чтения в начальной школе. Книга позволяет не только совершенствовать навыки чтения и анализа литературных произведений, она даёт представление об истории русской детской литературы. Тексты отобраны в соответствии с возрастом учащихся и расположены в хронологической последовательности. По сути авторы сделали попытку создания курса русской детской литературы 17 — 20 веков для детей. Книга формирует первоначальное представление об истории литературы как процессе, систематизирует представление детей о современной детской литературе, расширяет их знания о творчестве многих любимых писателей, является своего рода «лоцией в книжном море». Форма подачи текстов в книге — диалоги постоянно действующих героев, взрослого и детей, которые с помощью машины времени путешествуют по страницам истории детской литературы, встречаются с писателями и т. д. Все разделы книги снабжены вопросами различного типа, творческими заданиями.

Б $\frac{4306020400-06}{Э65\ (03)-93}$ без объявл.

Б91 БУНЕЕВ Р.Н., БУНЕЕВА Е.В. «В океане света». Книга для чтения в 4-м классе. Пособие для учащихся в 2 частях. Ч. 2. М., «С-ИНФО», «БАЛЛАС», 1994, 256 с. с илл.

ISBN 5-85429-013-8 («С-ИНФО»)
ISBN 5-85939-011-4 («БАЛЛАС»)

Издательские лицензии:
ЛР №050089 от 30 сентября 1992 г. («С-ИНФО»)
ЛР №070775 от 2 декабря 1992 г. («БАЛЛАС»)

ВЕК XX.
НОВЫЕ ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ.

ПУТЕШЕСТВИЕ 9 (в библиотеку).

ПИСЬМО БАБУШКИ В ГАЗЕТУ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА».

АКТРИСА ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЧУРИЛОВА, ИЛИ ЗАГАДКА ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

Как-то раз наши близнецы возвращались домой из школы и встретили на первом этаже у лифта Николая Александровича. Он только что вынул из почтового ящика газету и два журнала — «Мурзилку» и «Вопросы литературы». Поднимаясь в лифте на свой пятый этаж, Игорь перелистывал «Мурзилку» и вдруг с удивлением прочитал: «Ежемесячный журнал... издаётся с мая 1924 года».

— Ничего себе! Это сколько же лет «Мурзилке»? Почти семьдесят... Солидный возраст!

— Да, сударь мой, весьма солидный, — согласился Николай Александрович. — В детстве я тоже читал этот журнал, и не только его, а ещё и «Чижа». Интересно, а другие детские журналы вы читаете? (Этот разговор происходил уже в квартире.)

— Да, — сказала Оля, — мама с папой выписывали нам «Трамвай», «Мишу», а ещё раньше — «Колобок» и «Весёлые картинки». А что это за «Чиж», про которого вы говорили?

— Это, друзья мои, был замечательный журнал для маленьких, он выходил больше десяти лет, с 1930-го по 1941 год. А название «Чиж» редакция расшифровывала так: «Чрезвычайно интересный журнал». Кстати, в редакции «Чижа» работали Маршак, Житков, Хармс, Михалков, Бианки. В журнале печатались сказки, рассказы, очерки, стихи, загадки. Вообще история детских журналов — это очень интересно. Вот, например, вы уже знаете о журнале Николая Ивановича Новикова «Детское чтение для сердца и разума», о журналах для девочек «Звёздочка» и «Лучи», которые издавала Александра Осиповна Ишимова. В начале XX века выходил журнал «Задушевное слово», а после революции, в 20-е годы, появилось сразу несколько журналов для детей. Самый первый назывался «Северное сияние», потом стал выходить журнал «Воробей», в 1924 году его переименовали и назвали «Новый Робинзон». С 1924 года выходят журналы «Пионер» и «Мурзилка», а с 1930 года — «Чиж».

После разговора с Николаем Александровичем Игорь и Оля решили сходить в читальный зал и полистать детские журналы. Может быть, появились новые? И ещё им

хотелось узнать, печатаются ли в этих журналах их любимые писатели.

Библиотека была рядом, на Остоженке, в доме напротив. В читальном зале ребятам дали пачки журналов. Ого! Даже глаза разбежались: «Миша», «Мурзилка», «А почему?», «Малыш», «Костёр», «Юный натуралист». Рядом на столе лежали ещё подшивки «Пионерской правды». Оля решила потом перелистать и их. Близнецы долго сидели молча, время от времени кто-то из них хихикал, хмыкал или вздыхал. Вдруг Оля сказала:

— Слушай, Игорёк, какое я письмо интересное нашла в «Пионерской правде»! — и шёпотом стала пересказывать брату содержание письма:

— Представляешь, одна бабушка, старенькая уже, написала, что случайно прочла в «Пионерской правде» отрывки из книги Лидии Чарской «Смелая жизнь», и она благодарит газету за то, что узнала наконец, кто же написал её любимую книгу. Эта книга у неё в детстве была, да затрёпанная, без обложки, и вот теперь бабушка так рада, что своим внукам может сказать: автор — Лидия Чарская. Интересно, почему эта бабушка столько лет помнит какую-то детскую книжку?

— А давай спросим, может быть, в этой библиотеке есть «Смелая жизнь»? — предложил Игорь.

— Давай!

«Смелая жизнь», к сожалению, была у кого-то на руках, и библиотекарь предложила близнецам другую книгу Лидии Чарской — «Записки маленькой гимназистки». Когда дети, вернувшись домой, показали её Николаю Александровичу, профессор был приятно удивлён:

— Значит, Чарскую снова читают дети? Замечательно, друзья мои.

— Почему снова? — спросил Игорь. — А когда не читали?

— Долго, сударь мой. Лет шестьдесят, пожалуй, не читали. Удивительная судьба у этой писательницы. Лидия Чарская — это псевдоним актрисы Александринского театра Лидии Алексеевны Чуриловой. Её первая книга для детей вышла в 1902 году, и больше двадцати лет Лидия Чарская была самой популярной и любимой детской писательницей в России. Потом книги Чарской стали критиковать, даже ругать, перестали печатать.

— Почему? — удивилась Оля.

— Давайте поговорим об этом потом, когда вы прочитаете, хорошо? Мне очень интересно, понравятся ли вам «Записки маленькой гимназистки». По-моему, эта повесть — одно из лучших произведений Чарской.

Лидия ЧАРСКАЯ (1878 — 1937)

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

(главы)

ГЛАВА I
В ЧУЖОЙ ГОРОД, К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колёса, и поезд быстро мчится всё вперёд и вперёд.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колёса выстукивают одно и то же, без счёта, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колёса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как всё странно делается на свете! Могла ли я

думать несколько недель тому назад, что мне придётся покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одинёшеньке за тысячи вёрст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне всё ещё кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Серёжей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а Бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я всё больше, а жена с Нюркой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — ещё раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил:

— Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелёк с деньгами и кричала, что её обокрали. Чей-то ребёнок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своём разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидала! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошёл медленнее. Колёса уже не выкрикивали своё неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, весёлый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнёс Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой тёплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повёл меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

ГЛАВА IV
СЕМЕЙСТВО ИКОНИНЫХ. — ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

— Мати́льда Фра́нцевна привезла девочку!

— Твою кузи́ну, а не просто девочку...

— И твою тоже!

— Врёшь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

— И я не хочу!

— И я! И я!

— Звонят! Ты оглох, Фёдор?

— Привезла! Привезла! Ура!

Всё это я слышала, стоя перед обитой тёмно-зелёной клеёнкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными, красивыми буквами:

Действительный статский советник
Михаил Васильевич Иконин.

За дверью послышались торопливые шаги, и лакей в чёрном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог её, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда ещё не доводилось видеть, и потому немудрено, если всё это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздёрнутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платьице с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазёнок так и впилась в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди — Жоржик, Нина и Толя, о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я — на детей.

Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно поднял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнёс:

— Вот так фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему белокурая девочка. — И правда: фи-гу-ра! Толька верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

— Очень остроумно, — произнёс в нос гимназист, — есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

— Как мокрица? Отчего мокрица? — так и всколыхнулись младшие дети.

— Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое — мокрица? — полюбопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

— Мм... мм... мм... — смешался гимназист, — мм... это цветок такой: когда к нему прикоснёшься пальцем, он сейчас и закроется... Вот...

— Нет, вы ошибаетесь, — вырвалось у меня против воли. (Мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет.) — Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, — это мимоза, а мокрица — это водяное животное вроде улитки.

— Ммм... — мычал гимназист, — не всё ли равно, цветок или животное. У нас ещё этого не проходили в классе. А вы чего с носом суётесь, когда вас не спрашивают? Ишь какая умница выискалась! — внезапно накинулся он на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, — капризно протянула она, — Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

— Остроумно! — снова процедил гимназист.

— А ты всё-таки мокрица! — пропищал его братишка и захихикал. — Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто ещё не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у па́перти церквей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление — всё это разом закипело во мне, и не помня себя я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

— Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

— Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! — как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, ещё чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного братца.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равновесие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких причёсках и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и чёрненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И чёрненькие девочки, и цветы, и аисты — всё смешалось и исчезло в одной общей груде черепков и осколков.

ГЛАВА VIII
В ГИМНАЗИИ. — НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА. — Я — ГИМНАЗИСТКА

— Вот вам новая ученица, Анна Владимировна. Предупреждаю, девочка из рук вон плоха. Возни вам будет достаточно с нею. Лжива, груба, драчлива и непослушна. Наказывайте её почаще. Frau Generalin (генеральша) ничего не будет иметь против.

И, закончив свою длинную речь, Матильда Францевна окинула меня торжествующим взглядом.

Но я не смотрела на неё. Всё моё внимание привлекала к себе высокая, стройная дама в синем платье, с орденом на груди, с белыми, как лунь, волосами и молодым, свежим, без единой морщинки лицом. Её большие, ясные, как у ребёнка, глаза смотрели на меня с нескрываемой грустью.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, девочка! — произнесла она, покачивая своей седой головою.

И лицо её в эту минуту было такое же кроткое и ласковое, как у моей мамочки. Только моя мамочка была со-

всем чёрненькая, как мушка, а синяя дама вся седая. Но лицом она казалась не старше мамочки и странно напоминала мне мою дорогую.

— Ай-ай-ай! — повторила она без всякого гнева. — И не стыдно тебе, девочка?

Ах, как мне было стыдно! Мне хотелось заплакать, так мне было стыдно. Но не от сознания своей виновности — я не чувствовала никакой вины за собою, — а потому только, что меня оклеветали перед этой милой ласковой начальницею гимназии, так живо напомнившей мне мою мамочку.

Мы все трое, Матильда Францевна, Жюли и я, пришли в гимназию вместе. Маленькая горбунья побежала в классы, а меня задержала начальница гимназии Анна Владимировна Чирикова. Ей-то и рекомендовала меня злая Бава́рия с такой нелестной стороны.

— Верите ли, — продолжала Матильда Францевна рассказывать начальнице, — всего только сутки как водвори́ли у нас в доме эту девочку, — тут она мотнула головой в мою сторону, — а уже столько она набедокурила, что сказать нельзя!

И начался долгий пересчёт всех моих проделок. Тут уж я не выдержала больше. Слёзы разом навернулись мне на глаза, я закрыла лицо руками и громко зарыдала.

— Дитя! Дитя! Что с тобою? — послышался надо мной милый голос синей дамы. — Слёзы тут не помогут, девочка,

надо стараться исправиться... Не плачь же, не плачь! — и она нежно гладила меня по головке своей мягкой белой рукою.

Не знаю, что сталось со мною в эту минуту, но я быстро схватила её руку и поднесла к губам. Начальница смешалась от неожиданности, потом быстро обернулась в сторону Матильды Францевны и сказала:

— Не беспокойтесь, мы поладим с девочкой. Передайте генералу Иконину, что я принимаю её.

— Но помните, уважаемая Анна Владимировна, — скривив многозначительно губы, произнесла Бавария. — Елена заслуживает строгого воспитания. Как можно чаще наказывайте её.

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах, — холодно проговорила начальница, — у меня своя собственная метода воспитывать детей.

И чуть заметным кивком головы она дала понять немке, что она может оставить нас одних.

Бавария нетерпеливым жестом одёрнула свою клетчатую тальму[1] и, погрозив мне многозначительно пальцем на прощание, исчезла за дверью.

Когда мы остались вдвоём, моя новая покровительница подняла мою голову и, держа моё лицо своими нежными руками, проговорила тихим, в душу вливающимся голосом:

— Я не могу верить, девочка, чтобы ты была такою.

И снова глаза мои наполнились слезами.

— Нет, нет! Я не такая, нет! — вырвалось со стоном и криком из моей груди, и я, рыдая, бросилась на грудь начальницы.

Она дала мне время выплакаться хорошенько, потом, поглаживая меня по голове, заговорила:

— Ты поступишь в младший класс. Экзаменовать тебя теперь не будем; дадим тебе оправиться немного. Сейчас ты пойдёшь в класс знакомиться с твоими новыми подругами. Я не стану провожать тебя, ступай одна. Дети сближаются лучше без помощи старших. Постарайся быть умницей, и я буду любить тебя. Хочешь, чтобы я тебя любила, девочка?

---

[1] **Т а л ь м а** — женская длинная накидка без рукавов.

— О-о! — могла только выговорить я, глядя с восхищением в её кроткое, прекрасное лицо.

— Ну смотри же, — покачала она головою, — а теперь ступай в класс. Твоё отделение первое направо по коридору. Торопись, учитель уже пришёл.

Я молча поклонилась и пошла к дверям. У порога я оглянулась, чтобы ещё раз увидеть милое молодое лицо и седые волосы начальницы. И она смотрела на меня.

— Ступай с Богом, девочка! Твоя кузина Юлия Иконина познакомит тебя с классом.

И кивком головы госпожа Чирикова отпустила меня.

Первая дверь направо! Первая дверь...

Я с недоумением оглядывалась вокруг себя, стоя в длинном светлом коридоре, по обе стороны которого тянулись двери с прибитыми чёрными дощечками над ними. На чёрных дощечках написаны цифры, обозначающие название класса, находящегося за дверью.

Ближайшая дверь и чёрная дощечка над нею принадлежали первому, или младшему, классу. Я храбро приблизилась к двери и открыла её.

Тридцать, или около этого числа, девочек сидят на скамейках за покатыми столиками в виде пюпитров. Их по две на каждой скамейке, и все они записывают что-то в синих тетрадках. На высокой кафедре сидит черноволосый господин в очках, с подстриженною бородою и вслух читает что-то. У противоположной стены за маленьким столиком какая-то тощая девушка, чёрненькая, с жёлтым цветом лица, с косыми глазами, вся в веснушках, с жиденькой косичкой, заложенной на затылке, вяжет чулок, быстро-быстро двигая спицами.

Лишь только я появилась на пороге, как все тридцать девочек, как по команде, повернули ко мне свои белокурые, чёрненькие и рыжие головки. Тощая барышня с косыми глазами беспокойно завертелась на своём месте. Высокий господин с бородою, в очках, сидевший за отдельным столом на возвышении, пристальным взором окинул меня с головы до ног и произнёс, обращаясь ко всему классу и глядя поверх очков:

— Новенькая?

И рыженькие, и чёрненькие, и беленькие девочки прокричали хором на разные голоса:

— Новенькая, Василий Васильевич!

— Иконина-вторая!

— Сестра Юлии Икониной.

— Вчера только приехала из Рыбинска.

— Из Костромы!

— Из Ярославля!

— Из Иерусали́ма!

— Из Южной Америки!

— Молчать! — кричала, надрываясь, тощая барышня в синем платье.

Учитель, которого дети называли Василием Васильевичем, зажал уши, потом разжал их и спросил:

— А кто из вас может сказать, когда благовоспитанные девицы бывают курицами?

— Когда они кудахчут! — бойко ответила с передней скамейки розовенькая белокурая девочка с весёлыми глазками и вздёрнутым пуговицеобразным носиком.

— Именно-с, — ответил учитель, — и прошу оставить ваше кудахтанье по этому случаю. Новенькая, — обратился он ко мне, — вы сестра или кузина Икониной?

«Кузина», — хотела ответить я, но в эту минуту с одной из ближайших скамеек поднялась бледная Жюли и произнесла сухо:

— Я, Василий Васильевич, не хочу считать её ни сестрой, ни кузиной.

— Это почему же? Почему такая немилость? — изумился тот.

— Потому что она лгунья и драчунья! — крикнула со своего места белокурая девочка с весёлыми глазками.

— А вы почём знаете, Соболева? — перевёл на неё глаза учитель.

— Мне Иконина говорила. И всему классу говорила то же, — бойко отвечала живая Соболева.

— Недурно, — усмехнулся учитель. — Хорошо же вы отрекомендова́ли кузину, Иконина. Нечего сказать! Откровенно! Да я бы на вашем месте, если бы это и было так,

скрыл от подруг, что у вас кузина драчунья, а вы точно хвастаетесь этим. Стыдно выносить сор из избы! И потом Странно, но эта худенькая девочка в траурном платьице не имеет вида драчуньи. Так ли я говорю, а, Иконина-вторая?

Вопрос был обращён прямо ко мне. Я знала, что мне надо было ответить, и не могла. В странном смущении стояла я у дверей класса, упорно смотря в пол.

— Ну хорошо, хорошо. Не смущайтесь! — ласковым голосом обратился ко мне учитель. — Садитесь на место и пишите диктовку. Жебелева, дайте тетрадку и перо новенькой. Она сядет с вами, — скомандовал учитель.

При этих словах с соседней скамейки поднялась черненькая, как мушка, девочка с маленькими глазами и тоненькой косичкой. У нее было недоброе лицо и очень тонкие губы.

— Садитесь! — довольно таки нелюбезно бросила она в мою сторону и, подвинувшись немного, дала мне место около себя.

Учитель уткнулся в книгу, и через минуту в классе по-прежнему стало тихо.

Василий Васильевич повторял одну и ту же фразу несколько раз, и потому было очень легко писать под его диктовку. Покойная мамочка сама занималась со мною русским языком и арифметикой. Я была очень прилежна и для моих девяти лет писала довольно сносно. Сегодня же я с особенным усердием выводила буквы, стараясь угодить обласкавшему меня учителю, и очень красиво и правильно исписала целую страницу.

— Точка. Довольно. Жукова, соберите тетради, — приказал учитель.

Худенькая, востроносенькая девочка, моя спасительница, стала обходить скамейки и собирать тетради в одну общую груду.

Василий Васильевич отыскал мою тетрадь и, быстро раскрыв ее, стал просматривать прежде всех остальных тетрадей.

— Браво, Иконина. Браво! Ни одной ошибки, и написано чисто и красиво, — произнес он веселым голосом.

В тот же миг раздался резкий голос с последней скамейки:

— Я очень стараюсь, господин учитель, и мне кажется, что вы довольны моей работой! — произнесла нараспев [illegible] кузина Жюли.

— Ах, это вы, Иконина-первая? Нет, это не вами я доволен, а работой вашей [illegible] — [illegible] учитель. И [illegible] конил её.

— Ну [illegible] работа еще лучше окажется.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] ращаясь ко всем [illegible]

— Что это, девицы? Диктовка ученицы или шалость [illegible] и нацарапал эти каракульки?

Вся [illegible] ными и мелкими кляксами. Класс смеялся. Тощая барышня, оказавшаяся, как я узнала потом, классной дамой, всплеснула руками, а Жюли стояла у своего пюпитра с угрюмо сдвинут[illegible] лицом. Ей, казалось, [illegible] дно — она только злилась.

А учитель между тем продолжал рассматривать исписанную каракулями страницу [illegible]

— Одна... две... три ошибки [illegible] десять, пятнадцать... двадцать... Недурно [illegible] ти строках — двадцать ошибок. Стыдитесь, Иконина-первая! Вы старше всех и [illegible] Стыдно, очень стыдно!

[illegible] звонок, извещающий об окончании урока.

[illegible]

2 ч. 2 класс 4

ГЛАВА X
ФИЛЬКА ПРОПАЛ. — МЕНЯ ХОТЯТ НАКАЗАТЬ

Опять зажгли громадную висячую люстру в столовой и поставили свечи на обоих концах длинного стола. Опять неслышно появился Фёдор с салфеткой в руках и объявил, что кушать подано. Это было на пятый день моего пребывания в доме дяди. Тётя Нелли, очень нарядная и очень красивая, вошла в столовую и заняла своё место. Дяди не было дома: он должен был сегодня приехать очень поздно. Все мы собрались в столовой, только Жоржа не было.

— Где Жорж? — спросила тётя, обращаясь к Матильде Францевне.

Та ничего не знала.

И вдруг, в эту самую минуту, Жорж, как ураган, ворвался в комнату и с громкими криками бросился на грудь матери.

Он ревел на весь дом, всхлипывая и причитая. Все его тело вздрагивало от рыданий. Жорж умел только дразнить сестёр и брата и «остроумить», как говорила Нилочка, и потому было ужасно странно видеть его самого в слезах.

— Что? Что такое? Что случилось с Жоржем? — спрашивали все в один голос.

Но он долго не мог успокоиться.

Тетя Нелли, которая никогда не ласкала ни его, ни Толю, говоря, что мальчикам ласка не приносит пользы и что их следует держать строго, в этот раз нежно обняла его за плечи и притянула к себе.

— Что с тобою? Да говори же, Жоржик! — самым ласковым голосом просила она сына.

Несколько минут еще продолжалось всхлипывание. Наконец Жорж выговорил с большим трудом прерывающимся от рыданий голосом:

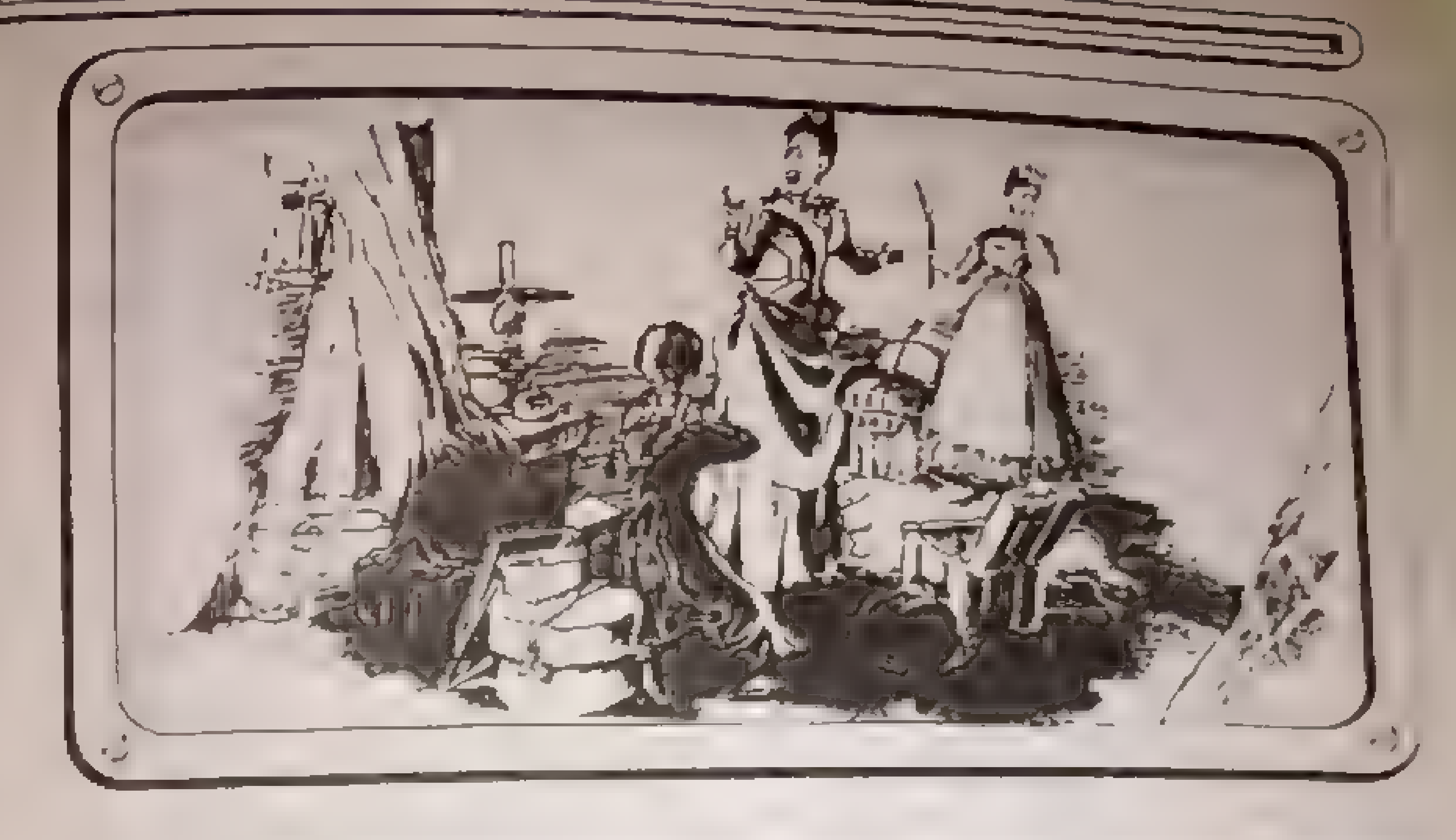
— Филька пропал... мама... Филька.

— Как? Что? Что такое?

Все разом заахали и засуетились. Филька — это был не кто иной, как сова, напугавшая меня в первую ночь моего пребывания в доме дяди.

— Филька пропал? Как? Каким образом?

Но Жорж ничего не знал. И мы знали не больше его.

Филька жил всегда, со дня своего появления в доме (то есть с того дня, как дядя привез его однажды, возвратившись с пригородной охоты), в большой кладовой, куда входили очень редко, в определенные часы, и куда сам Жорж являлся аккуратно два раза в день, чтобы кормить Фильку сырым мясом и подрессировать его на свободе. Он просиживал почти целые часы в гостях у Фильки, которого любил, кажется, гораздо больше родных сестер и брата. По крайней мере, Нина уверяла всех в этом.

И вдруг — Филька пропал!

Тотчас после обеда все принялись за поиски Фильки. Только Жюли и меня отправили в детскую учить уроки.

Лишь только мы остались одни, Жюли сказала:

— А я знаю, где Филька!

Я подняла на нее глаза, недоумевая.

— Я знаю, где Филька! — повторила она. — И это очень хорошо... — неожиданно заговорила она скороговоркой, как это с нею было постоянно, когда она волновалась, — это очень даже хорошо! Жорж мне сделал гадость, а у него пропал Филька... Очень, очень даже хорошо!

И она торжествующе хихикала, потирая руки.

Тут мне разом припомнилась одна сцена — и я поняла всё.

В тот день, когда Жюли получила единицу за закон Божий, дядя был в очень дурном настроении. Он получил какое-то

неприятное письмо и ходил бледный и недовольный весь вечер. Жюли, боясь, что ей достанется больше, нежели в другом случае, попросила Матильду Францевну не говорить в этот день об её единице, и та обещала. Но Жорж не выдержал и нечаянно или нарочно объявил во всеуслышание за вечерним чаем:

— А Жюли получила кол из закона Божия!

Жюли наказали. И в тот же вечер, ложась спать, Жюли погрозила кому-то кулаками, лежа уже в постели (я [illegible] в эту минуту случайно в их комнату), и сказала:

— Ну уж я ему припомню за это. Он у меня [illegible] шет!..

И она припомнила — на Фильке. Филька исчез. Но как? Как и куда могла маленькая [illegible] девочка спрятать птицу — этого я угадать не могла.

— Жюли! Зачем ты сделала это? — спросила я, когда мы вернулись в классную после обеда.

— Что сделала? — так и встрепенулась горбунья.

— Куда ты дела Фильку?

— Фильку? Я? Я дела? — вскричала она [illegible] бледная и взволнованная. — Да [illegible]! Я [illegible] видела Фильки. Убирайся, пожалуйста.

— А зачем же ты... — начала я и не докончила.

Дверь широко распахнулась, и Матильда Францевна, красная, как пион, влетела в комнату.

— Очень хорошо! Великолепно! [illegible] ца! Преступница! — [illegible] кричала она.

И прежде чем я успела [illegible] схватила меня за плечи и [illegible]

Передо мною замелькали [illegible] сундуки и корзины, стоявшие там [illegible] вая. Дверь широко распахнулась в [illegible] Нелли, Ниночка, Жорж, Толя...

— Вот! Я привела виновную! — торжествующе вскричала Матильда Францевна и толкнула меня в угол.

Тут я увидела небольшой сундучок и в нем [illegible] того на дне мёртвого Фильку. Сова лежала, широко распластав крылья и уткнувшись клювом в доску сундука. Должно

быть, она задохнулась в нём от недостатка воздуха, потому что клюв её был широко раскрыт, а круглые глаза почти вылезли из орбит.

Я с удивлением посмотрела на тетю Нелли

— Что это такое? — спросила я.

— И она еще спрашивает! — вскричала, или, вернее, взвизгнула Бавария. — И она ещё осмеливается спрашивать — она, неисправимая [illegible]! — кричала она на весь дом, размахивая [illegible] своими крыльями.

— Я [illegible] — произнесла я тихо.

— [illegible] — [illegible] Нелли и [illegible] — Ж[illegible] [illegible] [illegible]

— Ко[illegible] — [illegible] [illegible] И [illegible] — Фи[illegible] [illegible] это... Очень остроумно... — и он снова захныкал

— Ко[illegible]! — [illegible]

Моя [illegible] Я [illegible] [illegible] — [illegible] совсем не была виновата

Один [illegible] и не отрываясь смотрел на меня

Я [illegible] [illegible]ойное и красивое, оно как-то подергива[illegible] [illegible]

В[illegible] [illegible] [illegible] уиста. Пойдёмте, де[illegible] [illegible]

И, взяв младших за руки, вы[illegible]

На [illegible] [illegible] [illegible]ованное лицо, и губы её дрожа[illegible] точь-в-точь, как у Толи.

Я [illegible] на нее умоляющими глазами.

— Жюли! — вырвалось из моей груди. — Ведь ты знаешь, что я не виновата [illegible]

Но Жюли ничего не сказала, повернулась на одной ножке и исчезла за дверью.

В ту же минуту Матильда Францевна высунулась за порог и крикнула:

— Дуняша! Розог!

Я похолодела. Липкий пот выступил у меня на лбу. Что-то клубком подкатило к груди и сжало горло [illegible]

Меня? Высечь? Меня — мамочкину [illegible] была всегда такой умницей в Рыбинске, [illegible] нахвалились?.. И за что? За что?

Не помня себя я кинулась на колени [illegible] Францевной и, рыдая, покрывала [illegible] тлявыми крючковатыми пальцами.

— Не наказывайте меня! [illegible] ступлённо — Ради Бога не [illegible] Мамочка [illegible] наказывала меня Пожалуйста [illegible]

Но Матильда Францевна [illegible] ла В ту же минуту [illegible] с каким-то отвратительным пучком [illegible] все залито слезами Очевидно, добрая [illegible] меня.

— А-а, отлично! — [illegible] Матильда Францевна [illegible] почти вырвала розги из рук [illegible] ко мне, схватила меня за плечи и [illegible] на один из сундуков, стоявших [illegible]

Голова у меня закружилась [illegible] и как-то холодно сразу. И вдруг.

— Не смейте трогать Лену! [illegible] над моей головой чей-то дрожащий голос

Я быстро вскочила на ноги [illegible] меня. Передо мной стоял То[illegible] катились крупные слезы [illegible] сторону Он задыхался Видно [illegible] сломя голову.

— Мадемуазель, не смейте [illegible] себя — Лена сиротка, у нее мама [illegible] сироток! Лучше меня высеките [illegible] Правда же, не трогала! Ну что хотите [illegible] Лену оставьте!

Он весь трясся, весь дрожал, всё его тоненькое тельце ходуном ходило под бархатным костюмом, а из голубых глазёнок текли всё новые и новые потоки слёз.

— Толя! Сейчас же замолчи! Слышишь, сию же минуту перестань реветь! — прикрикнула не него гувернантка.

— А вы не будете Лену трогать? — всхлипывая, прошептал мальчик.

— Не твоё дело! Ступай в детскую! — снова закричала Бавария и взмахнула надо мною отвратительным пучком прутьев.

Но тут случилось то, чего не ожидали ни я, ни она, ни сам Толя. Глаза у мальчика закатились, слезы разом остановились, и Толя, сильно пошатнувшись, изо всех сил грохнулся в обмороке на пол.

Поднялся крик, шум, беготня, топот.

Гувернантка бросилась к мальчику, подхватила его на руки и понесла куда-то. Я осталась одна, ничего не понимая и ни о чем не соображая в первую минуту. Я была очень благодарна милому мальчику за то, что он спас меня от позорного наказания, и в то же время я готова была быть высеченной противной Баварией, лишь бы Толя остался здоров.

Размышляя таким образом, я присела на край сундука, стоявшего в кладовой, и сама не знаю как, но сразу заснула, измученная перенесёнными волнениями.

ГЛАВА XI
МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ И ЛИВЕРНАЯ КОЛБАСА

— Тс! Ты не спишь, Леночка?

Что такое? Я в недоумении открываю глаза. Где я? Что со мною?

Лунный свет льется в кладовую через маленькое оконце, и в этом свете я вижу маленькую фигурку, которая тихо прокрадывается ко мне.

На маленькой фигурке длинная белая сорочка, в каких рисуют ангелов, и лицо у фигурки — настоящее личико ангелочка, беленькое-беленькое, как сахар. Но то, что фигурка принесла с собою и протягивала мне своей крошечной лап-

кой, никогда не принесёт ни один ангел. Это что-то — не что иное, как огромный кусок толстой ливерной колбасы.

— Ешь, Леночка! — слышится мне тихий шёпот, в котором я узнаю голосок моего недавнего защитника Толи. — Ешь, пожалуйста. Ты ничего ещё не кушала с обеда. Я подождал, когда они все улягутся, и Бавария также, пошёл в столовую и принёс тебе колбасу из буфета.

— Но ведь ты был в обмороке, Толечка! — удивилась я. — Как же тебя пустили сюда?

— Никто и не думал меня пускать. Вот смешная девочка! Я сам пошёл. Бавария уснула, сидя у моей постели, а я к тебе... Ты не думай... Ведь со мной часто это случается. Вдруг голова закружится, и — бух! Я люблю, когда со мною это бывает. Тогда Бавария пугается, бегает и плачет. Я люблю, когда она пугается и плачет, потому что тогда ей больно и страшно. Я её ненавижу, Баварию, да! А тебя... тебя... — тут шёпот оборвался разом, и вмиг две маленькие захолодевшие ручонки обвили мою шею, и Толя, тихо всхлипывая и прижимаясь ко мне, зашептал мне на ухо:

— Леночка! Милая! Добрая! Хорошая! Прости ты меня, ради Бога... Я был злой, нехороший мальчишка. Я тебя дразнил. Помнишь? Ах, Леночка! А теперь, когда тебя мамзелька выдрать хотела, я разом понял, что ты хорошая и ни в чём не виновата. И так мне жалко тебя стало, бедную сиротку! — тут Толя ещё крепче обнял меня и разрыдался навзрыд.

Я нежно обвила рукою его белокурую головку, посадила его к себе на колени, прижала к груди. Что-то хорошее, светлое, радостное наполнило мою душу. Вдруг всё стало так легко и отрадно в ней. Мне казалось, что сама мамочка посылает мне моего нового маленького друга. Я так хотела сблизиться с кем-нибудь из детей Икониных, но в ответ от них получала одни только насмешки и брань. Я охотно бы всё простила Жюли и подружилась с нею, но она оттолкнула меня, а этот маленький болезненный мальчик сам пожелал приласкать меня. Милый, дорогой Толя! Спасибо тебе за твою ласку! Как я буду любить тебя, мой дорогой, милый!

А белокуренький мальчик говорил между тем:

— Ты прости мне, Леночка... всё, всё... Я хоть больной и припадочный, а всё же добрее их всех, да, да! Кушай колбасу, Леночка, ты голодна. Непременно кушай, а то я буду думать, что ты всё ещё сердишься на меня!

— Да, да, я буду кушать, милый, милый Толя!

И тут же, чтобы сделать ему удовольствие, я разделила пополам жирную, сочную ливерную колбасу, одну половину отдала Толе, а за другую принялась сама.

В жизни моей никогда не ела я ничего вкуснее!

Когда колбаса была съедена, мой маленький друг протянул мне ручонку и сказал, робко поглядывая на меня своими ясными глазками:

— Так помни же, Леночка. Толя теперь твой друг!

Я крепко пожала эту запачканную ливером ручонку и тотчас же посоветовала ему идти спать.

— Ступай, Толя, — уговаривала я мальчика, — а то явится Бавария...

— И не посмеет ничего сделать. Вот! — прервал он меня. — Ведь папа раз навсегда запретил ей волновать меня, а то у меня от волнения случаются обмороки... Вот она и не посмела. А только я всё-таки пойду спать, и ты иди тоже.

Поцеловав меня, Толя зашлёпал босыми ножонками по направлению к двери. Но у порога он остановился. По лицу его промелькнула плутоватая улыбка.

Гимназисты. Фото 1909 г.

— Спокойной ночи! — сказал он. — Иди и ты спать. Бавария давно уж заснула. Впрочем, и совсем она не Бавария, — прибавил он лукаво. — Я узнал... Она говорит, что она из Баварии родом. А это неправда... Из Ревеля она... Ревельская килька... Вот она кто, мамзелька наша! Килька, а важничает... ха-ха-ха!

И, совсем позабыв о том, что Матильда Францевна может проснуться, а с нею и все в доме, Толя с громким хохотом выбежал из кладовой.

Я тоже следом за ним отправилась в свою комнату.

От ливерной колбасы, съеденной в неурочный час и без хлеба, у меня во рту оставался неприятный вкус жира, но на душе у меня было светло и радостно. В первый раз со смерти мамочки у меня стало весело на душе: я нашла друга в холодной дядиной семье.

Ребята, вы прочитали главы из повести Л.Чарской «Записки маленькой гимназистки». Понравилась ли вам эта книга? Почему? Обоснуйте свой ответ. Подумайте над вопросами:

1. Почему жизнь Лены Икониной в семье дяди была сначала такой тяжёлой?

2. Как постепенно раскрывается в повести характер Лены? Нравится ли вам героиня повести? Объясните вашу точку зрения.

3. Как вы думаете, почему маленький Толя, который сначала, как все, дразнил и обижал Лену, стал её другом и защитником?

4. Понятно ли из содержания прочитанных глав, как относится к своей героине автор? По каким признакам можно судить об этом отношении?

5. Повесть написана от лица главной героини — Лены (такой приём в литературе называется «повествование от первого лица»). Как вы думаете, почему Лидия Чарская использовала именно этот приём?

6. Книга «Записки маленькой гимназистки» — это повесть. Почему? Назовите признаки повести. Как вы думаете, можно ли было написать о жизни Лены Икониной рассказ? Почему писательница избрала именно жанр повести?

7. Если вам понравилась книга «Записки маленькой гимназистки», прочтите её целиком. У повести счастливый конец. Как вы думаете, случайно ли это?

8. В 30-е годы книги Лидии Чарской критиковали за то, что они слишком сентиментальны, то есть чувствительны, их герои слишком много страдают. Действительно, многие читатели, особенно девочки, плакали над этими книгами. Но разве это плохо?

ПУТЕШЕСТВИЕ 10.

Петроград. 1923 год. Редакция «Воробья». Житков и Маршак. Увлекательные рассказы. Чуковский и Житков: мы знакомы ещё с гимназических лет. Кто такие обериуты?

— Знаете ли вы, друзья мои, что это такое? — в руке у Николая Александровича была маленькая чёрная коробочка. — Это пульт дистанционного управления машиной времени. Теперь мы можем оставаться в прошлом, сколько захотим. Если вы уже сделали уроки, мы можем отправляться в следующее путешествие. На чём мы остановились в прошлый раз?

— Мы разговаривали о детских журналах, ещё о Лидии Чарской и ее произведениях...

— Так, все ясно Предлагаю отправиться в 20-е годы, а для начала — в 1923-й, в Петроград.

— А почему именно в это время? — спросила Оля.

— Через несколько минут, сударыня, вы это узнаете. Итак, отправляемся.

* * *

Когда Игорь и Оля открыли глаза, они увидели, что стоят на тротуаре возле большого старинного дома, рядом с круглой тумбой для афиш. По улице, отчаянно звеня, шёл смешной трамвай незнакомой конструкции, в котором было так много людей, что многие висели на подножках.

— Милостивые государи, посмотрите-ка сюда! — Николай Александрович показывал на подъезд дома. Его украшало множество табличек, но одна невольно привлекла внимание: «Редакция детского журнала «Воробей».

Питерский трамвай. 1920-е г.

Игорь первый догадался:

— Это тот самый детский журнал, о котором мы говорили?

— Конечно, — подтвердил Николай Александрович.

Редакция напоминала муравейник. Выходили и входили какие-то люди. Хлопали двери. Трещали телефоны. Близнецам казалось, что все говорят одновременно. На дверях висели таблички, написанные от руки.

— «Главный редактор», — прочитал Николай Александрович. — Это то, что нам нужно.

Наши путешественники остановились неподалёку от двери. Рядом с ними у окна стоял немолодой человек, худой, по-военному подтянутый. Чувствовалось, что он нервничает, хотя старается не показывать вида.

Через несколько минут дверь распахнулась, и в коридор выбежали улыбающиеся люди. Один из них, лет 35, в круглых очках, стал громко поздравлять человека у окна:

— Замечательно, Борис Степанович! Рассказ мы напечатаем. А вот интересно, откуда вы так хорошо знаете море?

— Я бывший штурман дальнего плавания, Самуил Яковлевич.

— Это чувствуется в рассказе. Ну что ж, вперед на всех парусах!

— Ишь ты, — смущённо проговорил бывший моряк. — На всех парусах. А я, признаться, приготовился к долгому дрейфу.[1]

Близнецы зашептали с двух сторон, перебивая друг друга:

— Он назвал редактора Самуилом Яковлевичем. Это кто, Маршак? Такой молодой? А кто такой Борис Степанович?

— Да, это был Маршак. Ему тридцать пять лет. А бывшего моряка вы не узнали? Это же Борис Житков. Сегодня он принёс в редакцию «Воробья» свой самый первый рассказ. Говоря о себе, Борис Степанович, конечно, скромничал. Он ведь был не только штурманом дальнего плавания, но и корабельным мастером, водолазом, ходил на яхте, знал несколько языков. А ещё был музыкантом и прекрасным преподавателем математики. Он объехал полсвета, поэтому, когда он писал свои рассказы, ему почти ничего не приходилось придумывать специально.

---

[1] Дрейф — движение корабля или льда, несомого течением. Здесь: долгое ожидание.

— А почему вдруг именно в 1923 году Житков решил стать детским писателем? — спросила Оля.

— Вы хотите об этом узнать? Тогда нам нужно вернуться на несколько месяцев назад и попасть в одну квартиру.

— Как в квартиру? Это же неудобно...— забеспокоилась Оля.

— Не волнуйтесь, друзья мои. В конструкции машины времени всё предусмотрено. Идёмте.

Наши герои вышли из редакции и двинулись вверх по улице. Они прошли по чугунному горбатому мосту, свернули в переулок. У пятиэтажного старого дома Николай Александрович остановился.

— Это здесь. Сейчас я нажму кнопку на пульте дистанционного управления, и мы окажемся в квартире Николая Васильевича Корнейчукова. Специальный экран сделает стену прозрачной, но нас никто не увидит и не услышит.

— А кто этот Николай Васильевич? — спросил Игорь.

— Минутку терпения, скоро вы всё узнаете.

... Стена комнаты, в которой оказались наши герои, действительно была прозрачной В соседней комнате на полу, широко раскинув руки и ноги, лежал человек великанского роста и говорил двум маленьким детям:

— Можете делать со мной всё, что хотите. Можете ползать по мне, щекотать, щипать, хватать за нос, дёргать за уши, за волосы, но... — тут он сделал долгую паузу, — если кто-то из вас дотронется до моего подбородка, случится что-то ужасное.

Детям, разумеется, очень хотелось узнать, что же произойдёт именно в этом «ужасном» случае. Но и боязно было: а вдруг?.. И как ни возились они вокруг лежащего гиганта, как ни хватали его за нос и ни дёргали за волосы, но стоило чьей-то руке приблизиться к его подбородку, как чей-нибудь испуганный голос тут же предостерегал:

— Осторожно — подбородок!

Так и не удалось им узнать, что же всё-таки будет в том, «роковом» случае... Хотя можно было не сомневаться, что находчивый великан припас и для этого случая что-нибудь интересное.

Раздался звонок. Великан встал с пола и отправился открывать дверь. Из прихожей донеслись голоса:

— Здравствуй, Николай! Не узнаёшь?

— Борис! Какими судьбами? Давно ты в Питере?

Гость и хозяин вошли в комнату, и близнецы узнали бывшего штурмана дальнего плавания. Только он показался им ещё более худым и совсем невесёлым. Из разговора стало ясно, что Житков в Петрограде без

работы и без денег и настроение у него самое мрачное.

Потом хозяин квартиры куда-то вышел, а Житков посадил его детей к себе на колени и спросил:

— Интересную историю хотите?

— Ага! — кивнули малыши.

— Тогда слушайте...

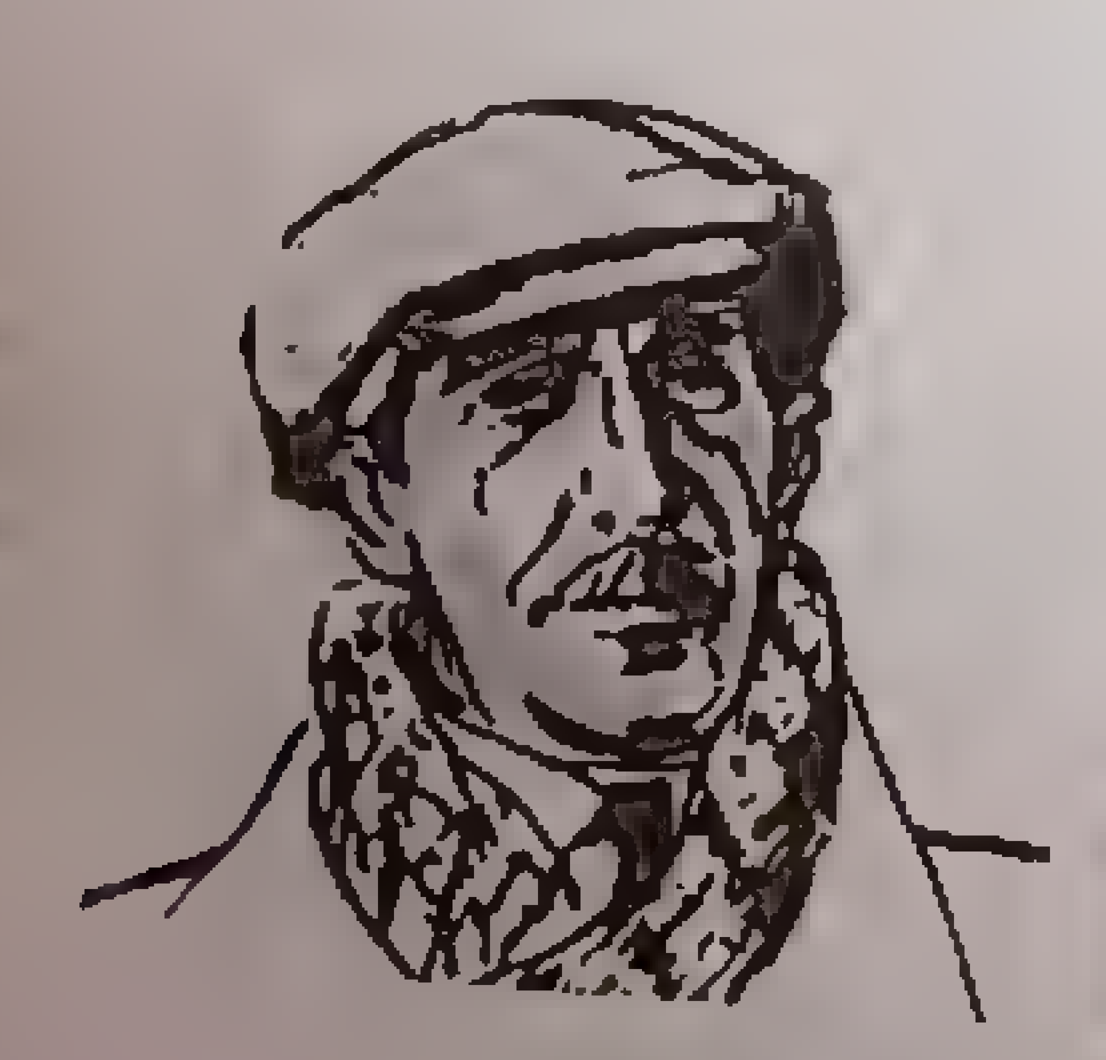
Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек ни увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушкой. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и, если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов. И такие горы стоят на дне Белого моря...

Дети смотрели на рассказчика во все глаза. Наши близнецы приникли к экрану и даже дыхание затаили. Никто не заметил, что высокий хозяин квартиры вошёл и тоже слушает рассказ своего друга и на лице его отражается то восторг, то удивление. Когда рассказ кончился, он сказал:

— Слушай, Борис, а почему бы тебе не стать литератором? Попробуй опиши приключения, о которых ты сейчас говорил, — и, право, неплохая книжка получится!

Гость отозвался на это предложение вяло — видимо, не очень-то верил в свои литературные силы. Тогда Николай Васильевич решил упростить задачу:

— Ты напиши, что напишется, а я прочту и поправлю.

Борис Степанович Житков.

Корней Иванович Чуковский.

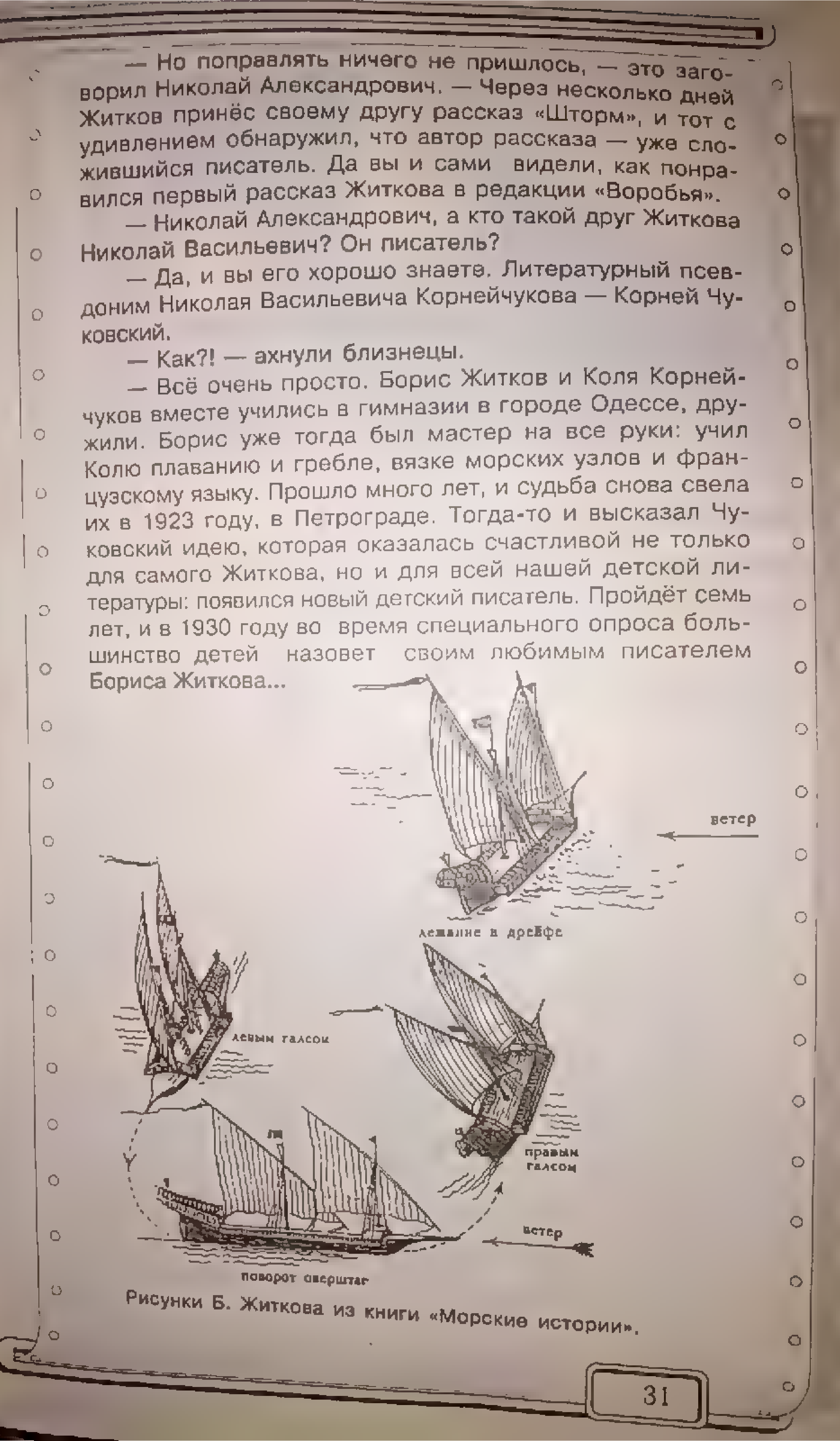
— Но поправлять ничего не пришлось, — это заговорил Николай Александрович. — Через несколько дней Житков принёс своему другу рассказ «Шторм», и тот с удивлением обнаружил, что автор рассказа — уже сложившийся писатель. Да вы и сами видели, как понравился первый рассказ Житкова в редакции «Воробья».

— Николай Александрович, а кто такой друг Житкова Николай Васильевич? Он писатель?

— Да, и вы его хорошо знаете. Литературный псевдоним Николая Васильевича Корнейчукова — Корней Чуковский.

— Как?! — ахнули близнецы.

— Всё очень просто. Борис Житков и Коля Корнейчуков вместе учились в гимназии в городе Одессе, дружили. Борис уже тогда был мастер на все руки: учил Колю плаванию и гребле, вязке морских узлов и французскому языку. Прошло много лет, и судьба снова свела их в 1923 году, в Петрограде. Тогда-то и высказал Чуковский идею, которая оказалась счастливой не только для самого Житкова, но и для всей нашей детской литературы: появился новый детский писатель. Пройдёт семь лет, и в 1930 году во время специального опроса большинство детей назовет своим любимым писателем Бориса Житкова...

Рисунки Б. Житкова из книги «Морские истории».

Борис ЖИТКОВ (1882 — 1938)

НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН

(из книги «Морские истории»)

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кажется, «Пушкин» идет.

Отвечают портовые люди:

— Правильно, это Стратонов.

Пассажиры:

— «Пушкин» ведь?

— Ну да: Николай Исаич.

Пассажиры переглядываются — вот неучи какие моряки: не знают, что Пушкин — Александр Сергеич. Николай Исаич Пушкин!

А Николай Исаич стоит на мостике «Пушкина», глядит в бинокль и рявкает из бороды:

— Права... ещё права. Так, так держать!

И знает Николай Исаич, что весь «Пушкин», от верхушки мачты до днища, — всё это он — Николай Исаич. И что, когда посадит он «Пушкина» на мель, никто не скажет: «Пушкин» напоролся, а прямо будут говорить:

— Николай Исаич на мель сел. Стратонову скулу помял... пять футов[1] воды в трюме.

[1] Ф у т — единица длины, около 0,3 метра

Сам все эти пять футов воды ртом бы выпил Николай Исаич, лишь бы не было такого греха.

И так вот всякий капитан.

Потому и говорят: Ерохин снялся, Фёдор с моря идёт.

А в «Фёдоре» этом — десять тысяч тонн, и на носу накрашено: «Меркурий».

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто. Шёл я в свежую погоду у Тендры, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот по времени должна уж быть Тендра. А это, на́до сказать, песчаная коса, её и днём-то за двести саже́ней[1] можно не́ увидеть. Я вышел и слышу: не та зыбь, метёт прибой, ро́ссыпи слышно.

Я говорю помощнику:

— Сейчас в Тендру вопрёмся, уваливайтесь под ветер.

А он говорит:

— Приведите к ветру, лот брошу.

То есть чтоб я поставил судно против ветра, а он смерит, сколько глубины!

А привести к ветру — это выходит с ходу ещё сажен двадцать пролететь к берегу

— Приведите! — кричит помощник.

— На вашу голову?

— Ладно, — и побежал он с лотом на бак.

Я привёл, и ещё ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло всё судно. Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась

Потом на берегу спрашивали:

— Ты под Тендрой сидел?

— Да, понимаешь, помощник...

Все усмехаются, отворачиваются. И верно. А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я. И с тех пор я уже накрепко понял: не судно ходит, а капитан, не судно гибнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем.

Дело было так.

Ледокол промышлял во льдах в Белом море. Промыш-

---

[1] **Саже́нь** — русская мера длины, равная 2,13 метра

[illegible], то есть у него на борту было душ полтораста промышленников, и ледокол лазил меж льдов по свободной воде, шёл туда, где залёг зверь. Капитан был молодой, лет тридцати пяти мужчина. Промышленники его любили за-то, что с ним пойдёшь — всегда удача. Зверя было «бал-го», и набили на льдине тюленей — беда сколько. Били и отстать не могли, в раж вошли люди от крови и от удачи. Такая жара пошла, что капитан сам не выдержал, сбежал на лёд и садил багром тюленьи головы.

— Эх, здорово капитан завёл, — красные, в поту и в крови, хвалили капитана промышленники.

А с запада потянул ветерок. Капитан уж на месте и торопит ребят:

— Ну кончай! Кончай!

Да как бросишь? В десять лет раз, старики говорят, такая удача! Не бросать же, коли само счастье в руки лезет. Отвернись от него, так и оно отворотится. А вест свежает. Свежает вест, давит на лед, и вот двинулась льдина, и дрейфует (дрейфовать — идти без машины, силой ветра) ледокол у кромки со льдом вместе. Помалу дрейфует к востоку.

Темнеть стало. Ай и капитан, ну и капитан — прямо счастью в карман впёрся! Ещё полчасика!

— Все на борт, снимаюсь!

Двинул капитан вдоль кромки: узкой полосой шла, как река в ледяных берегах, свободная вода.

— Умаялись, ребята, вари чего там на ужин.

А капитан дал полный ход: надо уйти из этой щели, а ещё неизвестно, как там лёд впереди. Часом бы раньше...

— А ну, сбегай в машину, скажи там, чтоб шевелили, сколько духу.

И стал капитан серьёзным. Ходил по мостику и слышал, как внизу гомонят ребята, какого-то Митьку дразнят: вгорячах себе в валенок багром засадил. До Митьки тут! Ходу, ходу ещё! Вон лёд прямо по носу. Нет, это не поворот в канале, а затор. А может, слабый лёд? И капитан заметил, как помощник косым взглядом глянул на него. Капитан подошёл к телеграфу и два раза повернул ручку на весь размах и

поставил на «полный» — значит, дай самый полный. Слышно было на мостике, как прозвонил крутым раскатом телеграф в машине. Пароход летел прямо в затор, сейчас, сейчас вонзится. Пароход ударил лёд пологим форштевнем (выступающее ребро на носу), выскочил, задрался нос, и сразу смолкли голоса под мостиком. Ледокол влез носом на лед и стал, тужился машиной И капитан и помощник, сами того не замечая, напирали на планшир мостика, тужились вместе с ледоколом. Нет! Стоп!

— Назад!

Машина стала, и снова заурчало в брюхе парохода. Ледокол слез, скатился форштевнем; соскочил со льда и присел на минуту нос Лёд не поддался. Два раза ещё ударил в лёд капитан и запыхался, помогая пароходу. Он знал, что назад выхода нет и развернуться в узком канале нельзя. А внизу опять гудят, как на ярмарке.

— Митька-то, в валенок!.. Ах, чтоб тебе!

И кто-то кричит:

— Значит, дрейфуем, вались спать, ребята!..

Капитан сам знал, что придется дрейфовать к осту вместе со льдом в этом узком канале, в ледяной коробке. И знал капитан, знал по счислению, что там, справа к осту, — «кошки Литке» Пошел в штурманскую, глянул на карту, глянул во всю силу. Да, вот ровно на ост — «кошки Литке» И сейчас отлив, малая вода

А вест свежал и свежал Стало темно, промышленники уж глухо гудели под палубой, и только две папироски остро горели у правого борта

Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек ни увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушей. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и, если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов.

И такие горы стоят на дне Белого моря. Их нащупал Литке, нанёс на карту, и с тех пор называются они «кошки Литке».

В полную приливную воду может над ними пройти пароход, но в отлив напорется и раскроит себе брюхо.

Эти самые «кошки» и были по правому борту ледокола, и был отлив, то есть была «кроткая вода»; когда кончится отлив, должен начаться прилив.

Капитан знал это. Знал, что в узком канале он будет дрейфовать до самых «кошек»; что если он брюхом упрётся в «кошки», то через минуту лёд слева подойдёт к борту вплотную, напрёт, напрёт неодолимо, как если бы берег, сам материк надвинулся на него, напрёт в борт и положит ледокол мачтами на воду, и тогда — аминь. Звать по радио на помощь? Кто же пробьётся к нему, когда он, ледокол, не может выбиться? Только раззвонить по свету — чтоб люди смеялись и враги радовались. И он знал, что вот скоро-скоро царапнет дном.

Приказал держать полный пар и ушёл в каюту. Посидел на койке, всё смотрел на свои большие руки.

«Положит набок пароход... положит

Где «кошки»? И спиной чувствовал, что там, сзади него, под водой, подо льдом, стоят эти «кошки» и ждут. Сколько до них? Нельзя знать, тут дело не в саженях. Поглядел в альманах (астрономический справочник). И без карандаша в уме считалось само до секунды — сейчас идет прилив, — только начался. И капитан натуживался, помогал подниматься воде, каждый дюйм[1] воды будто сам своей натугой подымал. На пароходе было тихо, и только слышно было под низом, как гудит динамо, качает свет. Свежий вест драил по мостику. А ухо было всё внизу, там, у дна, где должны царапнуть камни. Капитан перестал глядеть на часы и считать дюймы, а слушал.

Вот! Чиркнуло. На пароходе спокойно, никто не слышал. Капитан вытянул ящик и вынул кольт.

Камни теперь пойдут выше и выше... Но бежит вода на помощь, оттуда, из океана, через горло Белого моря. Поспеет ли?

Ух, заскребло как, заскрежетал кто-то зубами. И пошатнуло ледокол. И вон голоса на палубе. Помощник

[1] Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

прошагал мимо двери, но не стукнул в дверь... Опять! Покренился чуть... Пронесло... Кричит кто-то на палубе:

— На лёд, да и пойдём, ещё как пойдём-то, куда с добром. Телеграмму даст. . Всех снимут. Да к маяку зашагаем, что по земле. Погоди скакать, трап спустим.

Гудят, топают. Теперь даже весело кричат. Все на палубе... Механик около дверей говорит:

— Так вы спросите, тушить, что ли, котлы? А то я на лёд и — марш.

И голос помощника:

— Спрашивайте сами .. А я спрашивать не стану Вона сколько уж народу на льду-то.

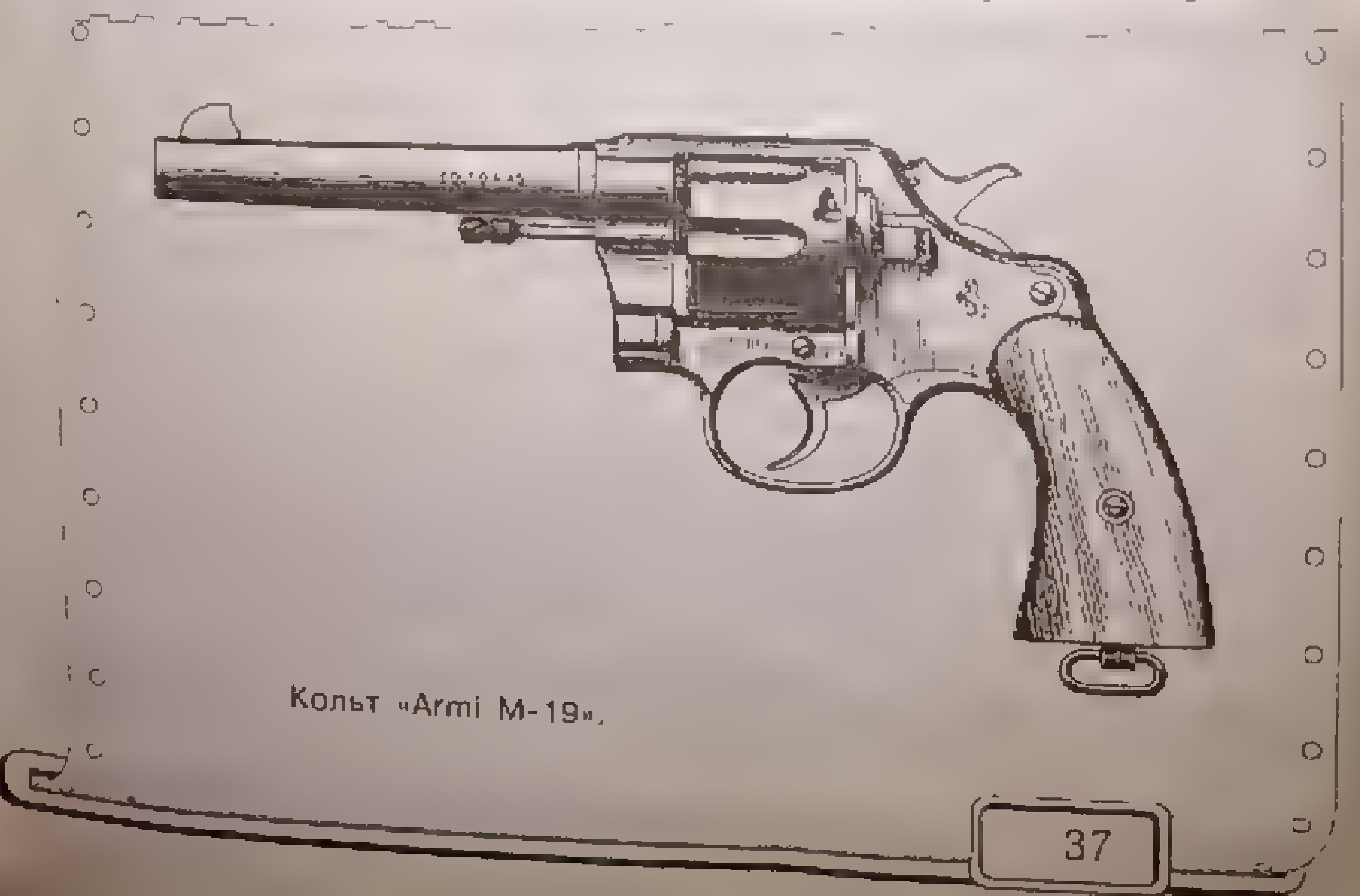
И оба отошли через минуту

Опять! Опять! И в ответ загудело на палубе, но капитан слышал только, как силится, скребётся ледокол дном по каменьям Капитан взял в руку кольт Нет, поддувает, поддувает вода... а в упор к борту стоит лёд.

Нету! Нету! Уже пять минут, может быть, нету. Капитан взглянул на часы Если еще пять минут не будет...

И не было. Капитан глянул на себя в зеркало. Он был красен весь, лицом и шеей, в один ровный багровый цвет. Не узнавал красного человека и от глаз не мог оторваться: сам на себя смотрел

Потом, не брякнув, сунул кольт в ящик и аккуратно притворил. Вышел на мостик. Всходила красная луна.

Кольт «Armi M-19».

— Определиться? — спросил помощник.

— Всех я вас уж определил, кто чего стоит, — сказал капитан и сам взял секста́нт (астрономический прибор) из штурманской.

А утром стал бриться и увидал, что виски седые.

ИЗ «СЛОВАРЯ МОРСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ», составленного Б.А. Житковым

БАК — носовая часть палубы.

БАНКА́ — скамья в лодке.

БИЗА́НЬ — третья мачта, считая от носа. На ней есть косой парус, который тоже называется «бизань».

БЛИНДАРЕ́Я — рея, которая перекрещивала бушприт. К ней подвязывался парус — блинд.

БРА́СЫ — снасти, что идут от концов рей. За них поворачивают реи.

БРА́ШПИЛЬ — машина, которой поднимают якорь.

БРИЗ — ветер; ветер, который ночью, особенно после жары, дует с берега, — ночной бриз.

1. По каким признакам можно судить, что автор рассказа — бывалый моряк? Отвечая на этот вопрос, обратите внимание не только на содержание рассказа, но и на его язык.

2. Рисуя характеры своих героев, Житков любил чётко выделить в начале рассказа их главные черты, которые потом проявлялись в содержании произведения. Что мы узнаём о молодом капитане, друге рассказчика, сначала и как потом эти черты характера раскрываются в рассказе?

3. Как ведёт себя капитан в очень трудный момент, почему он простил людей, которые хотели покинуть корабль?

4. Как вы поняли, прочитав рассказ, почему корабли называли именами их капитанов? (Помните, об этом говорится в начале рассказа.) Почему Б.Житков назвал свой рассказ «Николай Исаич Пушкин»?

5. Что вы можете сказать о рассказчике? Кто этот человек? Какой у него характер?

6. Борис Житков пишет о море, как настоящий поэт. Какие строчки в рассказе подтверждают эту мысль?

7. Если вам понравился рассказ «Николай Исаич Пушкин», прочтите книгу Б.Житкова «Морские истории». А когда прочитаете, попробуйте ответить на вопрос: почему большинство детей назвало Б.Житкова своим любимым писателем?

Корней

Из книги

Глава пе

ТЕЛЕФ

Зуев вы
медных, же
перед собо
боясь проп
сделала ему

Зуев мо
нашем клас
рую мы жда

Одиннад
ками, вошёл
звали мы е
певучим, то
учебного ок
вич фон Люс
и, быть мож
во время ди

Теперь э

Мне осо
го друга, сн

Корней ЧУКОВСКИЙ (1882 — 1969)
Из книги «Серебряный герб»
Глава первая

ТЕЛЕФОН

Зуев высыпал из ранца полдюжины мелких иконок — медных, жестяных, деревянных, бумажных, — разложил их перед собою на парте и стал деловито целовать их подряд, боясь пропустить хоть одну: как бы она не обиделась и не сделала ему какой-нибудь гадости.

Зуев молился недаром: через три или четыре минуты в нашем классе начнётся диктовка, страшная диктовка, которую мы ждали одиннадцать дней.

Одиннадцать дней назад к нам, стуча высокими каблучками, вошёл наш директор Бургмейстер (Шестиглазый, как звали мы его) и, словно читая стихи, сообщил нам своим певучим, торжественным голосом, что господин попечитель учебного округа его сиятельство граф Николай Фердинандович фон Люстих на днях осчастливит наш класс посещением и, быть может, пожелает присутствовать на русском уроке во время диктовки.

Теперь этот день наступил.

Мне особенно жалко Тимошу Макарова, моего лучшего друга, сидящего сзади, наискосок от меня. У него не-

давно был тиф, и он сильно отстал от класса. Его лопохое, рыжее от веснушек лицо выражает смертельный испуг.

– Тимоша... погоди... я придумал!

В одну секунду я вытаскиваю у себя из-за пазухи веревочный хвост от бумажного змея, привязываю к своему башмаку, а другой конец сую Тимоше:

— Привяжи к ноге... да покрепче!

И, покуда он возится с узлами хвоста, говорю:

— Дёрну раз — запятая. Два — восклицательный. Три — вопросительный. Четыре — двоеточие. Понял?

Тимоша весело кивает головой и пыжится сказать мне какое-то слово. Но он заика, и изо рта у него вылетают только две-три буквы и брызги слюны.

Рядом с ним сидит Муня Блохин, маленький кучерявый и быстрый. От тотчас ныряет под парту расширить телефонную сеть.

Не может же он допустить, чтобы таким замечательным изобретением пользовался всего один человек! Нет, за спиной у Тимоши сидит второгодник Бугаи. Нужно провести телефон и к нему.

Блохин достаёт из кармана бечёвку и протягивает её от Тимоши к Бугаю. Тот быстро прикрепляет её к своей правой ноге.

Рядом с Бугаем — Козельский, последний ученик в нашем классе, Зюзя Козельский, плакса, попрошайка и трус

Нужно провести телефон и к нему, не то он заскулит и захнычет и выдаст нас всех с головой.

За Зюзей Козельским, на «камчатке», у самой стены сидят знаменитые на всю гимназию губошлёпы и лодыри, пучеглазые братья Бабенчиковы. У них кулаки, как гири, нужно протянуть телефонные нити и к ним.

— Не забудьте же, — повторяет Блохин. — Раз — запятая, два — восклицательный, три — вопросительный, четыре — двоеточие. Поняли?

А Зуев хоть и крестится, хоть и бормочет молитвы, но краем глаза всё время поглядывает на меня и на Муню. И вдруг сгребает, как лопатой, всех своих святителей в ранец, срывает у себя с шеи шнурок и, опустившись на колени под партой, хозяйственно привязывает его к моему башмаку.

В нашем классе я считался чемпионом диктовки. Не знаю отчего, но чуть не с семилетнего возраста я писал без единой ошибки самые дремучие фразы. В запятых не ошибался никогда.

По другим предметам я бывал зачастую слаб, но по русскому языку у меня была сплошная пятёрка, хотя и случалось, что тут же, по соседству с пятёркой, мне ставили в тетрадку единицу — за кляксы. Писать без клякс я тогда не умел, и все мои пальцы после каждой диктовки обычно были измазаны чернилами так, словно я нарочно совал их в чернильницу.

Но вот распахнулась дверь. В класс вошёл не Бургмейстер, не сиятельный Лю́стих, которым нас пугали одиннадцать дней, а какой-то дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом. И немедленно начал диктовать нам диктовку.

Пришлось поработать моей правой ноге! Всё время, пока длилась диктовка, я дёргал, и дёргал, и дёргал ногою так, что у меня даже в глазах потемнело.

Диктовка была такая (я запомнил её от слова до слова):

«В тот день (дёрг!), когда доблестный Игорь (дёрг!), ведущий войска из лесов и болот (дёрг!), увидел (дёрг!), что в поле (дёрг!), где стояли враги (дёрг!), поднялось зловещее облако пыли (дёрг!), он сказал (дёрг! дёрг! дёрг! дёрг!). «Как сладко умереть за отчизну!» (дёрг! дёрг!)

Наши парты дрожали, как в судороге. Я без устали передавал свои сигналы Зуеву, и Тимоше, и Муне. Тимоша передавал их Бугаю, Муня — Козельскому и братьям Бабенчиковым.

По окончании диктовки дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом взял наши тетради и унёс неизвестно куда. Это был, как потом оказалось, важный чиновник из канцелярии попечи́теля Люстиха.

И благодарила же меня вся спасённая мною шестёрка! Зюзя Козельский обещал мне одного из своих голубей, братья Бабенчиковы — полную фуражку изюму, так как у их отца на Екатерининской улице была лучшая в городе лавка, где продавались финики, фиги, кокосовые орехи, халва.

Через неделю в класс деревянной походкой снова вошел незнакомец в сопровождении нашего наставника Флёрова и заявил, что, по приказу господина попечителя учебного округа его сиятельства графа фон Люстиха, комиссия по проверке успехов учащихся рассмотрела тетради с написанной нами диктовкой и отметила одну странную вещь...

Незнакомец порылся в тетрадях.

— Вот хотя бы Зуев Григорий и Козельский Иосиф... Нельзя ли пригласить их к доске?

Зуев и Козельский с удовольствием подбежали к доске и скромно приосанились, ожидая похвал.

Незнакомец глянул на них и вдруг, к удивлению класса, улыбнулся совсем как живой человек. И, повернувшись к доске, написал на ней мелом такое:

«В тот день когда: доблестный Игорь ведущий? войска из лесов и болот увидел что в поле где? стояли, враги поднялось!? зловещее облако пыли?»

— Вот как написал свою диктовку ученик третьего класса Козельский Иосиф. За такую диктовку единица, конечно, слишком большая отметка. Мы ставим Козельскому нуль, равно как и Григорию Зуеву.

Все захохотали, кто-то свистнул. Незнакомец постучал деревянным своим пальцем по кафедре и проговорил уже без всякой улыбки:

— Но есть среди вас такие, что даже нуля недостойны. Это Максим и Александр Бабенчиковы... Бабенчиков Александр написал диктовку так:

«В тот день когда доблестный Игорь веду,щий вой!-ска из ле?сов и бо,лот уви,дел что в поле где сто,яли вра!ги поднялось зловещее об,лако пы?ли он сказал как слад,ко умереть: за от,чизну».

Беда произошла оттого, что почерк был у меня очень медленный, детский, а у товарищей — быстрый. Да и проклятые кляксы сильно тормозили меня. Когда я с трудом выводил третье или четвёртое слово, мои товарищи уже писали седьмое, девятое. Слепо понадеявшись на мой телефон, товарищи, сидевшие далеко позади, уже не шевелили мозгами и по сигналу готовы были ставить запятые внутри каждого слова, даже разрезая его пополам, чего сроду не

делал самый отпетый дурак с тех пор, как на свете существует диктовка.

После этого дня я долго не мог ни кашлянуть, ни засмеяться, ни вздохнуть, ни чихнуть — так болели у меня ребра от той благодарности, которую выразили мне мои сверстники, главным образом братья Бабенчиковы. Напрасно я доказывал им, что ни одно великое изобретение не бывает на первых порах совершенным: они были глухи к моим слезам и протестам.

Вернулся я в гимназию лишь на четвёртые сутки.

Молва о телефоне гудела и в коридоре и в классах.

Но Шестиглазый предпочел притвориться, будто ничего не слыхал: иначе ему пришлось бы воздать по заслугам и Гришке Зуеву, и братьям Бабенчиковым, которые по особым причинам пользовались его благосклонностью.

Вскоре начались у нас экзамены. Я совсем забыл о телефоне.

1. Подумайте, какой вы представляете дореволюционную гимназию по книгам Лидии Чарской и Корнея Чуковского.

2. Что вы узнали о Чуковском, побывав вместе с нашими героями в его доме?

Ребята, вы прочли начало книги Корнея Чуковского «Серебряный герб» (сначала она называлась «Гимназия»). Чуковский написал её в 30-е годы по своим детским воспоминаниям и впечатлениям, значит, можно сказать, что у этой книги автобиографическая основа (то же самое можно сказать и о книгах «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, «Детство Никиты» А.Толстого). Вы хорошо знаете сказки К.Чуковского для детей — «Доктор Айболит», «Тараканище»,«Мойдодыр» и другие. Книга «Серебряный герб» поможет вам познакомиться с ещё одной стороной творчества этого писателя.

А теперь мы хотим предложить вам отрывок из другой книги Корнея Чуковского. Она называется «От двух до пяти» и написана была не для детей, а для взрослых — поэтов, которые пишут детские стихи. В этой книге вам откроется другой Чуковский, и вам будет интересно подумать над его словами...

Корней ЧУКОВСКИЙ

ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ (отрывки)

ЗАВОЕВАНИЕ ГРАММАТИКИ

ЗА-ВЫ-НА-РАС-ОБ

— Смотри, как налужил дождь!

— Ой, какой пузырь я выпузырила!

— Дай мне распакетить пакеты.

— На тебе кочергу, покочергай.

— Собака пасть разинула, а потом зазинула.

— Ах, как обснегилась улица!

— Видишь, как я хорошо приудобился.

— Погоди, я ещё не отсонилась

— Мама сердится, но быстро удобряется.

— Весь мост залошадило

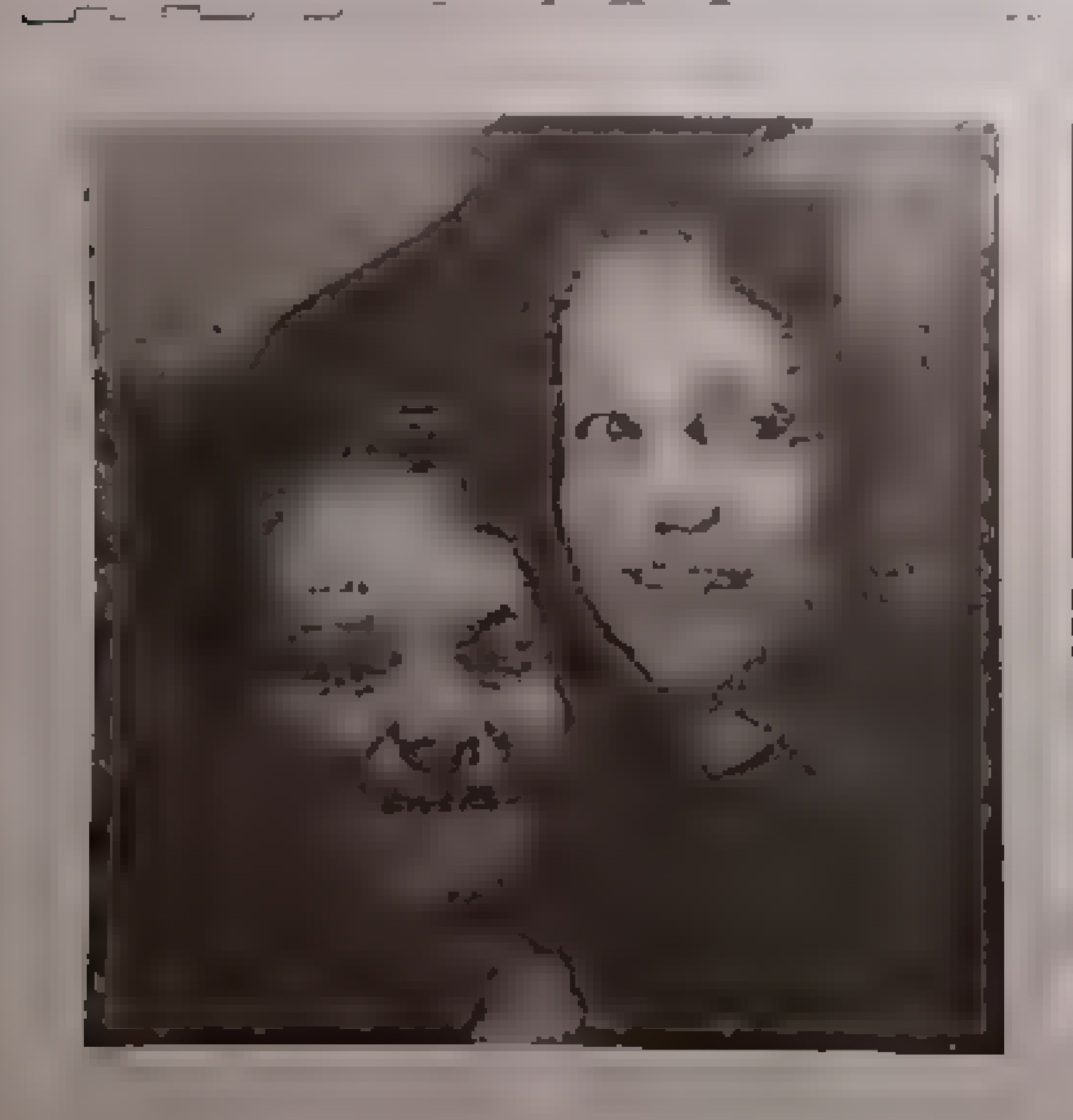
— На что это ты так углазилась?

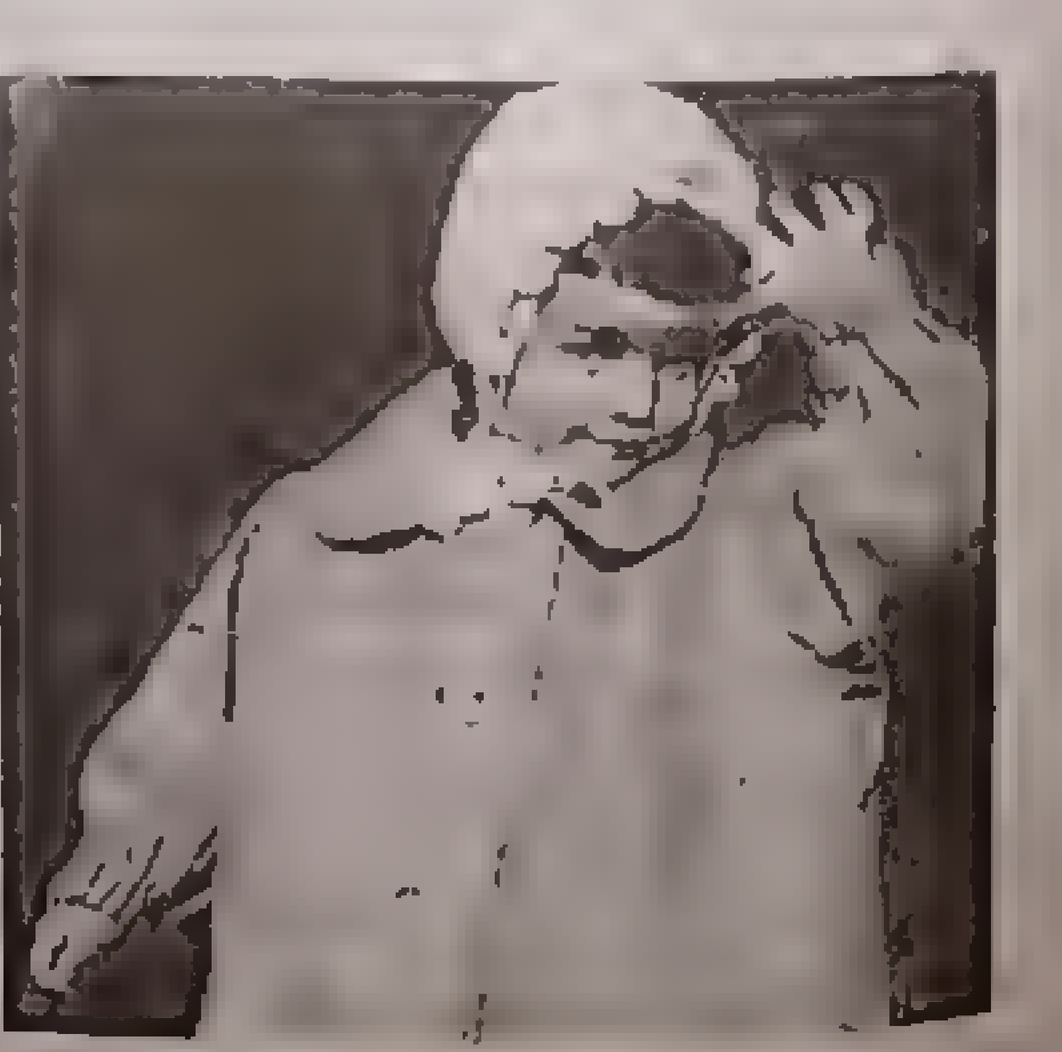
В этих глаголах меня особенно восхищают приставки.

Они показывают, как чудесно ощущает ребёнок назначение этих маленьких за, вы, у, на, рас, об и т д. Углазиться, выпузырить, распакетить, задверить, натабачить, приудобиться, обснегиться — здесь ребенок никогда не ошибётся.

Когда Юрику Б. не понравилось, что за ужином его мать посолила яйцо, он закричал:

— Высоли обратно!

Фотографии детей. 30-е годы.

А другой мальчишка, долго корпевший над каким-то бумажным изделием, вдруг проговорил, торжествуя:

— Трудился, трудился и вытрудил пароходик!

Таких примеров можно привести очень много:

— Никак не могу распонять, что нарисовано на этой картинке.

— Я помнил, помнил, а потом отпомнил.

— Мама, отпачкай мне руку!

— Заразился, а потом отразился (выздоровел).

— Папа, уже расгащивается! — крикнула отцу пятилетняя дочь, когда гости, пришедшие к матери, стали понемногу расходиться.

Расгащивается! Одним этим смелым, внезапно сотворённым глаголом она обнаружила такое гениальное чутьё языка, какому мог бы позавидовать и Гоголь.

Все эти приставки придают русской речи столько богатейших оттенков. Чудесная её выразительность в значительной мере зависит от них.

И разве не изумительно, что ребёнок уже на третьем году своей жизни вполне овладевает всем этим обширным арсеналом приставок и великолепно угадывает значение каждой из них. Взрослый иностранец, хотя бы он изучал наш язык много лет, никогда не достигнет такой виртуозности в обращении с этими частицами слов, какую проявляет двухлетний ребёнок.

Эту виртуозность, как мы только что видели, обнаружила двухлетняя Джаночка, когда она сказала свою бессмертную фразу про куклу:

— Вот притонула, а вот и вытонула!

Ребёнок впервые очутился на даче. На соседних дачах и справа и слева лают весь вечер собаки. Он с удивлением спрашивает:

— Что это там за перелай такой?

Этот перелай (по аналогии со словами перекличка, переписка, перебранка, перепляс, перезвон) отлично изобразил то явление, которое подметил ребёнок: прерывистость и «обоюдность» собачьего лая. Чтобы объяснить «перелай» иностранцу, пришлось бы прибегнуть к такой многословной описательной речи: лают две собаки (или больше) с двух

противоположных сторон, причём не сразу, а попеременно — едва умолкает одна, тотчас же принимается лаять другая перелай.

Вот сколько понадобилось бы слов, чтобы выразить то, что ребёнок высказал единственным словом с короткой приставкой.

ЛЬЗЯ И НЕЛЬЗЯ

Любопытная особенность детских приставок: они никогда не срастаются с корнем. Ребёнок отрывает их от корня и легче, и чаще, чем взрослые. Он, например, говорит:

— Я сперва боялся трамвая, а потом вык, вык и привык.

Он не сомневается в том, что если есть «привык», то должно быть и «вык».

То же и с частицами отрицания.

Скажешь, например, малышу: «Ах, какой ты невежа!», а он: «Нет, папочка, я вежа, я вежа!» Или: «Ты такой неряха», а он: «Ладно, я буду ряха!»

Бабушка Ани Ко́куш сказала ей с горьким упрёком:

— Ты недотёпа.

Аня со слезами:

— Нет, дотёпа, дотёпа!

И вот восклицание Мити Толсто́го перед клеткой зоосада:

— Ай, какие обезьяны уклюжие!

У взрослых отрицание не чаще всего прирастает к корням. Я впервые подумал об этом, когда услышал такой разговор малышей:

— Не плачь, он ударил нечаянно.

— Нет, чаянно, чаянно, я знаю, что чаянно!

Сын Гвоздева — правда, на седьмом году жизни — создал такое чудесное сочетание рифмованных слов: дятел-долбятел.

В какой-то мере это свойственно и взрослым, о чём свидетельствуют такие неразрывные сочетания слов, как чудо-юдо, мальчик с пальчик, тары-бары и проч.

Дети тяготе́ют к этим «двуство́рчатым» словам гораздо сильнее, чем взрослые. Игорь, трёх лет семи ме́сяцев:

— Папа, а будут сегодня передавать по телевизору мульти-пульти?

Это звонкое мульти-пульти куда привлекательнее для детского слуха, чем вялая и тягучая мультипликация.

Вообще всякая рифма доставляет ребёнку особую радость.

Когда она случайно подвернётся ему в разговоре, он играет ею, твердит её несколько раз, использует её для импровизированной песни.

— Куда ты положил мыло? — спрашивает у мальчика мать.

Он отвечает без всяких покушений на рифму:

— А вот туда, где вода.

И, лишь сказав эти слова, замечает, что в них промелькнуло созвучие. И мгновенно начинает распевать:

Вот туда,
Где вода
Вот туда,
Где вода

Дети изумительно чутки к тем случайным и непреднамеренным рифмам, какие возникают порою в нашей прозаической речи.

Мать посылает пятилетнюю Веру на кухню:

— Пойди скажи няне: няня, мама разрешила дать мне чаю с молоком.

Фотография девочки. 30-е годы.

Вера сразу уловила здесь ритм, и, вбежав на кухню, закричала

Няня, мама разрешила
дать мне чаю с молоком,
а теперь зовут ребята
Дядю Стёпу маяком!

То есть к первому двустишию пристегнула две строки из «Дяди Стёпы» Сергея Михалкова, причём это вышло без всякой натуги, неожиданно для неё самой.

У Сергея Михалкова есть прелестное стихотворение «Всадник». В нём отчётливый ритм и звонкие рифмы, но последняя строка по прихоти автора написана неожиданной прозой. Стихотворение кончается так:

Я в канаву не хочу,
Но приходится —
Лечу.
Не схватился я за гриву,
А схватился за крапиву
— Отойдите от меня,
Я не сяду больше на эту лошадь.

Дети, повышенно чуткие к поэтической форме, возмущаются таким разрушением ритма и отсутствием ожидаемой рифмы. Сплошь и рядом они не только отвергают прозаический текст, но тут же придумывают свою собственную стихотворную строку. Мне пишут о пятилетней Ниночке, которая, услышав концовку «Всадника», с возмущением сказала:

— Неправда. Ты неверно читаешь. Надо сказать.

— Отойдите от меня,
Я не сяду на коня.

Почти все дети, которым в виде опыта я читал эти стихи Михалкова, реагировали на них точно так же. Нужно ли говорить, что именно на такую реакцию и рассчитывал Сергей Михалков.

ОЧКИШКА И МАРТЫ

Старишка в мартости глаза слабами стала,
А у слухей она людала...

Весело и озорно, совсем по-детски увлекался такой словесной игрой молодой поэт Даниил Хармс. Нужно было видеть, каким восторгом встречали дети своего любимого автора, когда он читал им с эстрады.

А вы знаете, что у,
А вы знаете, что па,
А вы знаете, что пы,
Что у папы моего
Было сорок сыновей?

И дальше:

А вы знаете, что на,
А вы знаете, что не,
А вы знаете, что бе,
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
и т.д.

Совсем по-другому, но так же аппетитно и весело играет он словом «четыре» в своей последней книжке «Миллион»:

Раз, два, три, четыре,
И четыре на четыре,

Фотографии детей. 30–50-е годы.

И четырежды четыре,
И потом ещё четыре.

Одним из лучших памятников его словесной игры останется «Иван Иваныч Самовар», где всему повествованию придана такая смехотворно однообразная (и очень детская) форма:

Самовар Иван Иваныч,
На столе Иван Иваныч,
Золотой Иван Иваныч
Кипяточку не дает,
Опоздавшим не даёт,
Лежебокам не даёт.

Такие же игровые стихи создал в своё время поэт Александр Введенский. Особенно было популярно в детской среде его шуточное стихотворение «Кто?»

Дядя Боря говорит,
Что
Оттого он так сердит,
Что
Кто-то на пол уронил
Банку, полную чернил,
И оставил на столе
Деревянный пистолет,
Жестяную дудочку
И складную удочку.
Может, это серый кот
Виноват?
Или это чёрный пёс
Виноват?
и т.д.

С таким же озорством Наталья Кончаловская изобретала такие небывалые овощи:

Показал садовод
Нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
Огурбузы росли,
Помидыни росли,

Редисвёкла, чеслук и репуста,
Сельдерошек поспел
И моркофель дозрел,
Стал уже осыпаться спаржовник,
А таких баклачков
Да мохнатых стручков
Испугался бы каждый садовник

1. К.Чуковский изучал речь детей для того, чтобы ответить на вопрос: как надо писать хорошие детские стихи? Оказалось, что дети любят придумывать новые слова, рифмовать, сочинять считалки, играть в слова. Чуковский в своей книге рассказал об этом взрослым, которые писали детские стихи, и очень помог им. Теперь они точно знали, какие стихи нравятся детям. А вы согласны с Корнеем Чуковским? Какие стихи нравятся вам?

2. Что вам показалось самым интересным в главах из книги «От двух до пяти»?

После путешествия в 1923 год наши близнецы взяли в библиотеке книги Б Житкова и [illegible] увлекся «Морскими историями», а Оля с удовольствием перечитывала по нескольку раз смешные главы книги «От двух до пяти». Как-то, пе[illegible]тывая в очередной раз книгу Чуковского, Оля прочитала его [illegible]метки о стихах Даниила Хармса и Александра Введенского и решила поговорить с Николаем Алексан[illegible] [illegible]чем об этих поэтах

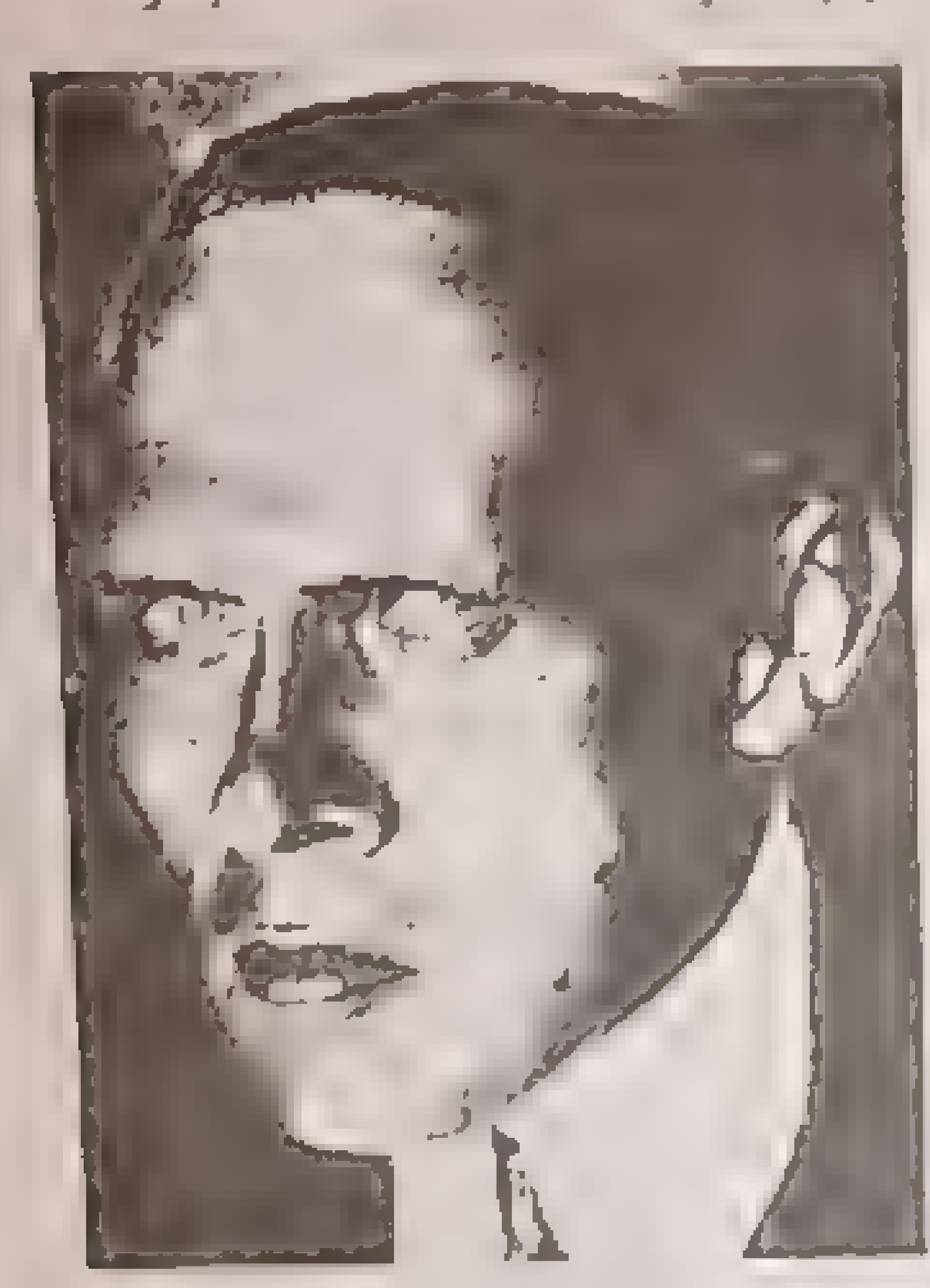
— Сударыня, я несказанно рад вашему [illegible] Обериуты [illegible] интереснейшие [illegible] для детей

— Как вы назвали их? — переспросила Оля

— О-бе-ри-у-ты, — повторил Николай Александрович по слогам. — От слова Обери[illegible] [illegible]ального искусства В это общество поэтов входили Даниил Хармс, Николай Олейников, Александр Введенский, Юрий Владимиров, Николай Заболоцкий. Обериуты считали, что стихи для детей [illegible] веселы[illegible] [illegible] Их стихи печатались в детских журналах «Чиж» и «Ёж». Кстати, помните, я вам рассказывал о том, что в 1930 году [illegible] Так вот, [illegible] [illegible]ся Даниил Хармс

— А это его настоящее имя [illegible] интересовалась Оля

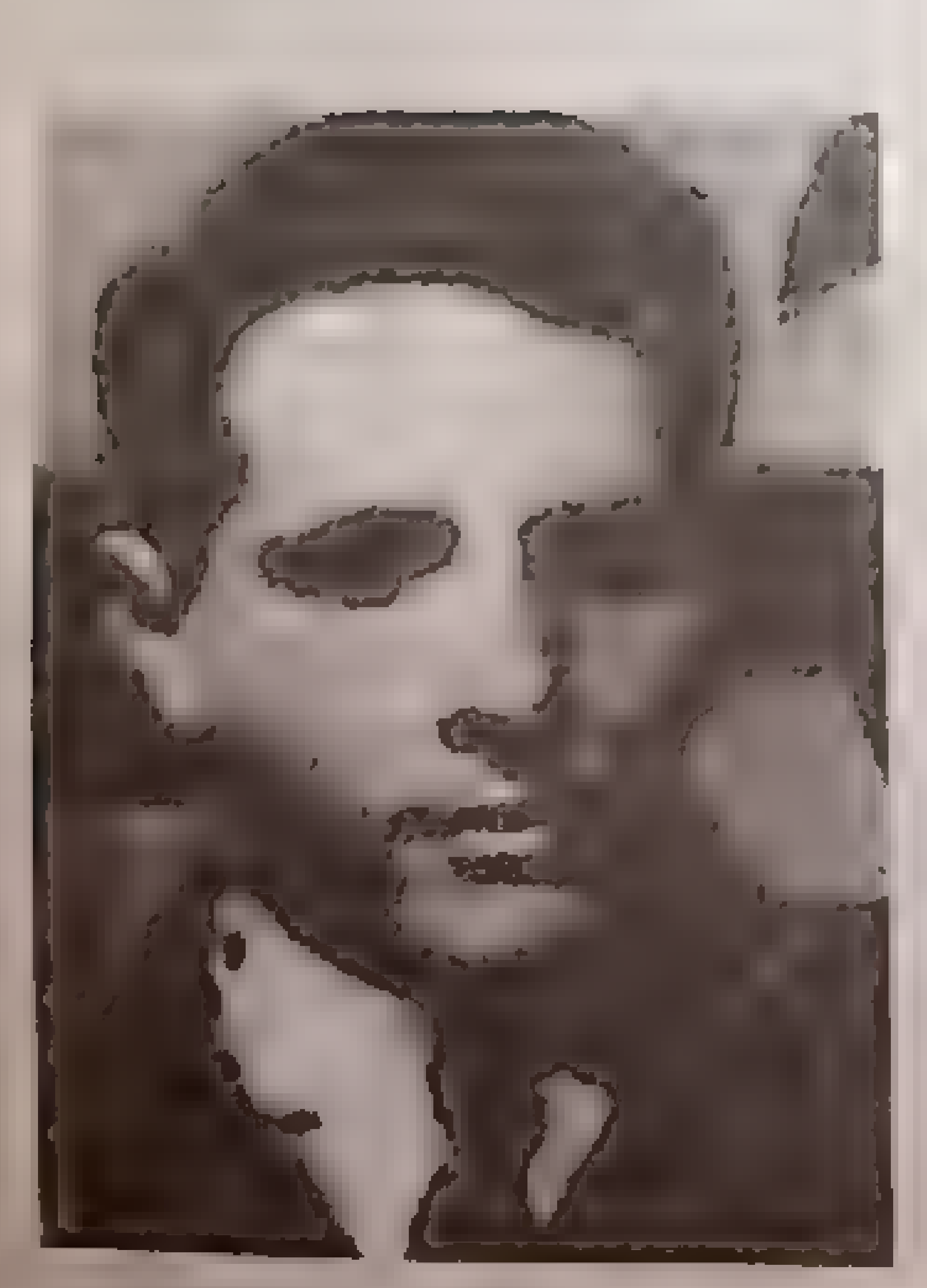
— Псевдоним. А настоящее имя поэта — Даниил Иванович Ювачёв. У меня есть книжки обериутов, сейчас они — большая редкость. Вот взгляните: «Стихи» Хармса, «Ниночкины покупки» Юрия Владимирова — изданы в 1928 году. А это две книги Александра Введенского «Дождик-дождик» и «Когда я вырасту большой». Они были изданы позже, в 60-е годы. А вот современные издания «Чудаки» Юрия Владимирова, «Полет в небеса» и «Все бегут, летят и скачут» Даниила Хармса.

Даниил Хармс

Николай Олейников

Александр Введенский.

Даниил ХАРМС (1905 — 1942)

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

Вижу, по небу летит
галка,
а потом еще летит
галка,
а потом еще летит
галка,
а потом еще [illegible]
галка
Почем[illegible]
Ах как [illegible]

Надоело мне сидеть.
Захотелось полететь
[illegible]
[illegible]
и как [illegible]

Разбежа[illegible]
крикнул: «Эй!»
Ногами дрыгнул
Давай ручками махать,
давай прыгать и скакать

Меня сокол охраняет,
сзади ветер подгоняет,
снизу реки и леса,
сверху тучи-небеса

Надоело мне летать,
захотелось погулять,
топ
топ

топ
топ
захотелось погулять.

Я по садику гуляю,
я цветочки собираю,
я на яблоню влезаю,
в небо яблоки бросаю
наудачу, на авось,
прямо в небо попадаю,
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться,
захотелось покупаться,
буль
буль
буль
буль
захотелось покупаться

Посмотрите,
посмотрите,
как плыву я под водой,
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега
Рыбы, рыбы, рыбы, рыбы,
рыбы — жители воды,
эти рыбы,
даже рыбы! —
хуже плавают, чем ты!

Я говорю:
Надоело мне купаться,
плавать в маленькой реке,
лучше прыгать, кувыркаться
и валяться на песке.
Мне купаться надоело,
я на берег — и бегом.

И направо и налево
бегал прямо и кругом.

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

и т.д

1929

1. В этом стихотворении Д.Хармс играет словами. Как вы прочитаете строчки, которые построены на словесной игре?

2. Как вы думаете, почему это стихотворение заканчивается так необычно — «и т.д.» (то есть и так далее)?

3. Что делает это стихотворение смешным и весёлым?

4. Перечитайте первую и последнюю строфы. Как вы думаете, почему они одинаковые?

КАК ВОЛОДЯ БЫСТРО ПОД ГОРУ ЛЕТЕЛ

На салазочках Вол[illegible].
Быстро под гору [illegible].
На охотника Володя
Полным ходом налетел

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На собачку налетели

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.

Быстро под гору летели —
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели
И на зайца налетели.

Вот и заяц,
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят
Быстро под гору летели —
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы

1936

1. Как нужно читать это шуточное стихотворение? В каком темпе? Почему? Должен ли меняться темп во время чтения?

2.Вспомните, какие ещё стихи построены так же, как это стихотворение Д.Хармса (например, «Дом, который построил Джек» С.Маршака). Почему все они смешные и весёлые?

КОРАБЛИК

По реке плывет кораблик.
Он плывет издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.

У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты,
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты!

Юрий ВЛАДИМИРОВ (1908 – 1931)

ЧУДАКИ

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:
Один пятак
— на куша́к,
Другой пятак — на колпак,
А третий пятак — так
По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки
Который пятак —
на кушак,
Который пятак —
на колпак,
А который пятак —
так
Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки
— Извините,
но с нами беда
Мы забыли —
который — куда
Который пятак — на кушак,
Который пятак — на колпак,
А который пятак —
так

БАРАБАН

Кто продырявил барабан, барабан?
Кто продырявил старый барабан?

Барабанил в барабан барабанщик наш
Барабанил в барабан барабанщик Марк
Барабанил в барабан барабанщик Адриан
Барабанил в барабан [illegible] барабан

Пришёл баран, прибежал баран,
Прободал барабан, и пропал барабан.

Сел барабанщик на шарабан,
Торопился в Ленинград поправлять барабан
— Вот, граждани, с барабаном несчастье
Где тут проживает барабанный мастер?

— Мастер барабанный —
На углу Караванной.

— Здравствуй, здравствуй, барабанный мастер!
Вот с барабаном — посмотри — несчастье.
Я Адриан — барабанщик Адриан,
Я барабанил в старый барабан,
Барабанил, барабанил, бросил барабан
Пришёл баран, прибежал баран,
Прободал барабан, и пропал барабан

Мастер барабанный сел на чурбан,
Мастер барабанный поправлял барабан
Поправлял барабан, драный барабан,
И поправил барабан, старый барабан

Барабанщик Адриан забрал барабан,
Забрал Адриан барабан в шарабан
По дороге — шарабан,
В шарабане — Адриан
Барабанит в шарабане барабанщик наш,
Барабанит, барабанит тарабарский марш!

---

1. Во «взрослом» учебнике по детской литературе отмечены такие особенности стихов Юрия Владимирова: в основе каждого стихотворения — смешной случай, автор часто использует гиперболу (то есть сильное преувеличение. Это такой приём, из-за которого стихи становятся смешнее); играет словами и звуками. Попробуйте найти все эти особенности в стихотворениях «Чудаки» и «Барабан», а ещё в стихотворении «Ниночкины покупки» (помните, вы его читали во 2-м классе в книге «Маленькая дверь в большой мир»?)

2. Такой приём, когда поэт с помощью определённых звуков речи передаёт звуки окружающего мира, называется «звукопись» (сравните со словом «живопись»). Как удалось Юрию Владимирову с помощью звуков передать грохот барабана?

3. Под стихотворение «Барабан» очень удобно маршировать. Как вы думаете, почему поэт использовал ритм марша?

Александр ВВЕДЕ́НСКИЙ (1904 – 1941)

О РЫБАКЕ И СУДАКЕ

По реке плывёт [illegible]
[illegible]

[illegible]
А на левом бере[illegible]
Гонит стадо паст[illegible]
Громко дудочк[illegible]
Ходит стадо и [illegible]

Дёрнул удочку рыбак,
На крючке сидит червяк
Рыбы нету на крючке,
Рыба плавает в реке

«То ли, — думает рыбак, —
Плох крючок и плох червяк,
То ли тот судак — чудак». —

Вот что думает рыбак
А быть может, нет улова
Оттого, что шум кругом,
Что, мыча, идут коровы
За весёлым пастухом,

Что прилежно распевает
Голосистый петушок,
Что визжит и подвывает
Глупый маленький щенок.

Всем известно повсеместно,
Вам, ему, тебе и мне:
Рыба ловится чудесно
Только в полной тишине.

Вот рыбак сидел, сидел
И на удочку глядел,
Вот рыбак терпел, терпел,
Не стерпел и сам запел.

По реке плывёт челнок,
На корме поёт рыбак,
На носу поёт щенок,
Песню слушает судак

Слышит дудочки звучанье,
Слышит пенье петушка,
Стада громкое мычанье
И плесканье челнока

И завидует он всем:
Он, судак, как рыба нем.

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

А вот, ветрам послушный,
Под самою луной
Несётся шар воздушный
Высоко над землей,

Весь город, как на блюде,
Раскинулся под ним
Эй, маленькие люди,
Садитесь, полетим!

ПТИЧКИ

Шёл я лесом по тропинке,
Недалёко от реки
Мне показывали спинки
Убегавшие жуки

Ветки тон [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
Травы тих [illegible]
Всюду птицы [illegible]
Ле и ли [illegible]

Я подумал: сколько [illegible]
Сколько разных голосов!
Жаль, не знаю их привычек,
Жаль, не знаю птичьих слов

Дай попробую я тоже
Ле и ли и ля кричать.
Птички мне в ответ, быть может,
Станут хором отвечать

Ле и ли и ля кричать
Птички мне в ответ, быть может,
Станут хором отвечать.

Чтобы птички отвечали,
Крикну громко и легко.
Крикнул — птички замолчали
И умчались далеко.
1934

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

СКАЗКА О КРИВОМ ЧЕЛОВЕЧКЕ

На маленьком стуле сидит старичок,
На нём деревянный надет колпачок.
Сидит он, качаясь и ночью и днём,
И туфли трясутся на нём.

Сидит он на стуле и машет рукой.
Бежит к старичку человечек кривой:
— Что с вами, мой милый? Откройте ваш глаз!
Зачем он завязан у вас?

Кривой человечек в ответ старичку:
— Глазок мой закрылся и больше не зрячий;
Я с чёрной грачихой подрался сейчас,
Она меня клюнула в глаз.

Тогда старичок призывает жука:
— Слетай-ка, жучок, на большие луга
Поймай мне грачиху в пятнадцать минут —
Над нею устроим мы суд.

Сказала грачиха. — Но я не виновна,
Сама я, грачиха, обижена кровно:
Кривой человечек меня погубил,
Гнездо он моё разорил.

И пал на колени лгунишка негодный,
И стукнулся лобиком об пол холодный,
И долго он плакал, и долго молил,
Пока его суд не простил.

И вот человечек к грачихе идёт,
И жмёт её лапу, и слово даёт,
Что он никогда, никогда, никогда
Не тронет чужого гнезда

. . .

И если случится [illegible]
Увидеть грачиху [illegible]
И если птенцы [illegible] —
Припомни ты [illegible]

Я сказочку эту [illegible]
Её мне вот тот [illegible]
Вон тот старичок, [illegible]
Качается ночью и днём

Пусть маятник ходит, пусть [illegible]
Смешной старичок из часов [illegible] сбежит
И всё же, мой мальчик, кто птицу обидит —
Тот много несчастий увидит

1. Согласны ли вы с мнением Корнея Чуковского, что как раз такие стихи, как у Д.Хармса и А.Введенского, нужны детям? Объясните вашу точку зрения.

2. Каким настроением проникнуты стихи Александра Введенского?

3. Об А.Введенском писали, что он по-особому, по-своему вводит ребёнка в мир природы, а ребёнок природу одушевляет и превращает её в сказку. Понаблюдайте, как поэт делает это в стихотворении «Птички».

4. Что объединяет стихи А.Введенского со стихами Д.Хармса, Ю.Владимирова, Н. Заболоцкого?

ПУТЕШЕСТВИЕ 11

ВОКРУГ МАРШАКА

— Нам очень понравилось знакомиться с писателями. Совсем по-другому читаешь книгу, когда знаешь, каким писатель был в жизни, что делал и о чем думал.

Игорь и Оля в гостях у Николая Александровича. Дети всё еще под впечатлением последнего путешествия. Оля продолжает:

— Вот я увидела, как играл Корней Иванович Чуковский с детьми, и поняла, что он их очень-очень любит, поэтому его сказки для малышей такие замечательные. В них Чуковский и играет с малышами, и шутит, и воспитывает, и учит их совсем незаметно.

— Интересно было бы увидеть других детских писателей. Каким был, например, Маршак? Или Юрий Олéша? Или Алексей Толстой? Почему вдруг они решили написать свои книги?.. — это уже Игорь размышляет вслух. — Но это ведь сколько раз нужно путешествовать в прошлое?

— Друзья мои, чтобы узнать, каким человеком был писатель, необязательно путешествовать в прошлое. Есть книги о них, которые писали люди, близко их знавшие, есть воспоминания родных, друзей. А еще есть рассказы о том, как были написаны разные детские книжки, то есть об истории их создания. Вот послушайте, что пишет автор одной такой книги — писатель Борис Галáнов. И Николай Александрович прочитал:

«Давно мне хотелось написать книжку про книжки. Про то, как страница за страницей складывались разные хорошие книжки. Все вы их, конечно, знаете, все вы их читали, а особенно понравившиеся, вероятно, даже не один раз. А вот как эти книжки создавались, навряд ли задумывались.

Между тем мне всегда казалось, что знакомство с биографией хорошей книжки очень часто увлекает ничуть не меньше историй, рассказанных в самой книжке. Ведь приключения мысли, пока книжка пишется, и впрямь оказываются столь же удивительными, как и приключения, выпавшие на долю ее героев, потому что совсем не сразу и не просто писателю все придумалось — и события, за которыми следишь с неослабевающим вниманием, и люди, на которых тебе самому хотелось бы походить.

Труд писателя — нелегкий труд. И только очень наивные или очень несведущие читатели могут думать иначе».

Итак, отправимся по следу приключений мысли.

— Я предлагаю вам совершить необычное путеше-

твие Назовем его «Вокруг Маршака» Почему? Скоро узнаете А помогут нам писатели Борис Галанов и Сергей Сивоконь

Ребята, предлагаем вам вместе с нашими героями совершить путешествие, которое Николай Александрович назвал «Вокруг Маршака». Вы познакомитесь с книгами писателей, которые работали вместе с Маршаком в детской редакции Государственного издательства, с историями «превращений» известных «взрослых» писателей в детских, и сам Самуил Яковлевич Маршак предстанет перед вами в новом качестве — как редактор, литературный критик и переводчик.

Редакция детской [illegible] в Ленинграде. Слева — Н. Олейников в центре — С М[illegible]а от него — Е. Шварц и Б. Житков Фото 20-х годов

Сергей СИВОКОНЬ

«ВЕЗИТЕ ВСЁ КАК ЕСТЬ, ПОЧИТАЕМ!»

(из книги «Уроки детских классиков»)

У писателя Л Пантелеева есть любопытное воспоминание, относ[illegible] 1926 год[illegible] и Гриша Белых, молодые со[illegible] повести «Респуб[illegible]лика Шкид», впервые [illegible] ленинградский отдел детской литературы Госиздата, где им посоветовали обратиться к Маршаку, Олейникову или Шварцу.

«И вот в назначенный день мы робко поднимаемся на пятый этаж бывшего дома Зингера, с трепетом ступаем на метлахские плитки длинного издательского коридора и вдруг видим: навстречу нам бодро топают на четвереньках два взрослых дяди — один пышноволосый, кучерявый, другой — тонколицый, красивый, с гладко причесанными на косой пробор тёмными волосами.

Несколько ошарашенные, мы прижимаемся к стенке, чтобы пропустить эту странную пару, но четвероногие тоже останавливаются.

— Вам что угодно, юноши? — обращается к нам кучерявый.

— Маршака, Олейникова, Шварца, — лепечем мы.

— Очень приятно. Олейников! — рекомендуется пышноволосый, поднимая для рукопожатия правую переднюю лапу.

— Шварц! — протягивает руку его товарищ.

Оказывается, молодые сотрудники детского отдела разминались в перерыве между работой, изображая верблюдов.

Чудаки? Не совсем. Работа в редакции, руководимой С.Я. Маршаком, была напряженная — от нее действительно стоило временами отдыхать. Правда, она была и очень интересная, радостная и протекала весело. В редакции была только одна комнатка, в коей поддерживалась полная тишина: именно там сидел консультант, а фактически руководитель отдела С.Я. Маршак. В остальных же дву

комнатах, побольше, было всегда полно народу, много разговоров и смеха, благо и тот же Шварц, и Олейников, да и многие гости отдела были людьми, весьма не чуждыми юмора. То было сообщество живых и умелых людей. В любое время в квартире далеко не знаменитого автора мог раздаться звонок и прозвучать неожиданное приглашение:

— Голубчик, приезжайте, а? Сейчас, да, сию минуту. Не мог раньше... А мне же интересно... Везите все как есть, почитаем. Скорее, дорогой мой, жду...

И безвестный автор, поражен[illegible] и «домашним», не редакторским тоном [illegible] — [illegible] щением государственной [illegible] работы [illegible], глядя мчался к Маршаку.

Такой стиль работы [illegible] для детей, сложился у Маршака еще когда он редактировал «Воробья» и «Нового Робинзона», где, [illegible] Е. Шварца, «каждая строка обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависе[illegible] литературы».

О Маршаке-редакторе говорили [illegible] превращать в детских писателей. Маршак [illegible] этого «Что ж, посмотрим». И действительно [illegible] Уговорил писать [illegible] М. Ильина [illegible] [illegible] [illegible] Б. Житкова [illegible] [illegible] чения Пинокио [illegible] Маршак [illegible] [illegible] [illegible] уж затмил своего [illegible] — [illegible] в нашей стране.

Благодаря Маршаку в детскую литературу [illegible] [illegible] Бориса Жи[illegible] [illegible] Бианки, художника Евгения Ча[illegible]

Лев Кассиль [illegible] С. Я. Маршаком [illegible] 30-х годов [illegible] им окончательно «завербован» в литературу для детей. Они говорили о книге «Кондуит» Кассиля, печатавшейся тогда в журнале «Пионер».

— Вы можете, вы должны, голубчик, писать для детей! — несколько раз повторил Маршак. — Я чувствую, вы их [illegible], любите. Так добивайтесь взаимности. Это же такое [illegible] счастье!

Евгений ШВАРЦ

ДВА БРАТА

(сказка)

1.

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте, как вкопанные, но всё-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий, по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперёд по лесу, и каждое дерево на своём участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него всё шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил — братья ссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что ёлки к Новому году он им не устроит. За ёлочными украшениями надо ехать в город. Маму послать — ее по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить.

А вдвоём ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что он не обидит Младшего и что дома все будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даёшь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернёмся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты сам будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принес дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошел хорошо. Второй — ещё [illegible]

И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-Морехода». И [illegible] до самого интересного места, когда появляется [illegible] птица Рок, огромная, как туча, и несет она в когтях камень величиною с дом.

Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скучает, томится. И стал Младший просить брата:

— Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так и начинались. Младшему скучно без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал «Оставь меня в покое!».

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул «Оставь меня в покое!» — вытолкал его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и во дворе стояла уже темная ночь. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал

— Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал:

«Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пущу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь.

Старший вскочил и закричал:

— Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе один, неодетый!

И он бросился во двор.

Стояла темная-тёмная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажёг фонарь и с фонарем обыскал все закоулки во дворе.

Брат пропал бесследно.

Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются, — подумал с тоскою Старший. — Ах, если бы все передвинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели все ближе и ближе, вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, сани въехали во двор. И отец выскочил из саней.

Вслед за отцом из саней вышла мать с большой корзинкой в руке. И отец и мать были веселы, — они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец ещё раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повёл в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший всё рассказал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся, — сказал отец тихо. — Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому.

2.

Он шёл и звал брата, шёл и звал, но никто ему не отвечал. Он шёл по тем местам, [illegible] с младшим братом. И трудно было ему [illegible] они всю жизнь [illegible]. Он [illegible] Младший был маленький [illegible] волос всегда стояла дыбом, и [illegible] ший изредка шутил с ним, [illegible] когда Старший принимал его в свою игру. И [illegible] жалел брата, что не замечал [illegible] ни тишины. Только изредка ему [illegible] и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший [illegible] был уже большой мальчик, двенадцати [illegible] огромными деревьями в лесу он казался [illegible] ким. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший [illegible] шагал, шагал всё быстрее и быстрее.

Дорожка пошла всё вверх и вверх. И, [illegible] мальчик увидел кругом, [illegible] горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко лёгкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в

ушах. Потом он задрожал от радости, — не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашёлся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой?

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон, — сказал Старший. Он шёл час, и два, и три. Звон становился всё громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев, — высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стекла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошёл дальше и увидел прозрачные елки, прозрачные берёзы, прозрачные клёны. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.

Мальчик подошел к берёзе и отломил веточку. И пока он ее разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промёрзший насквозь, превратившийся в лед, стоит вокруг. И растет этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

3.

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчётливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно — Дедушка Мороз — мой сын Я проклял его. — этот здоровяк слишком добродушен Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошёл вперед, неслышно ступая [illegible] своими мягкими белоснежными валенками

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порылся в снегу, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щелкнул [illegible] замок, и тяжелые ледяные ворота открылись в холме

— Следуй за мной, — повторил старик

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном, пустом ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, а за ним еще и еще. Казалось, что [illegible] конца этим просторным, пустынным комнатам. На стенах светились круглые ледяные фонари. Над дверью [illegible] ний зал, на ледяной табличке, была вырезана [illegible] 2.

— В моём дворце сорок девять таких залов, следуй за мной, — приказал Прадедушка Мороз

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперёд и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая [illegible] печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось [illegible]!

Но в печке этой ледяные [illegible] черным пламенем. Черные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом

И Прадедушка Мороз опустился на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени

— Садись рядом, помёрзнем, — предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А старик уселся поудобнее и мёрз, мёрз, мёрз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжёг их ледяными спичками.

— Ну а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, — сказал он мальчику — Ты. Должен. Слушать Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедушка Мороз продолжал отчетливо и гладк

— Ты. Выгнал Младшего брата На мороз Сказал Чтобы он Оставил. Тебя В покое Мне нравится этот поступок Ты любишь покой так же, как я Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут! — воскликнул Старший жалобно.

— Ты останешься Здесь Навеки, — повторил Прадедушка Мороз.

Он подошёл к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно Из снега на ледяной пол посыпались птицы Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, — сказал старик.

— Они мертвые? — спросил мальчик

— Я успокоил их, но не совсем, — ответил Прадедушка Мороз. — Их следует вертеть перед печкой, пока не станут совсем прозрачными и ледяными Займись медленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никуда не убежишь! — ответил Прадедушка Мороз твёрдо — Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что — он удержит тебя здесь, а впоследствии привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки с поднял с полу дятла, и руки у него задрожали Ему

залось, что птица ещё дышит Но старик не мигая смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели, как снег. Потом вся она сделалась прозрачной, как стекло, старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедушка Мороз неподвижно стоял возле Потом он [illegible] ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

— Руки у тебя не замёрзли?

— Нет, — ответил он

— Это я распорядился, чтобы [illegible] до поры до времени никакого вреда — сказал старик. — Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я Тебя Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь

И Прадедушка Мороз, взяв мешок, ушёл в [illegible] дворца, и мальчик остался один

Где-то далеко-далеко захлопнулась [illegible] эхо перекатилось по всем залам

И Прадедушка Мороз вернулся с пустым мешком

— Пришло время удалиться ко сну, — сказал Прадедушка Мороз И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала

4.

Утром старик разбудил его

— Отправляйся в кладовую, — сказал он. — Двери в нее находятся в левом углу зала. Принеси [illegible] один. Он стоит на полке номер девять

И мальчик пошёл в кладовую Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И [illegible] нёс на ледяном блюде завтрак номер один

И котлеты, и чай, и хлеб — все [illegible], и все это надо было грызть или сосать, как леденцы

— Я удалюсь на промысел, — сказал Прадедушка Мороз, окончив завтрак. — Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедушка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался, наконец, до сорок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49» Последний зал был заперт наглухо.

— Младший! — крикнул старший брат — Я пришёл за тобой. Ты здесь?

— Ты здесь? — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промерзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошёл Прадедушка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнём несчастных замерзших птиц, белок и зайцев.

Так и пошли дни за днями.

И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую, надеясь найти топор. И он нашёл его, наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал и наяву и во сне, всё об одном, всё об одном.

А старик хвалил мальчика за спокойствие и говорил

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят Когда-нибудь Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедушка Мороз как будто

читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы

5

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю

— Ах, как тихо, — как прекрасн[illegible] было тогда жить на белом, холодном свете! — рассказывал он, и его ледяные усы и борода [illegible] тихонько

И вот однажды, [illegible] рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил [illegible] как бешеный

— Что [illegible] поведение? — спросил старик сухо

Мальчик [illegible] сердце его так и стучало от радости

Когда [illegible], то непремённо в конце [illegible]

Спички!

Мальчик [illegible] самые [illegible]

И на дру[illegible] М[illegible] вился на пр[illegible] веревку и выбежа[illegible]

Старик [illegible] живому лесу, котор[illegible] ледяных деревьев. [illegible] в снегу огромная [illegible] вернулся во дворец с [illegible]

У ледяной дубовой двери [illegible] разложил высокий [illegible] Вспыхн[illegible] щепки, загорелись дрова, запрыгал [illegible]оящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот, наконец, вся она покрылась мелкими водяными капельками. И когда костёр погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором. Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд, как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнём сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедушка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костёр разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, [illegible] глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача [illegible] радости. — Погоди, Прадедушка Мороз! Мы ещё [illegible]

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, [illegible] и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые [illegible] в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он [illegible] мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по [illegible] было холодно, но зато потом, у костра, и птицы, и белки и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом [illegible] играл с ними у огня или рассказывал о своём брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, [illegible] птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принес [illegible] дров, развел костер и уселся у огня. Но никто из друзей не вышел из своих снеговых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» — но тяжёлая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, [illegible] ступая своими белоснежными валенками.

Он дунул на костер, и поленья стали [illegible] пламя чёрным. И когда ледяные дрова [illegible] дверь стала такою, как много дней назад.

— Ещё. Раз Попадешься [illegible] — [illegible] душка Мороз холодно. И он [illegible] тал его глубоко в снегу своей шубы.

6.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя [illegible] как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осто[illegible]

мягкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза.

Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почуяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу.

Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снежную бороду Прадедушки Мороза и долго рылись там. И вдруг [illegible], тихонечко.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал [illegible].

И белки спрыгнули на пол и подбежали к [illegible].

И он увидел: они принесли в зубах [illegible] ледяных ключей.

И мальчик всё понял.

С ключами в руках бросился он к сорок [illegible]. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашёл ключ с цифрой «49». Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся [illegible] вниз головою. И вот он нашёл что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твёрдыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырёхугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась.

А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щелкнул, и упрямая дверь открылась, наконец, со звоном.

И мальчик, дрожа, вошёл в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой,

и слёзы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слёзы на щеках, — всё было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждёт! Ск[illegible] жим домой!

Не дождавшись ответа, Старший [illegible] го брата на руки и побежал осторожно по [illegible] к выходу из дворца, а друзья его [illegible] следом.

Прадедушка Мороз по-прежнему крепко спал [illegible] благополучно выбрались из дворца.

7.

Солнце только что встало, ледяные деревья сверка[illegible] так, что больно было смотреть Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего [illegible] вдруг громкий крик раздался позади

Прадедушка Мороз кричал [illegible] так громко что дрожали ледяные деревья

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно [illegible] что у него холодеют ноги, леденеют и [illegible] А Младший печально глядел прямо [illegible] шие слёзы его блестели на солнце

— Остановись! — приказал старик

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к [illegible] ко, как будто покрыли его живой [illegible] ший ожил и побежал вперед, осторо[illegible] изо всех сил оберегая младшего брата

Старик приближался, а мальчик не смел бежать бы[illegible] трее, — ледяная земля была такая скользкая. И вот, ко[illegible] он уже думал, что погиб, — зайцы вдруг [illegible] под ноги злому старику И Прадедушка Моро[illegible] поднялся, то зайцы ещё раз свалили его [illegible] делали это, дрожа от страха, но надо же [illegible]

лучшего своего друга. И когда Прадедушка Мороз поднялся я последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедушка Мороз заплакал от злости

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг, и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор [illegible] на деревьях

— Смотри — подснежник! — крикнул [illegible] Но Младший не ответил ни слова. Он [illegible] был неподвижен, как кукла, и [illegible] перед собой

— Ничего. Отец все умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь [illegible] брата он нашел. И чем ближе было к дому, тем [illegible] становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умели, но и [illegible] шумели радостно, — ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся

На дне ямки, под старым [illegible] солнце, лежал подтаявший тёмный снег

И Старший упал

И бедный Младший ударился о [illegible]

И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки

Сразу тихо-тихо стало в лесу

И из снега вдруг [illegible] голос

— Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдешь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал ещё ни разу в жизни. Нет, ему нечем было [illegible], не на чем было успокоиться.

Он плакал и плакал, [illegible]

А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочек с кусочком своими цепкими лапками и скле-

или берёзовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой теплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слёзы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали теплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали черными. И прядь волос на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз, и другой, и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

А тот открыл глаза и спросил как ни в чем не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и они бегом помчались домой.

8.

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и сердитое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня, — сказала мать.

— Обрадовались теплу, — ответил отец.

— Белки прыгают с ветки на ветку, — сказала мать.

— И они тоже рады весне, — ответил отец.

— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.

— Нет, — ответил отец. — А что случилось?

— Кто-то бежит сюда!

— Нет! — повторил отец печально. — Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.

Но мать была уже во дворе и звала:

— Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.

Родители бросились к ним навстречу.

И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.

Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем черной, как прежде. И отец помолодел от этого [illegible] десять.

С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень [illegible] редко, но всё-таки бывает.

И с тех пор они жили счастливо.

Правда, Старший говорил изредка брату:

— Оставь меня в покое.

Но сейчас же добавлял:

— Ненадолго оставь, минут на десять. [illegible] Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что [illegible] теперь дружно.

1. Что понял Старший, когда потерял своего брата? В чём жизненная мудрость этой сказки?

2. Почему мальчику удалось выручить своего младшего брата?

3. Какие традиционные сюжеты, элементы народных сказок использованы Е.Шварцем?

4. Обратите внимание на особенности авторской манеры Е.Шварца, когда будете читать описание зимнего леса и дворца Прадедушки Мороза. Какие особенные краски, образы находит писатель?

5. Как соединяет Е.Шварц сказку и реальную жизнь?

Борис ГАЛАНОВ

КНИЖКА ПРО КНИЖКИ

(отрывки)

«ПИШУ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ ПО-СВОЕМУ...»

1.

«Жил-был...

«Король!» — немедленно воскликнут мои маленькие читатели.

Нет, дети, вы не угадали. Жил-был кусок дерева.

То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату».

Так весело и неожиданно начал итальянский писатель К.Коллоди книгу о многочисленных приключениях деревянного человечка по имени Пиноккио, которого однажды вырезал из куска дерева в своей бедной каморке папаша Джеппетто. Эта книга родилась почти сто лет назад в Италии. Но теперь её знают во всех странах мира, повсюду, где есть дети. Я держал в руках старый перевод «Приключения Пиноккио» на русский язык. Он был сделан в 1908 году чуть ли не с сотого итальянского издания. Сотого! А ведь тогда Пиноккио прожил на белом свете еще совсем немного — около трёх десятков лет. Какую же известность должна была завоевать эта книга у себя на родине, среди маленьких итальянцев, если её ежегодно переиздавали по многу раз! Не знаю, был ли среди прочитанных вами книг «Пиноккио». Но с другим деревянным человечком, по имени Буратино, после множества испытаний завладевшим тайной Золотого ключика, вы-то уж встречались наверняка в книжке, в театре, на экране. Историю Буратино рассказал для вас Алексей Николаевич Толстой. Но не подумайте, пожалуйста, что после знакомства с Буратино вам уже незачем знакомиться с Пиноккио.

Буратино похож и не похож на своего старшего братца. Правда, поначалу может показаться, что из двух одинаковых поленьев были вырезаны два почти одинаковых потешных длинноносых близнеца. Но только поначалу.

поленья были одинаковые, то приключения, выпавшие на долю деревянных мальчишек, часто оказывались совсем разные. Толстой только отталкивался от Пиноккио, а уж дальше пошёл своей собственной дорогой.

Вот почему одинаково интересно прочитать обе книжки. А любознательным читателям, друзьям Буратино, наверняка интересно будет сравнить их между собой. Ведь один и тот же сюжет, характеры героев, общий замысел вещи — все, всё может чудесным образом измениться под пером двух совершенно разных писателей, обрести свою окраску, свое особое дыхание, в зависимости от индивидуальности рассказчика, времени, в которое он живет, от цвета очков, через которые смотрит на мир

Легко себе представить, как обрадовало Самуила Яковлевича предложение Толстого поработать для детей. Круг детских писателей был тогда еще узок, а интересы юных читателей широки и многообразны. И Маршак с присущей ему энергией отыскивал новых авторов для детей среди литераторов-профессионалов из взрослой литературы. Об этой своей деятельности он не без внутренней гордости писал Горькому: «Про меня говорят, что я стремлюсь всех превратить в детских писателей. Ну что ж, попробуем!» А тут Маршаку представилась счастливая возможность «превратить» в детского писателя Алексея Толстого, автора одинаково полюбившейся ребятам и взрослым превосходной повести «Детство Никиты».

«Толстой взялся за работу с большим аппетитом, — вспоминал впоследствии Самуил Яковлевич. — Он как бы играл с читателем в какую-то веселую игру, доставляющую удовольствие прежде всего ему самому».

А вот свидетельство Алексея Толстого (в письме Максиму Горькому): «Я работаю над «Пиноккио». Вначале хотел только русским языком написать содержание Коллоди. Но потом отказался от этого, выходит скучновато и пресновато. С благословения Маршака пишу на ту же тему по-своему».

Какие результаты принесла работа Толстого, хорошо известно. Весёлый, неунывающий плутишка Буратино вот уже который год остаётся любимцем ребят. А для того чтобы лучше понять и представить, почему писателя ув-

лекла история деревянного человечка, отчего появился аппетит к старой книжке Коллоди, попробуем расшифровать строчку из его письма Максиму Горькому: «... пишу на ту же тему по-своему».

2.

Прежде всего, что ценил Толстой в «Пиноккио»? Что старался сохранить и даже усилить в своём «Золотом ключике, или Приключениях Буратино»? Глубоко народную основу книги Коллоди. Вспомним ещё раз, как она начинается: «Жил-был... «Король!», — немедленно воскликнут мои маленькие читатели. Нет, дети, вы не угадали...» И действительно, принявшись читать книгу Коллоди, вы узнаете, что жили-были горемычные итальянские труженики-бедняки, вроде папы Джеппетто, жили-были озорные итальянские школьники, жил-был грозный чернобородый синьор Манджафоко, хозяин кукольного театра, ну и, разумеется, актеры его труппы, деревянные куклы, наделенные даром человеческой речи. Ещё жили-были разные звери, рыбы, птицы и насекомые, тоже обладавшие способностью думать и разговаривать, предостерегать, рассудительно наставлять и в случае мудро советовать. А в уютном белоснежном домике жила покровительница Пиноккио, красивая, добрая девочка-фея с волосами цвета лазурнейшей голубизны, с верным пуделем Медоро.

Всех этих персонажей Толстой не просто привёл под новыми именами на страницы своего «Буратино». Одним он увеличил роли, расцветив самыми фантастическими красками, другим — сократил, а третьим переписал заново, решительно изменив характеры, облик... в согласии с изменившейся окраской повествования. Надо сказать, что следить за превращениями героев Коллоди в героев Алексея Толстого бывает чрезвычайно любопытно.

В первую очередь перемены коснулись самого деревянного человечка. И дело не только в том, что у Толстого он стал называться Буратино (по-итальянски — деревянная кукла), а не Пиноккио (по-итальянски — зернышко сосновой шишки). Вместе с именем Буратино деревян

человечек приобрёл и новые, существенно важные черты.

Правда, многое он унаследовал от Пиноккио. Кроме крепких, деревянных, больно лягающих ног и необычно длинного деревянного носа, имевшего обыкновение ещё и вытягиваться, когда его хозяин начинал [illegible] [illegible]ледовал человеческое сердце. И хотя об этом [illegible] нигде и ничего прямо не говорится, хотя [illegible] Пиноккио поступает как упрямый, ленивый, [illegible] непослушный и глупый мальчишка, желающий [illegible] по-своему, мы-то слышим, как бьется его сердце. И [illegible] концов Пиноккио всем блестяще докажет [illegible] него действительно доброе и великодушно[illegible]

Так же, как докажет [illegible] и Буратино.

3.

«Приключения Буратино» обладают такой же [illegible] особенностью, как и другая замечательная книга [illegible] — «Три толстяка» Юрия Олеши. Буратино [illegible] щедро, от всей души. Поэтому [illegible] А уж юные читатели всегда хорошо разбираются в том, что написано легко, непринужденно, с [illegible] отдачей, а что — со скрипом, искусственно и [illegible].

Людмила Ильинична Толстая [illegible] «Буратино», рассказывала [illegible] работал над своей книгой в 1935 [illegible] обычных обстоятельствах. Толстой [illegible] на постельный режим. [illegible] запрещали Алексею Николаевичу [illegible] бумаге. А когда писатель [illegible] исключение [illegible] «Буратино». И Толстой как бы [illegible]

Он вложил в «Буратино» [illegible] свой вкус к жизни [illegible] [illegible]форы, от которой был оторван болезнью. Людмила Ильинична вспоминает, что сочинив для кукольной труппы Карабаса Барабаса весёлую «Польку птичку», Толстой потом часто лукаво спрашивал: «Ну кто другой, кроме меня, мог бы сочинить такие прекрасные, такие изящные стихи?»

Птичка польку танцевала
На лужайке в ранний час.
Нос налево, хвост направо, —
Это полька «Карабас».
Два жука — на барабане,
Дует жаба в контрабас.
Нос налево, хвост направо, —
Это полька «Барабас».

А сколько радости доставляли Толстому покладистые крылатые и четвероногие существа, бесчисленные зверюшки, птицы, букашки и таракашки, появляющиеся на страницах его книги! Все они исправно трудятся, веселятся или печалятся, помогают Буратино в схватке с недругами. Для каждого зверя и насекомого придумывалось некое смешное, неожиданное дело, но подсказанное, обусловленное его же собственной природой. Воспользовавшись языком театральных рецензий, автор мог бы сказать, что он особо позаботился о том, чтобы каждый персонаж его книги «остался в образе». Так, бабочки собирают пыльцу с цветков для Мальвины, которая цветочной пыльцой пудрит себе щёки. Сороки воруют на базаре для Мальвины шоколадные конфеты в серебряных бумажках. Гусеницы выдавливают из себя пасту для чистки зубов и смазывания дверей, скрипящих в домике Мальвины. Попробуйте-ка при чтении этих строк не улыбнуться весёлой авторской придумке. Довольно трудная задача!

В разгар жестокой схватки на опушке леса между Карабасом Барабасом и Буратино звери, птицы, насекомые хлопочут изо всех сил, стараясь облегчить Буратино и верному пуделю Артемону победу над ненавистным хозяином кукольного театра. Бабочки и мухи плотным облачком толкаются перед глазами бульдогов-полицейских, заслоняя им свет, пожилые ужи, решившие пожертвовать собой для победы, геройски бросаются в широко распахнутые хищные бульдожьи пасти, винтом пролезают в пищевод, и т.д.

Наблюдение С.Я. Маршака о том, что, сочиняя «Приключения Буратино», Толстой играл с читателями в какую-то весёлую игру, доставлявшую удовольствие прежде всего ему самому, находит своё подтверждение буквально

на каждой странице книги, не исключая, разумеется, и страниц про птиц и зверей. Кажется, в таких описаниях навсегда запечатлелась не только шутливая интонация рассказчика. Можно себе даже представить, как хитро он улыбался, как весело блестели его глаза, когда сочинялся, скажем, живописный «портрет» благородного пса Артемона.

У Коллоди великолепный пудель Медóро одет с роскошью кучера, управляющего парадным выездом, — в праздничную ливрею с двумя большими карманами (в которые он прячет кости, получаемые от госпожи), а сзади на штанах из алого бархата у него имеется нечто похожее на чехол. В нем он укрывает свой хвост во время дождя. Толстой и на этот раз, отнюдь не соперничая с Коллоди, изобразил благородного пса Артемона в ином обли́чье, эдаким блестящим щеголем, до половины тщательно расчёсанным, до половины выстриженным, с кисточкой на конце хвоста, перевязанной черным бантом, и с серебряными часами на передней лапе, которые не забывает снять перед схваткой с полицейскими бульдогами. Но кроме того, Толстой позаботился о том, чтобы Артемон был еще наделен и определенными чертами характера. Он благороден, добр, верен в дружбе, смел, отзывчив в беде, а когда все благополучно кончается (это Артемон любит больше всего), он, обхватив зубами собственный хвост, вертится как вихрь из тысячи лап, тысячи ушей, тысячи блестящих глаз.

Вообще надо сказать, что в сказочной своей книге Толстой очень внимателен не только к характеристике людей-кукол, но и животных, будь то пудель Артемон, пожилая черепаха тетка Тортила или разбойница лиса Алиса. В отличие от своего мрачного немногословного спутника кота Базилио, Алиса не в меру болтлива. Но льстивые и умильные эпитеты, которыми она наделяет Буратино «умненький, добренький, отважненький, хорошенький», находятся в полном противоречии с истинным отношением Алисы к Буратино, выражая ее лживый, мстительный, двуличный характер.

И всё в этой книжке, как в хорошем приключенческом фильме, стремительно движется, всё находится в непрерывном действии — люди, твари, деревянные куклы, так что ни им, ни нам даже дух перевести некогда. Пейзаж и тот не неподвижен. Для того чтобы мы лучше могли представить, как быстро припускается бежать Буратино по лесу, звёзды как бешеные несутся за черными ветвями.

«Приключения Буратино» остались одной из любимых книг Толстого. Не зря ведь через много лет после того как «Буратино» был написан, издан, поставлен в театре и снят в кино, Толстой в часы отдыха нередко возвращался к «Буратино», объявляя Людмиле Ильиничне, что решил привести на страницы книги ещё какого-то нового зверька, для которого припас очень смешное дело.

Весёлая и внешне как будто неприхотливая, эта книга достаточно серьёзна. И многому может научить. Только мораль её подана не навязчиво, не скучно. И усваивается юным читателем или зрителем незаметно, в игре, через игру. А если бы меня попросили коротко выразить мысль автора, наверное, лучше всего это можно было бы сделать словами озорной, непритязательной песенки, которую в театре на спектакле «Золотой ключик», постепенно набираясь ума-разума, распевает Буратино:

Был поленом, стал мальчишкой,
Обзавёлся умной книжкой, —
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо.

1. Как вы поняли, почему Алексей Толстой вместо перевода сказки Карло Коллоди написал новую книгу?

2. Какие эпизоды истории создания сказочной повести «Золотой ключик, или Приключения Буратино» вам особенно запомнились? Почему?

3. Вспомните, кто ещё из писателей, взяв за основу литературную сказку, пересказал её по-своему и создал по сути новую книгу — свою собственную?

4. Вы уже знакомы с книгами А.Н.Толстого для детей «Детство Никиты» и «Золотой ключик...». Чтобы ваше представление о творчестве этого писателя было более полным, предлагаем вам несколько сказок А.Н.Толстого.

Алексей Т

ФОФКА

Алексей ТОЛСТОЙ

ФОФКА

Детскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошие, с пестрыми цветочками.

Но никто недосмотрел, — ни приказчик, который продавал обои, ни мама, которая их купила, ни нянька Анна, ни горничная Варя, ни кухарка Паша, словом, никто, ни один человек, недосмотрел вот чего.

Маляр приклеил на самом верху вдоль всего карниза широкую бумажную полосу. На полосе были нарисованы пять сидящих собак и посредине их — жёлтый цыплёнок с пумпушкой на хвосте. Рядом опять сидящие кружком пять собачек и цыплёнок. Рядом опять собачки и цыпленок с пумпушкой. И так вдоль всей комнаты под потолком сидели пять собачек и цыпленок, пять собачек и цыпленок.

Маляр наклеил полосу, слез с лестницы и сказал:

— Ну-ну!

Но сказал это так, что это было не просто «ну-ну», а что-то похуже. Да и маляр был необыкновенный маляр, до того замазанный мелом и разными красками, что трудно было разобрать — молодой он или старый, хороший он человек или плохой человек.

Маляр взял лестницу, протопал тяжелыми сапогами по коридору и пропал через чёрный ход, — только его и видели.

А потом и оказалось: мама никогда такой полосы с собаками и цыплятами не покупала.

Но — делать нечего. Мама пришла в детскую и сказала

— Ну что же, очень мило, — собачки и цыплёнок, — и велела детям ложиться спать.

Нас, детей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Зина мне и говорит:

— Знаешь что? А цыплёнка зовут Фофка

Я спрашиваю:

— Как Фофка?

— А вот так, сам увидишь.

Мы долго не могли заснуть. Вдруг Зина шепчет

— У тебя глаза открытые?

— Нет, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я навострил оба уха, слышу — потрескивает где-то, попискивает. Открыл в одном глазу щёлку, смотрю — лампадка мигает, а по стене бегают тени, как мячики В это время лампадка затрещала и погасла

Зина сейчас же залезла ко мне под одеяло, закрылись мы с головой. Она и говорит

— Фофка всё масло в лампадке выпил

Я спрашиваю:

— А шарики зачем по стене прыгали?

— Это Фофка от собак убегал, слава Богу, они его не поймали.

Наутро проснулись мы, смотрим — лампадка совсем пустая, а наверху, в одном месте, около Фофкина клюва — масляная капля.

Мы сейчас же всё это рассказали маме, она ничему не поверила, засмеялась Кухарка Домна засмеялась, горничная Маша засмеялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечером Зина мне опять говорит

— Ты видел, как нянька покачала головой?

— Видел.

— Что-то будет? Нянька не такой человек, чтобы понапрасно головой качать. Ты знаешь, зачем у нас Фофка появился? В наказанье за наши с тобой шалости

почему нянька головой качала. Давай-ка лучше припомним все шалости, а то будет ещё хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, как мы на даче взяли гнилую доску и положили через ручей? Шёл портной в очках, мы кричим: «Идите, пожалуйста, через доску, здесь ближе». Доска сломалась, и портной упал в воду. А потом Домна ему живот утюгом гладила, потому что он чихал.

Зина отвечает:

— Неправда, этого не было, это мы читали, это сделали Макс и Мориц[1].

Я говорю:

— Ни в одной книжке про такую гадкую шалость не напишут. Это мы сами сделали.

Тогда Зина села ко мне на кровать, поджала губы и сказала противным голосом:

— А я говорю: напишут, а я говорю: в книжке, а я говорю: ты по ночам рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не мог. Мы сейчас же поссорились. Вдруг кто-то цапнул страшно больно меня за нос. Смотрю, и Зина за нос держится.

— Ты что? — спрашиваю Зину. Она отвечает шёпотом:

— Фофка! Это он клюнул.

Тогда мы поняли, что нам не будет от Фофки житья.

[1] Макс и Мориц — мальчики-озорники, герои рисованных историй немецкого художника Вильгельма Буша.

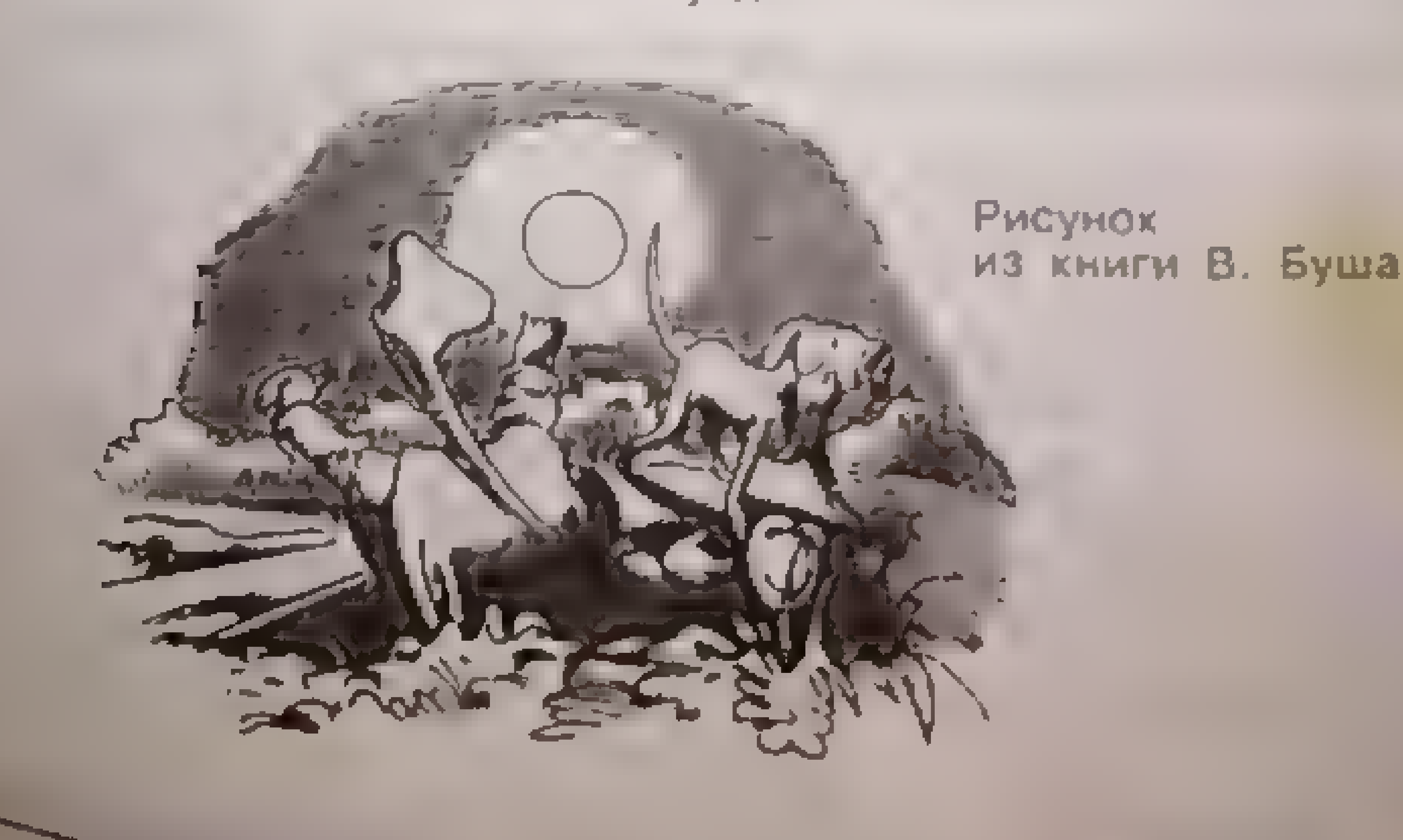

Рисунок из книги В. Буша

Зина сейчас же заревела. Я подождал и тоже заревел. Пришла нянька, развела нас по постелям, сказала, что если мы не заснём сию же минуту, то Фофка отклюет нам весь нос до самой щеки.

На другой день мы забрались в коридоре за шкаф. Зина говорит:

— С Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, как нам избавиться от Фофки. У Зины были деньги — на переводные картинки. Решили купить кнопок. Отпросились гулять и прямо побежали в магазин «Пчела». Там двое гимназистов приготовительного класса покупали картинки для наклеиванья. Целая куча этих замечательных картинок лежала на прилавке, и сама госпожа «Пчела», с подвязанной щекой, любовалась, жалея с ними расстаться. И всё-таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопок на все тридцать копеек.

Потом вернулись домой, подождали, когда отец и мама уйдут со двора, прокрались в кабинет, где стояла деревянная лакированная лестница от библиотеки, и притащили лестницу в детскую.

Зина взяла коробочку с кнопками, залезла на лестницу под самый потолок и сказала:

— Повторяй за мной: я с моим братом Никитой даём честное слово никогда не шалить, а если мы будем шалить, то не очень, а если даже очень будем шалить, то сами потребуем, чтобы нам не давали сладкого ни за обедом, ни за ужином, ни в четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чур, пропади!

И когда мы сказали это оба громко в один голос, Зина приколола Фофку кнопкой к стене. И так приколола быстро и ловко — не пикнул, ногой не дрыгнул. Всех было пятнадцать Фофок, и всех приколола кнопками Зина, а Фофочкам — каждой — носик помазала вареньем.

С тех пор Фофка нам больше не страшен. Хотя вчера поздно вечером на потолке началась было возня, писк и царапанье, но мы с Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое-какие кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

ПРОЖОРЛИВЫЙ БАШМАК
(из цикла «Сказки и рассказы для детей»)

В детской за сундуком [illegible] — [illegible] закинули, он и жил.

В столе стояли [illegible]

В углу в ящике [illegible] старый [illegible] ный с бочкой, [illegible] вая да собачка, [illegible] — [illegible]

А под кроватью [illegible] старый [illegible] просил каши.

Когда нянька [illegible] грехи» и валилась на [illegible] зимовавший комар и [illegible] делана к носу

— На войну, на войну!

И тотчас выпрыгивали [illegible] генерал на белом коне и [illegible]

Из-за сундука [illegible] лапы.

С ящика в углу соскакивала крышка, выезжал оттуда паровоз и на нём две куклы — Танька и Манька, пожар-

То есть был рваный

ный катил бочку, собачка резиновая нажимала живот и лаяла, собачка, которая потерялась, нюхала пол и скребла задними лапами, лошадь без головы ржала, что ничего не видит, и вместо головы у неё торчал чулок. А после всех вылезал из-под кровати нянькин башмак и клянчил:

— Каши, каши, каши!

Но его никто не слушал, потому что все бежали к солдатам, которые, как самые храбрые, бросались вперёд к пузатому комоду.

А под комодом лежала страшная картинка. На картинке была нарисована рожа с одними руками.

Все смотрели под комод, куклы трусили, но под комодом никто не шевелился, и куклы сказали:

— Только напрасно нас напугали, мы [illegible]

И вдруг все заметили, что на картинке рожи нет, а рожа притаилась за ножкой комода.

Куклы тотчас упали без чувств, и паровоз [illegible] их под кровать, лошадь встала на дыбы, потом на передние ноги и из шеи у нее вывалился чулок, собачки притворились, что ищут блох, а генерал отвернулся — так ему [illegible] страшно, и скомандовал остаткам войска:

— В штыки!

Храбрые солдаты кинулись вперед, а рожа [illegible] навстречу и сделала страшное лицо: [illegible] дыбом, красные глаза завертелись, рот [illegible] и щёлкнули в нём жёлтые зубы.

Солдаты разом воткнули в рожу [illegible] нерал сверху ударил саблей, а сзади [illegible] бомбами две пушки.

В дыму ничего не [illegible]

Когда же белое облако [illegible] полу в одной куче лежали [illegible] ты, пушки и генерал. А рожа [illegible] перекувыркивалась и скрипела зубами.

Видя это, собачки упали кверху лапами [illegible] ния, лошадь брыкалась, нянькин башмак [illegible] раком, разиня рот, только пожарный с бочкой ничего не испугался, он был «Красный Крест» — и его не трогали.

— Ну, теперь мой черёд, — сказал медведь; сидел он позади всех на полу, а теперь вскочил, разинул рот и на мягких лапах побежал за рожей.

Рожа кинулась под кровать — и медведь под кровать, рожа за горшок — и медведь за горшок.

Рожа выкатилась на середину комнаты, присела, а когда медведь подбежал, подпрыгнула и отгрызла ему лапу.

Завыл медведь и влез за сундук.

Осталась рожа одна, на левую руку оперлась, правой погрозилась и сказала:

— Ну, теперь я примусь и за ребятишек, или уж с няньки начать?

И стала рожа к няньке подкрадываться, но видит — свет на полу, обернулась к окну, а в окне стоял круглый месяц, ясный, страшный и, не смигнув, глядел на рожу.

И рожа от страха стала пятиться, пятиться прямо на нянькин башмак, а башмак разевал рот все шире и шире.

И когда рожа допятилась, башмак чмокнул и проглотил рожу.

Увидев это, пожарный с бочкой подкатился ко всем раненым и убитым и стал поливать их водой.

От пожарной воды ожили генерал, и солдаты, и лошадки, и собаки, и куклы, у медведя зажила лапа, деревянная лошадь перестала брыкаться и опять прислонилась к стенке, а комар слетел с карниза и затрубил отбой.

И все живо прыгнули по местам.

А башмак тоже попросил водицы, но и это не помогло. Башмак поташился к комоду и сказал:

— Уж больно ты, рожа, невкусная.

Понатужился, силёшился, выплюнул рожу и шмыгнул под кровать.

А рожа насилу в картинку влезла и больше из-под комода ни ногой, только иногда по ночам, когда мимо комода медведюшка пробегает или едут на паровозе куклы, — ворочает глазами, пугает.

ВЕДЬМАК

На пне сидит ведьмак, звёзды считает когтем — раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.

... Пять, шесть, семь И гаснут звёзды, а вместо них на небе оказываются чёрные дырки. Их-то и нужно ведьмаку — через дырки с неба дождик льётся.

А дождик с неба — хмара и темень на земле.

Рад тогда ведьмак идет на деревню людям вредить

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села

Вдруг приметил его пьяненький портной «Ах ты, — говорит, гад» И побежал за кусты к месяцу — жаловаться Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком — не дает ему звезд тушить Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц — тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил — месяц норовит зацепить и клыки оскалил

Притихло в лесу А месяц нацелился — да как хватит ведьмака по зубам...

Щелкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил.

Взвился месяц ущербный, свету невзвидел, укрылся за облако.

А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.

У ведьмака в животе прыгает откусанный месяц, мает вертится юлой ведьмак, и так и сяк — нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду Расплескалась серебряная вода Лёг ведьмак на прохладном дне Корчится Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие Удивились, шарахнулись, подплыли опять и говорят

— Выплюнь, выплюнь месяц-то

Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох.

А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину На дне речки стало светло, ясно и весело

А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок пригладился и поплыл между звезд по синему небу

Не впервые ясному бока выращивать

КОТ

Из ци

КОТ СМЕТАННЫЙ РОТ

Из цикла «Сказки и рассказы для детей»

[illegible]
Кот устал, [illegible]
Из-под печки [illegible]
Трусит — еле дыши[illegible]
Видит кот [illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible]
[illegible] — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] раздолье!
«Эй, скорей, из тё[illegible]
Мыши, из подполья!»
На разбой идут ночной, —
Шмыг да шмыг по лавке
Лапу маленькой одной
Отдавили в давке
Месяц светит сквозь стекло.
Кот храпит беззубый.

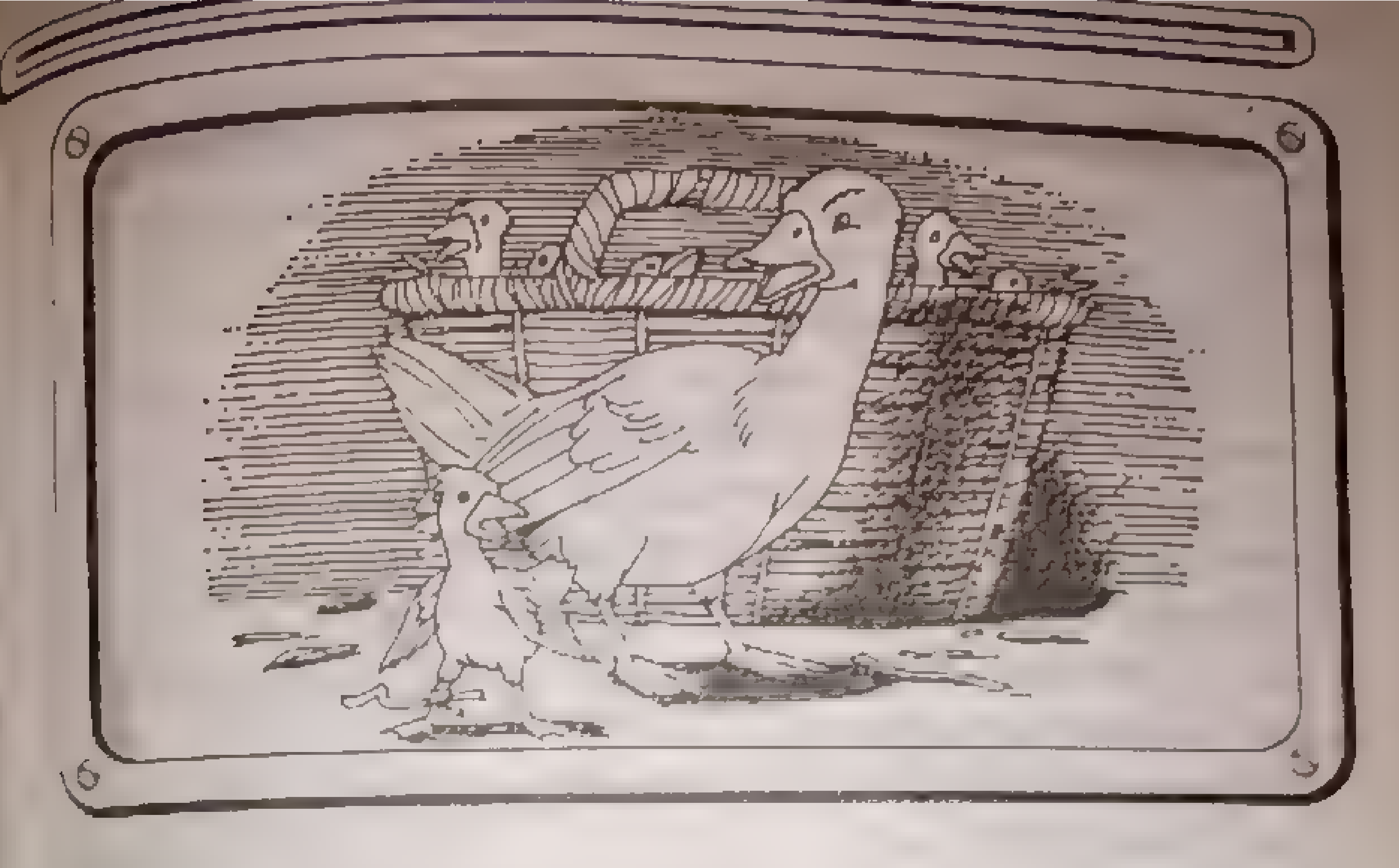
Мыши кутаны тепло
В серенькие шубы.
Утащили под кровать,
Обглодали свечку.
Говорят: «Пойдём кусать
Нос коту на печку».
А уж кот в приятном сне
Лижет ус сметанный.
Вдруг он видит — мышь на дне —
Случай очень странный!
Прыгнул кот что было сил,
Слюни даже проглотил:
«Вот такой-то ужин
Нам, котам, и нужен!»
Облизнулся,
Потянулся...
Мышь кота за морду — хвать,
И в сметану — прыг опять...
Вздрогнул кот, проснулся...
Дыбом шерсть, глаза горят, —
Ни сметаны, ни мышат.
Свет в избе потушен,
Нос горит, укушен.
Верно, — думает, — блоха...
А в подполье: «Ха-ха-ха!
Будешь помнить, котофей,
Как ловить во сне мышей,
Пропадёт охота,
То-то...»

1. Понравились ли вам сказки А.Н.Толстого? Расскажите, почему?

2. Как вы думаете, чем отличаются сказки А.Н. Толстого от других литературных сказок, например, Е.Шварца?

3. Чем необычны герои сказок А.Н.Толстого?

А теперь перед вами рассказы ещё одного писателя, которого С.Я.Маршаку удалось «превратить» в детского — Михаила Пришвина.

Михаил ПРИШВИН (1879 — 1954)

«ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»

В одном болоте на кочке под ивой вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли себе дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых один вышел красавец разноцветный селезень и две уточки, Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда. Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью. И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца,

ухаживали Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих — в огород за червями.

— Свись-свись! — утята в пруду.

— Кряк-кряк! — отвечает им утка.

— Свись-свись! — утята в огороде

— Квох-квох! — отвечает им курица

Утята, конечно, не могут понять, что значит [illegible], а что слышится с пруда, это им хорошо известно

«Свись-свись» — это значит: «свои к своим»

А «кряк-кряк» — значит: «вы — утки, вы — кряквы, скорей плывите».

И они, конечно, глядят туда, к пруду [illegible]

— Свои к своим!

И бегут.

— Плывите, плывите!

И плывут.

— Квох-квох! — упирается важная кури[illegible]

Они все плывут и плывут Сосвиста[illegible] радостно приняла их в свою семью Дус[illegible] были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная се[illegible] прудике, и весь день Пиковая Дама, распу[illegible] квохтала, ворчала, копала ногой червей на бер[illegible] привлечь червями утят и квохтала им о том, [illegible] то много червей, таких хороших червей!

— Дрянь-дрянь! — отвечала ей кряк[illegible]

А вечером она всех утят провела одно[illegible] вочкой по сухой тропинке Под самым носом [illegible] рицы прошли они, чёрненькие, с больш[illegible] ми; ни один даже на такую мать и не по[illegible]

Мы всех их собрали в одну вы[illegible] вили ночевать в тёплой кухне, возле [illegible]

Утром, когда мы еще спали, Дуся вы[illegible] Ходила вокруг по полу, кричала, вызыва[illegible] тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кутерьме мы расслышали отдельно голос одного утенка

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали. И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзинки высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его как-нибудь своим крылом и выбросила? Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы — в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключенные в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лева.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои и утята спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

— Свись-свись! — ответил единственный утенок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда — сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова ее ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утенок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утенка, потом пять, и пошло и пошло: чуть только крякнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валятся вниз.

А первого утенка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

ЖУ́РКА

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он ее проглотил. Дали другую — проглотил. Третью, четвертую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня:

— А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребенку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!», и он к ней бежит. Такой умница!

Так живет у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от

Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах, мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слезы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

— Фру-фру!

И такой умница! Как только услыхал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать, да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

ХРОМКА

Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка — моя подсадная охотничья уточка. Эта уточка была из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим утиным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывёт Хромка

Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: «Хромка!» — и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять: куда я, туда и она.

Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утиный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали — ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромому в мире всяких зверюшек и птиц: у них что-то вроде закона — больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, свои же куры, индюшки, гуси — все норовят тюкнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка — утенок, — нет, и гусь с высоты норовит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

Какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головенкой, величиной с лесной орех, сообразил, что единственное спасение его в человеке.

И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишить его жизни, а чем он виноват, если крыса вывернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли ее под защиту, и она стала ходить за нами и только за нами. И, когда выросла она большая, нам не нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья. Другие утки — дикари — считали дикую природу своей родиной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал ее домом. Так Хромка в люди вышла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя уточка сама плывет за мной. Отстанет — снимется с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: «Хромка!» — вижу — летит моя птица ко мне.

Самуил МАРШАК (1887—1964)

СИЛА ЖИЗНИ

В богатой русской литературе не так-то легко занять выдающееся место, открыть новую — свою — страницу.

Это писательское счастье в полной мере [illegible] на долю Михаила Михайловича Пришвина.

Тому, кто прошел укромной тропой [illegible] кий зелёный мир, полный света и ветра, [illegible] не покажется ни мёртвой, ни будничной.

Такая сила жизни была у этого человека, [illegible] самые краткие записи натуралиста, странички [illegible] даря природы, превращались у него в [illegible] а очерки — в поэмы.

Впрочем, такие определения, как очерк, рассказ, поэма, не очень-то подходят для Пришвина.

Он нашёл свою форму выражения мыслей и [illegible] уж если как-нибудь называть эту форму, то [illegible] «пришвинской».

В самом деле, у кого найдешь такое [illegible] и необычайное [illegible] точных, [illegible] ении над жизнью природы с поэтической выдумкой, с воображением [illegible] и непосредственным.

В [illegible] Пришвина [illegible] с [illegible] путником, [illegible] родной земли, с опытным наблюдателем, [illegible] охотником, [illegible] приносить из [illegible] в охотничьей сумке и в памяти.

Мудрый и памятливый художник [illegible] последних своих дней первонача [illegible] [illegible] любопытство и жадность [illegible] он умел находить во всём, что его окружало.

Недаром [illegible] говорил: « [illegible] каждый [illegible] не такой, как в прошлом году, и никогда одна весна не бывает точно такой, как другая».

[illegible] в его книгах [illegible] [illegible] он на своих бесконечных дорогах, [illegible] [illegible] и опыта, накопленного людьми [illegible] [illegible] те, довелось ему приметить за годы странствий

День за днём, год за годом находил он, точно драгоценные клады, слова и пословья, которые так метко и точно передают своеобразие создавшего их народа.

Язык в книгах Пришвина так же причудлив, богат и одухотворён, как и открытая им природа.

Нам, современникам, досталось на долю [illegible] этого чудесного писателя как товарища и [illegible]

Но нет сомнения в том, что встречи с [illegible] живым и молодым в каждой оставленн[illegible] без конца удивлять, радовать, обогащать и [illegible] нам на смену.

То, что было по-настоящему [illegible] мёртвым.

1955.

---

1. Вы прочли рассказы Михаила Пришвина и статью Самуила Маршака о творчестве этого писателя. За что ценил Маршак книги Пришвина?

2. Попробуйте увидеть в рассказах Пришвина те особенности творческого почерка писателя, о которых говорит С.Маршак. Когда будете думать над этим вопросом, вспомните и другие рассказы М.Пришвина, которые вы читали раньше.

3. Вспомните, какие произведения С.Я.Маршака вы читали в первом, во втором, в третьем классе на уроках и самостоятельно. Это были и стихи, и загадки, и пьеса-сказка. Теперь вы познакомились с критической статьёй С.Я.Маршака о Пришвине (критическая статья — это особый жанр, в ней даётся анализ всего творчества писателя или отдельных его произведений). Чтобы вы лучше увидели, как многообразно творчество Маршака, прочтите его размышления о «Сказке о царе Салтане» Пушкина и несколько стихотворных переводов.

Самуил МАРШАК
(из книги «Воспитание словом»)

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывёт.

Здесь очень мало слов — все наперечёт. Но какими огромными кажутся нам из-за отсутствия подробностей и небо, и море, занимающие в стихах по целой строчке.

И как не случайно то, что небо помещено в верхней

строчке, а море — в нижней!

В этом пейзаже, нарисованном несколькими чертами, нет берегов, и море с одинокой бочкой кажется нам безбрежным и пустынным.

Правда, в том же «Салтане» есть и более подробное изображение морских волн, но и оно лаконично до предела

В свете есть иное диво
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря

Пушкин и всегда был скуп на прилагательные. А в сказках особенно. Вы найдете у него целые строфы без единого прилагательного. Предложения составлены только из существительных и глаголов. Это придает особенную действенность стиху

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Сколько силы и энергии в этих шести строчках, в этой цепи глаголов: «поднялся», «уперся», «понатужился», «молвил», «вышиб» и «вышел»!

Радость действия, борьбы — вот что внушают читателю-ребёнку эти шесть строк. И завершаются они победой: вышиб и вышел.

Как легко запоминается детьми это чудесное шестистишие из «Салтана», похожее на «считалку» в детской игре. Оно и кончается, как считалка, словами «вышел вон».

И вся сказка запоминается без труда не только потому, что написана легким и энергическим стихом, но и потому, что состоит из отдельных внутренне и внешне законченных частей.

Самуил МАРШАК

В ГОРАХ МОЁ СЕРДЦЕ

(из Роберта Бёрнса)

В горах моё сердце... Доныне
По следу оленя лечу по скалам
Гоню я оленя, пугаю коз
В горах моё сердце, а сам я в

Прощай, моя родина! Север, пр
Отечество славы и доблести
По белому свету судьб
Навеки останусь я сы

Прощайте, вершины под кр
Прощайте, долины и скат
Прощайте, поникши
Прощайте, потоко

В горах моё се
По следу оленя л
Гоню я оленя, пуга
В горах моё серди

НА ДАЛЁКОЙ АМАЗОНКЕ

(из Р.Киплинга)

На далёкой Амазон
Не бывал я никогд
Только «Дон» и «Магдалина
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина
Ходят по́ морю туда

Из Ливерпу́льской га́вани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам

Броненосец

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию —
К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Броненосец трехпоясной

ВЕНЕ́ЦИЯ

(Из Дж. Родари)

Глядит в лагу́ну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встаёт такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звезд
Где ж настоящая луна?
Где настоящий мост?

Ребята, вы подробно познакомились с детской литературой 20-х годов. Предлагаем вам такие вопросы:

1. Как вы думаете, почему историки литературы называют 20-е годы XX века очень важным периодом в истории русской детской литературы?

2. Путешествие в историю русской детской литературы XX века мы назвали «Новые встречи со старыми друзьями». Что нового вы узнали о жизни и о книгах хорошо вам знакомых писателей? Какие книги вам захотелось прочитать? Почему?

3. О ком из писателей вы узнали впервые? О каких писателях изменилось ваше представление во время двух последних путешествий?

4. Ребята, вы обратили, наверное, внимание, что в наших книгах для чтения произведения одного и того же писателя встречаются несколько раз (например, в первом классе вы читали стихотворения С.Я.Маршака для малышей, во втором классе — его загадки, стихи, перевод «Сказки о глупости» украинского писателя Ивана Франко; в третьем классе — стихи и пьесу-сказку, в четвёртом — отрывки из статей и стихотворные переводы). Это сделано для того, чтобы у вас сложилось более полное представление о творчестве писателя, чтобы вы увидели, насколько оно многообразно.

Вспомните, какие произведения М.М.Пришвина и А.Н.Толстого вы читали. В каких жанрах написаны их произведения?

5. В начале XX века детские писатели создают произведения самых разных жанров: рассказы, автобиографические повести... Продолжите и закончите этот ряд сами.

6. Что нового появилось в стихах для детей в 20-е годы?

ПУТЕШЕСТВИЕ 12.

1928 год. Литературный утренник в Сокольниках. Балерина или поэтесса? Роковая случайность. Путешествие вдвоём. Юрий Олеша и... профессор Николай Александрович Рождественский.

Путешествовать «вокруг Маршака» было ... интересно, тем более что «Книжка про книжки» ... Галанова читалась на одном дыхании. Од... нецы всё чаще вопросительно поглядывали ... Александровича, когда встречались с ... или на кухне. Наконец на немой вопрос ... лай Александрович прочитал в глазах И... дал вполне определенный ответ

— Сегодня, после обеда. С собой — ... Хоть там и лето, а весь день на у... дётся.

Близнецы были так счастливы, что ... где это «там», кинулись собирать сумк...

В парке «Сокольники» было много ... Играли духовые оркестры. Со всех ... нию к большой поляне шли дети и ... было значительно больше. Игорь, Оля и Ник... сандрович тоже шли на поляну, туда, где ... эстрада. Игорь нёс сумку с вещами, котор... рил Николай Александрович. В сумке лежа... дистанционного управления машиной ... Игорь чувствовал себя незаменим... Оля боялась, что брат очень заважничает, ... тала ему время от времени: «Игорь, в... стойно!»

Литературный утренник был в ... раскланивался под громкие аплодисм... ловек в очках.

— Идёмте скорее, — заторопилс... дрович. — Лев Кассиль уже выступи... интересно, кто будет следующим?

Человека, который появился на сцене ... нельзя: так похож он был на свои фотографии. Рос... могучий, красивый и веселый, Владимир Маяковский по... дошел к краю эстрады, и его рокочущий бас услышали зрители на самых последних рядах.

— Товарищи дети! Я прочитаю вам ... о Симе и Пете.

Владимир МАЯКОВСКИЙ (1893—1930)

СКАЗКА О ПЕТЕ, ТОЛСТОМ РЕБЁНКЕ,И О СИМЕ, КОТОРЫЙ ТОНКИЙ (отрывки)

Жили-были
Сима с Петей
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе 7 —
и 12 вместе всем
Петя,
выйдя на балкончик,
жадно лопал сладкий пончик
словно дождик по трубе,
льёт варенье по губе
Четвернёй лохматых ног
шёл мохнатенький щенок
Сел.
Глаза на Петю вскинул:
— Дай мне, Петя, половину!
При моём щенячьем росте
не угрызть мне толстой кости.

Я сильнее прочих блюд
эти пончики люблю.
Да никак не купишь их:
заработков никаких. —
Но у Пети
грозный вид
Отвернуться норовит
Не упросишь этой злюни
Щен сидит,
глотает слюни
Невтерпеж,
поднялся [illegible]
скок,
впился в [illegible]
Петя
посинев [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
нищий [illegible]
— Ну и [illegible]
не пей, не жуй!
Обижает нас буржуй
Выйди, зверь и птичка!
Накажи обидчика! —
Вдруг,
откуда ни возьмись,
сто ворон слетают вниз
Весь оскаленный, шакал
из-за леса пришагал
За шакалом
волочится
разужасная волчица.
А за ней,
на три версты
распустив свои хвосты,

два огромных крокодила.
Как их мама уродила?!
Ощетинивши затылки,
выставляя зубы-вилки
и подняв хвостища-плети,
подступают звери к Пете.
— Ах, жадаба!
Ах ты, злюка!
Уязви тебя гадюка!
Ах ты, злюка!
Ах, жадаба!
Чтоб тебя сожрала жаба!
Мы
тебя
сию минутку,
как поджаренную утку,
так съедим
или
иначе.
Угнетатель ты зверячий! —
И шакал,
как только мог,
хвать пузана
за пупок!
Тут
на Петю
понемногу
крокодил нацелил ногу
и брыкнул,
как футболист.
— Уходи!
Катись!
Вались! —
Плохо Пете.
Пете больно.
Петя мчит,
как мяч футбольный.
Долетел,
от шишек страшный,
аж

до Су́харевой башни.
Для принятья строгих мер —
к Пете милиционер.
Собеседник Петю взял,
вчетверо перевязал,
затянул покрепче узел,
поплевал ему на пузо.
Грозно
вынул
страшный страж
свой чернильный карандаш,
вывел адрес без помарки
Две
на зад
наклеил марки,
а на нос
— не зря ж торчать! —
сургучовую печать
Сунул Петю
за́ щеку
почтовому ящику
Щёлка узкая в железе,
Петя толст —
пищит, да лезет
— Уважаемый папаша,
получайте
ча́до ваше!

Сказка сказкою,
а Петя
едет, как письмо, в пакете.
Ехал долго он и еле
был доставлен в две недели.
Почтальон промеж бумажками
сунул в сумку вверх тормашками.
Проработав три часа,
начал путать адреса.
Сдал, разиня из разинь,
не домой, а в магазин.
Петя,
ски́сши от поста́,

распечатался и встал.
Петя
плоский, как рубли.
Он уже не шар,
а блин.
Воскресенье —
в лавке пусто.
Петя
вмиг приходит в чувство
и, взглянув на продовольствие,
расплывается от удовольствия.
Рот раскрыл,
слюна на нём.
— Ну, — сказал, —
с чего начнём?
Запустил в конфеты горсти
и отправил в рот для скорости
Ел он, ел
и еле-еле
все прикончил карамели.
Петя, переевши сласть,
начал в пасть закуски класть
и сожрал по сей причине
все колбасы и ветчи́ны.
Худобы в помине нет,
весь налился,
как ранет.
Все консервы Петя ловкий
скушал вместе с упаковкой.
Так наелся,
что не мог
устоять на паре ног
Петя думает.
«Ну что же!
Дальше буду
кушать лёжа».
Нет еды,
но он не сыт,
слопал гири и весы.
Видано ли это в мире,
чтоб ребёнок

лопал гири?!
Петя —
жадности образчик;
гири хрустнули,
как хрящик.
Пузу отдыха не дав,
вгрызся он в железный шкаф.
Шкаф сжевал
и новый ищет...
Вздулся вербною свинищей.
С аппетитом сладу нет
Взял
губой
велосипед —
съел колёса,
ест педали
Тут их только и видали!
Но не сладил Петя бедный
с шиною велосипедной
С грустью
объявляю вам:
Петя
лопнул пополам
Дом
в минуту
с места срыв,
загремел ужасный взрыв
Люди прыгают, дрожа
«Это, — думают, — пожар!»
От велика до мала
все звонят в колокола
Вся в сигналах каланча,
все насосы волочат.
Подымая тучи пыли,
носятся автомобили.
Кони десяти мастей.
Сбор пожарных всех частей.
Впереди
на видном месте
вскачь несётся
сам брандмейстер...

Наши близнецы уже совсем освоились. Они увлечённо слушали и успевали разглядывать зрителей. Удивительно было то, как дети слушали Маяковского: широко открыв глаза, подавшись вперед, девчонки и мальчишки ловили каждое слово, хмурились и улыбались, хохотали до слёз над обжорой Петей, который «ехал, как письмо в пакете». Когда Маяковский закончил чтение, его долго не отпускали со сцены, и поэт читал на бис и «Тучкины штучки», и «Конь-огонь», и «Кем быть?»

Громко хлопая в ладоши, Оля обратила внимание на девушку, которая, как видно, ждала своего выхода на сцену и очень волновалась.

— Николай Александрович, а кто это? Ну вот там, у входа на сцену?

— А вы не узнали? Это хорошо вам известная поэтесса. Ее зовут... Хотя нет, знаете что? История этой девушки настолько интересна, что стоит вернуться на несколько лет назад. Игорь, нажмите-ка на пульте кнопку возврата во времени.

... На этот раз наши герои оказались в просторном зале. Вдоль стен этого зала висели зеркала и тянулись в два ряда круглые длинные палки — балетный станок. На стульях сидели девочки и мальчики, у стены стояла учительница, а посреди зала худенькая девочка лет 16 читала очень грустное стихотворение, обращаясь к человеку с бородкой, сидевшему в первом ряду. Когда она закончила чтение, человек встал, поблагодарил, а потом с улыбкой спросил:

— А ещё стихи у вас есть? Только не такие грустные? Знаете, вам обязательно надо писать стихи — веселые, смешные, это ближе вашему возрасту и характеру.

— Спасибо, Анатолий Васильевич, я подумаю, — смущённо улыбаясь, пообещала девочка.

Урок-концерт в балетной школе продолжался. Наши герои сидели в последнем ряду. Близнецы, как вы уже догадались, нетерпеливо требовали у Николая Александровича разъяснений.

— Друзья мои, эту молоденькую балерину зовут Агния Барто. Ее стихи понравились Анатолию Васильевичу Луначарскому, народному комиссару просвещения. Если бы не он, может быть, у нас была бы балерина Агния Барто, но не было бы Агнии Барто — детской поэтессы. Вот как бывает... А теперь давайте вернёмся в 1928 год, в Сокольники, и послушаем Агнию Барто. Прошло всего три года, как она впервые принесла в издательство свои стихи, а дети уже успели их полюбить.

Агния БАРТО (1906—1982)

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летают голуби синие,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Яр[illegible] грудка,
Два блестящие крыла…
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто.

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Поджидал её в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирях.

Было сухо, но галоши
Я послушно надевал.
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал.

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом
Я «спасибо» говорил,
Всех за всё благодарил.

Трудно было жить на свете,
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря

До чего же я старался!
Я с девчонками не дрался

Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком
И скорей иду в сторонку,
Будто с ней я незнаком

Мама очень удивилась.
— Что с тобой, скажи на милость?
Может, ты у нас больной —
Ты не дрался в выходной!

И ответил я с тоской:
— Я теперь всегда такой.

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря.

— Чудеса, — сказала мама
И купила снегиря.

Я принёс его домой.
Наконец теперь он мой!
Я кричал на всю квартиру:
— У меня снегирь живой!

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре
Значит, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

. Литературный утренник закончился, и наши герои оказались в шумной толпе детей и взрослых.

— Давайте держаться вместе, друзья мои, — сказал Николай Александрович, — нам еще предстоит отправиться на улицу Станкевича и познакомиться с одним молодым писателем. Если разойдемся, встречаемся у входа в парк.

Оля крепко держала Игоря за руку. Было жарко, очень хотелось пить. Игорь расстегнул сумку, стал искать свою летнюю кепку с козырьком и вдруг нечаянно задел кнопку на пульте, и... брат и сестра очутились дома, в квартире на Остоженке. Николая Александровича с ними не было.

Близнецы бросились искать его, заглянули во все комнаты и вдруг с ужасом поняли, что оставили профессора в 1928 году.

— Что же делать, Игорёк? Что же делать? — без конца повторяла Оля. Она плакала. Игорь тоже готов был заплакать и сдерживался из последних сил

— Надо возвращаться и разыскать Николая Александровича. Ведь машина запрограммирована именно на 1928 год.

Игорь, приняв это решение, почувствовал себя взрослым и сильным. Теперь все зависит от него. Мальчик достал пульт дистанционного управления, взял Олю за руку и нажал нужную кнопку.

Близнецы, все так же держась за руки, стояли на тротуаре рядом с домом старинной постройки. На углу дома можно было прочитать узенькую табличку «Ул. Остоженка». Рядом был указан номер дома — 5. Дети удивленно переглянулись, их улица снова была другой. Не было площади у метро, и самого метро не было тоже,

вместо памятника в начале улицы были торговые ряды, какие-то домики. Впереди, где всегда виднелись башни Кремля, высился какой-то незнакомый храм — массивный, величественный.

— Где же искать Николая Александровича? — тихо спросила Оля.

— Давай вспомним, — так же тихо ответил Игорь (дети разговаривали почти шепотом, хотя на улице было шумно и слышать их никто не мог), — где мы должны были встретиться, если потеряемся в парке «Сокольники»?

— У входа.

— Значит, едем в «Сокольники», — решительно сказал Игорь.

Дети прошли несколько шагов, и вдруг Оля тихо ойкнула и остановилась, глядя на дерево у тротуара.

— Оль, ты чего? Идем скорее! — торопил её брат.

— Посмотри, оно жёлтое... Дерево жёлтое. А в «Сокольниках» на утреннике мы были летом. Как же так?

Игорь не знал, что ответить, и так же, не отрываясь, смотрел на жёлтые кленовые листья. Потом он стал медленно рассуждать вслух (так он всегда делал, когда волновался):

— Значит так. Мы вернулись из лета 1928 года, потом искали Николая Александровича в квартире, полчаса примерно прошло.. Потом решили вернуться и нажали на кнопку... Понял! Вернуться назад в то же время и на то же место было уже нельзя, поэтому мы здесь, и уже осень. Значит, Николай Александрович [illegible] уже больше двух месяцев! Тогда в «Сокольниках» его, конечно, нет... Давай вспомним, что ещё он говорил перед тем, как мы потерялись?

— Он говорил, что мы должны с кем-то познакомиться... где же? Вспомнила! На улице Станкевича. Игорь, а может быть, он ждёт нас там? Где эта улица, ты не знаешь?

Игорь не знал, и близнецы решили у кого-нибудь спросить.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Игорь к [illegible]дящей мимо девушке в темном жакете и косынке, — как нам пройти на улицу Станкевича?

— Идите, ребята, прямо, мимо Музея изящных искусств по Волхонке, потом мимо Пашкова дома, там ещё стройка, вы увидите. Поверните налево, на улицу Герцена, а там спросите, где вам повернуть на Станкевича. Ясно, товарищи? — девушка улыбнулась.

— Спасибо большое, нам ясно! — хором ответили близнецы. Они знали эту дорогу. Здорово, что улица Станкевича оказалась в центре города. И наши близ-

нецы зашагали по Волхонке.

Они шли по «знакомой незнакомой» Москве и молчали. Каждый сосредоточенно думал, что они будут делать дальше.

Решение, однако, пришло само собой. Близнецы без труда нашли улицу Станкевича, там их внимание сразу привлек дом с множеством вывесок у подъездов. Что здесь могло интересовать Николая Александровича? Живет или бывает здесь писатель, с которым они должны встретиться?

Из множества вывесок к литературе имела отношение одна. Она гласила: «Редакция железнодорожной газеты «Гудок». Зная интерес и любовь Николая Александровича к редакциям, Игорь и Оля решили туда зайти.

В коридоре дети наудачу постучали в одну из дверей, вошли и обратились к человеку, который сидел спиной к двери и сосредоточенно просматривал рукопись.

— Извините, пожалуйста, не могли бы вы... — начала Оля.

Человек обернулся, и наши близнецы увидели... Николая Александровича! После радостных восклицаний Игорь стал извиняться: честное слово, он не нарочно, он совсем не хотел трогать пульт, так получилось.

— Друзья мои, позвольте сказать вам, что я вас очень люблю и совсем не сержусь. Более того, вы дали мне уникальную возможность не только побывать, но и пожить в прошлом. И потом я ни секунды не сомневался, что вы меня найдёте.

— Дорогой Николай Александрович, мы так рады,

что нашли вас, просто ужасно рады! — заговорила Оля. — Вы, наверное, домой хотите? Давайте прямо сейчас?

— Сударыня, не беспокойтесь, со мной все в порядке. Я не рассказал вам еще самого главного: эти два с половиной месяца я служу в редакции «Гудка» в отделе писем, а живу здесь же, при типографии. Через стенку от меня живет человек, с которым я как раз и хотел вас познакомить тогда, после концерта в «Сокольниках». Идёмте, друзья мои. Моего молодого друга зовут Юрий, фамилия — Олеша. Совсем недавно он закончил свою сказку для детей. Она называется «Три Толстяка». Идемте же, это здесь рядом!

И вот наши герои сидят в крохотной комнатке и расспрашивают молодого писателя о его книжке. Близнецам пришлось сделать вид, что они не читали «Трех Толстяков». Об этом их попросил Николай Александрович: ведь сейчас 1928 год, и книга только закончена.

— Юрий Карлович, а почему вы решили написать именно сказку?

— Мне хотелось написать для детей о революции, — начал Олеша, — но именно сказку, которая была бы яркой, праздничной, фантастичной и в то же время передавала бы энергию борьбы и торжество победы. Я хотел рассказать в этой сказке, что мир, который окружает нас, полон чудес и ярких красок, населён храбрыми, честными, весёлыми, работящими людьми. Я думал, что сказка поможет мне внушить маленьким читателям без скуки и назидательности несколько простых высоких истин... Не знаю, получилось ли это. Мне кажется, дети меня поймут, а вот взрослые... Сейчас много пишут и говорят о том, что сказки вредны детям, потому что приучают к мечтательности и лени. Вы тоже так думаете?

— Вовсе нет, нет! — с жаром заговорил Игорь. — Вот мы с Олей сколько сказок прочитали, и разве стали от этого хуже? Даже наоборот.

Близнецы очень переживали: им так хотелось рассказать Юрию Олеше, что у его сказки будет очень много читателей и ее полюбят дети, что по ней снимут фильм и поставят множество театральных спектаклей. Николай Александрович, видимо, понял состояние своих маленьких друзей и пришёл им на помощь:

— Знаете, Юрий Карлович, — сказал он, — уж поверьте старику, у вашей сказки будет долгая, интересная жизнь. А время расставит всё по местам.

Юрий ОЛЕША

КУКЛА С Х

(из книги «Тр

Юрий ОЛЕША (1899—1960)

КУКЛА С ХОРОШИМ АППЕТИТОМ

(из книги «Три Толстяка»)

I.

Наследник Тутти стоял на террасе. Учитель географии смотрел в бинокль. Наследник Тутти требовал, чтобы принесли компас. Но это было лишнее. Наследник Тутти ожидал прибытия куклы. От сильного волнения он крепко и сладко проспал всю ночь.

С террасы была видна дорога от городских ворот ко дворцу. Солнце, вылезавшее над городом, мешало смотреть. Наследник держал ладони у глаз, морщился и жалел о том, что нельзя чихнуть.

— Ещё никого не видно, — говорил учитель географии.

Ему поручили это ответственное дело потому, что он по своей специальности лучше всех умел разбираться в пространствах, горизонтах, движущихся точках и в прочем подобном.

— А может быть, видно? — настаивал Тутти.

— Не спорьте со мной. Кроме бинокля, у меня есть знания и точное представление о предметах. Вот я вижу кусты жасмина, который на латинском языке имеет очень красивое, но трудно запоминающееся имя. Дальше я вижу мосты и гвардейцев, вокруг которых летают бабочки, а

затем лежит дорога. Позвольте! Позвольте!

Он подкрутил бинокль. Наследник Тутти стал на носки. Сердце его забилось снизу вверх, как будто он не выучил урока.

— Да, — сказал учитель.

И в это время три всадника направились со стороны дворцового парка к дороге. Это капитан Бонавентура с караулом поскакал навстречу экипажу, появившемуся на дороге.

— Ура! — закричал наследник так пронзительно, что в дальних деревнях отозвались гуси.

Внизу, под террасой, учитель гимнастики стоял наготове, чтобы поймать наследника на лету, если тот от [illegible] вывалится через каменную ограду террасы.

Итак, экипаж доктора Гаспара катит к дворцу. Уже не нужно было бинокля и глубоких познаний учителя географии. Уже все видели экипаж и белую лошадь.

Счастливый миг! Экипаж остановился у [illegible]. Караул гвардейцев расступился. Наследник махал обеими руками и [illegible] волосами. И вот он увидел самое главное: маленький человек, похожий на старичка, двигаясь, вылез из экипажа. Гвардейцы [illegible]. Маленький человек [illegible] из экипажа [illegible] превратилась [illegible].

Это была восхитительная картина [illegible] небом, [illegible] травой и солнцем.

2.

Через минуту кукла уже была во дворце. Все произошло следующим образом.

Кукла шла без посторонней помощи.

О, Суок прекрасно играла свою роль! [illegible] в общество самых настоящих кукол [illegible], они приняли бы ее за такую же куклу.

Она была спокойна. Она чувствовала, что роль удаётся.

«Бывают более трудные вещи, — думала она, — например, жонглировать зажжённой лампой или делать [illegible]

сальто-мортале ..»

А Суок случалось в цирке проделывать и то и другое.

Словом, Суок не боялась. Ей даже нравилась эта игра. Гораздо сильнее волновался доктор Гаспар. Он шел позади Суок; она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье ее шевелилось, дрожало и шелестело.

Сверкали паркеты.

Она отражалась в них розовым облаком. Она была очень маленькая среди высоких зал, которые увеличивались от блеска паркетов в глубину и в ширину — от зеркал.

Можно было подумать, что это маленькая цветочная корзинка плывет по огромной тихой воде.

Она шла веселая и улыбающаяся мимо стражи, мимо кожаных и железных людей, которые смотрели как зачарованные, мимо чиновников, которые улыбались впервые в жизни.

Они отступали перед ней, давая ей дорогу, точно это была владетельница этого дворца, вступающая в свои права.

Стало так тихо, что слышались ее лёгкие шаги, звучавшие не громче падения лепестков.

А сверху, по широчайшей лестнице, такой же маленький и сияющий, спускался навстречу кукле наследник Тутти.

Они были одного роста.

Суок остановилась.

«Так вот он, наследник Тутти!» — подумала она.

Перед ней стоял худенький, похожий на злую девочку, мальчик, сероглазый и немного печальный, наклонивший растрёпанную голову набок.

Суок знала, кто такой Тутти. Суок знала, кто такие Три Толстяка. Она знала, что Три Толстяка забрали все железо, весь уголь, весь хлеб, добытый руками бедного, голодного народа. Она хорошо помнила знатную старуху, которая натравила своих лакеев на маленькую Суок. Она знала, что это всё одна компания: Три Толстяка, знатные старухи, франты, лавочники, гвардейцы — все те, кто посадил оружейника Просперо в железную клетку и охотился за ее другом, гимнастом Тибулом.

Когда она шла во дворец, она думала, что наследник Тутти покажется ей отвратительным, чем-то вроде знатной старухи, только с длинным и тонким языком малинового цвета, всегда высунутым наружу.

Но никакого отвращения она не почувствовала. Скорее ей стало приятно оттого, что она его увидела.

Она смотрела на него весёлыми серыми глазами.

— Это ты, кукла? — спросил наследник Тутти, протягивая руку.

«Что же мне делать? — испугалась Суок. — Разве куклы говорят? Ах, меня не предупредили! Я не знаю, как себя вела та кукла, которую зарубили гвардейцы».

Но на помощь пришёл доктор Гаспар.

— Господин наследник, — сказал он торжественно, — я вылечил вашу куклу. Как видите, я не только вернул ей жизнь, но и сделал эту жизнь более замечательной. Кукла, несомненно, похорошела, затем она получила новое великолепное платье, а самое главное — я научил вашу куклу говорить, сочинять песенки и танцевать.

— Какое счастье! — тихо сказал наследник.

«Пора действовать», — решила Суок.

3.

И тут маленькая актриса из балаганчика дядюшки Бризака выступила в первом дебюте на новой сцене.

Этой сценой был главный дворцовый зал. А зрителей собралось масса. Они толпились со всех сторон: на вершинах лестниц, в проходах, на хорах. Они лезли из круглых окон, переполняли балконы, карабкались на колонны, чтобы лучше видеть и слышать.

Множество голов и спин самых разнообразных цветов и красок горело в ярком солнечном освещении.

Суок видела кучи лиц, которые смотрели на неё, широко улыбаясь.

Повара с растопыренными пятернями, с которых, как клей с веток, стекали сладкие красные соки или коричневые жирные соусы; министры в разноцветных расшитых мундирах, точно обезьяны, переодетые петухами; маленькие пухлые музыканты в узких фраках; придворные дамы и ка-

валеры, горбатые доктора, длинноносые учёные, вихрастые скороходы; челядь, разодетая не хуже министров

Вся эта масса лепилась ко всему, к чему можно было прилепиться.

И все молчали. Все, затаив дыхание, смотрели на маленькое розовое создание, которое спокойно и с большим достоинством тринадцатилетней девочки встречало эту сотню взглядов. Она совершенно не смущалась. Эти зрители вряд ли были более строгими, чем зрители на площадях, где чуть ли не каждый день представляла Суок. О, то были очень строгие зрители: зеваки, солдаты, актёры, [illegible], маленькие торговцы! И тех Суок не страшилась. А они говорили:

— Суок — самая лучшая актриса в мире!

И бросали на ее коврик последнюю мелкую монету. А между тем за такую маленькую монету можно было купить пирожок с печенкой, который заменял какой-нибудь чулочнице и завтрак, и обед, и ужин.

И вот Суок начала разыгрывать свою роль, [illegible], по-настоящему.

Она сдвинула носки, потом приподнялась на них, подняла к лицу руки, согнутые в локтях, и, шевеля обоими мизинцами на манер китайского мандарина, начала петь песенку. При этом она покачивала головой в такт мотиву направо и налево.

Улыбалась она кокетливо и лукаво. Но всё время старалась, чтобы глаза ее были круглыми и [illegible] всех кукол.

Она пела так:

Вот наукой неизвестной,
Раздувая в тиглях жар,
Воскресил меня чудесно
Добрый доктор наш Гаспар.
Посмотри: я улыбнулась.
Слышишь ли: вздохнула я.
Так опять ко мне вернулась
Жизнь весёлая моя.
Я всю жизнь к тебе спешила,
Столько спутала дорог!..

Не забудь сестрички милой
Имя нежное — Суок!
Снова я живою стала,
И, заснувши в тишине,
Я тебя во сне видала, —
Как ты плакал обо мне!
Посмотри: дрожат реснички,
Льётся волос на висок
Не забудь твоей сестрички
Имя нежное — Суок!

— Суок! — тихо повторил Тутти

Глаза его были полны слёз, и от этого казалось, что у него не два, а четыре глаза.

Кукла окончила песенку и сделала реверанс. Зал восхищённо вздохнул. Все зашевелились, закивали головами, защёлкали языками.

Действительно, мелодия песенки была очаровательна, хотя и несколько печальна для такого молодого голоса, а сам голос звучал такой прелестью, что казалось — исходил из серебряного или стеклянного горла.

— Она поёт, как ангел, — раздались в тишине слова дирижёра.

— Только песенка её немного странная, — заметил какой-то сановник, звякнув орденом.

4.

На этом критика оборвалась. В зал вошли Три Толстяка. Скопление публики могло показаться им неприятным. Все бросились к выходам. Повар в суматохе влепил свою пятерню со всем запасом малинового сока в спину какой-то красавицы. Красавица взвизгнула, и при этом обнаружилось, что у неё вставная челюсть, потому что челюсть выпала. Толстый гвардейский капитан наступил на красивую челюсть некрасивым, грубым сапогом.

Раздалось: хрясь, хрясь! — и церемониймейстер, подвернувшийся тут же, выругался:

— Набросали орехов! Трещат под ногами! Возмутительно!

Красавица, потерявшая челюсть, хотела закричать и

даже воздела руки, но — увы! — вместе с челюстью погиб и голос. Она только прошамкала нечто маловразумительное.

Через минуту в зале не было лишних. Остались только ответственные лица.

И вот Суок и доктор Гаспар предстали перед Тремя Толстяками.

Три Толстяка не казались взволнованными вчерашними событиями. Только что в парке они играли в мяч под наблюдением дежурного врача. Это делалось ради моциона. Они очень устали. Потные лица их блестели. Рубашки прилипли к их спинам, и спины эти походили на паруса, раздутые ветром. У одного из них под глазом темнел синяк в форме некрасивой розы или красивой лягушки. Другой Толстяк боязливо поглядывал на эту некрасивую розу.

«Это он запустил ему мяч в лицо и украсил его синяком», — подумала Суок.

Пострадавший Толстяк грозно сопел, доктор Гаспар растерянно улыбался. Толстяки молча оглядели куклу. Сияющий вид наследника Тутти привел их в хорошее настроение.

— Ну-с, — сказал один, — это вы, доктор Гаспар Арнери?

Доктор поклонился.

— Ну как кукла? — спросил другой.

— Она чудесна! — воскликнул Тутти.

Толстяки никогда не видели его таким оживленным.

— Вот и отлично! Она действительно выглядит хорошо.

Первый Толстяк вытер ладонью лоб, злобно крякнул и сказал:

— Доктор Гаспар, вы исполнили наше приказание. Теперь вы имеете право требовать награды.

Наступило молчание.

Маленький секретарь в рыжем парике держал перо наготове, чтобы записать требование доктора.

Доктор начал излагать свою просьбу:

— Вчера на площади Суда построили десять плах для казни восставших...

— Их казнят сегодня, — перебил Толстяк.

— Я именно это и имею в виду. Моя просьба такова.

Я прошу даровать всем пленникам жизнь и свободу. Я прошу отменить казнь вовсе и сжечь эти плахи...

Рыжий секретарь, услышав эту просьбу, уронил от ужаса перо. Перо, отлично заострённое, вонзилось в ногу Второго Толстяка. Тот закричал и завертелся на одной ноге. Первый Толстяк, обладатель синяка, злорадно хохотал: он был отомщён.

— Чёрт возьми! — орал Второй Толстяк, выдёргивая из ступни перо, как стрелу. — Чёрт возьми! Эта просьба преступна. Вы не смеете требовать таких вещей!

Рыжий секретарь удрал. Ваза с цветами, которую он опрокинул на ходу, летела за ним и рвалась на части, как бомба. Скандал получился полный. Толстяк выдернул перо и швырнул его вдогонку секретарю. Но разве при эдакой толщине можно быть хорошим копьеметателем! Перо угодило в зад караульного гвардейца. Но он, как ревностный служака, остался неподвижен. Перо продолжало торчать в неподходящем месте до тех пор, пока гвардеец не сменился с караула.

— Я требую, чтобы даровали жизнь всем рабочим, приговорённым к смерти. Я требую, чтобы сожгли плахи, — повторил доктор негромко, но твердо.

В ответ затрещали крики Толстяков. Получалось такое впечатление, будто кто-то ломает щепки.

— Нет! Нет! Нет! Ни за что! Они будут казнены!

— Умрите, — шепнул доктор кукле.

Суок сообразила, в чем дело. Она снова встала на носки, пискнула и покачнулась. Платье ее затрепетало, точно крылья у пойманной бабочки, голова опустилась — каждую секунду кукла готова была упасть.

Наследник бросился к ней.

— Ах! Ах! — закричал он.

Суок пискнула ещё печальнее.

— Вот, — сказал доктор Гаспар, — вы видите? Кукла снова потеряет свою жизнь. Механизм, заключённый в ней, слишком чувствителен. Она окончательно испортится, если вы не исполните моей просьбы. Я думаю, что господин наследник будет не очень доволен, если его кукла станет негодной розовой тряпкой.

Гнев охватил наследника. Он затопал ногами, как сло

нёнок. Он зажмурил глаза и замахал головой.

— Ни за что! Слышите, ни за что! — кричал он. — Исполните просьбу доктора! Я не отдам моей куклы! Суок! Суок! — разрыдался он.

Конечно, Толстяки сдались. Приказ был дан. Помилование было объявлено. Счастливый доктор Гаспар отправился домой.

«Я буду спать целые сутки», — размышлял он по дороге

Въезжая в город, он уже слышал разговоры о том, что на площади Суда горят плахи и что богачи очень недовольны тем, что казнь бедняков не состоялась.

5.

Итак, Суок осталась во Дворце Трёх Толстяков

Они вышли в сад

Наследник мял цветы, напоролся на колючую проволоку и чуть не свалился в бассейн От счастья он ничего не замечал.

«Неужели он не понимает, что я живая девочка? — удивлялась Суок — Я не дала бы себя так провести»

Принесли завтрак Суок увидала пирожные и вспомнила, что только в прошлом году осенью ей удалось съесть одно пирожное. И то старый Август уверял, что это не пирожное, а пряник Пирожные наследника Тутти были великолепны. Десять пчел слетелись к ним, приняв их за цветы.

«Ну как же мне быть? — мучилась Суок — Разве куклы едят? Разные бывают куклы . Ах, как мне хочется пирожного!»

И Суок не выдержала.

— Я хочу кусочек — сказала она тихо Румянец покрыл её щёки.

— Вот хорошо! — обрадовался наследник — А прежде ты не хотела есть Прежде мне было так скучно завтракать одному. Ах, как хорошо! У тебя появился аппетит.

И Суок съела кусочек Потом еще один, и еще, и ещё И вдруг она увидела, что слуга, следивший издали за наследником, смотрит на неё, и мало того — смотрит на неё с ужасом.

У слуги был широко раскрыт рот.

Слуга был прав.

Ему никогда не случалось видеть, чтобы куклы ели.

Суок испугалась и уронила четвертое пирожное, самое рассыпчатое и с виноградиной.

Но дело обошлось благополучно. Слуга протер глаза и закрыл рот.

— Это мне показалось. Жара!

Наследник говорил без умолку. Потом, устав, он замолчал.

Было очень тихо в этот жаркий час. Вчерашний ветер, как видно, залетел очень далеко. Теперь все застыло. Даже птицы не летали.

И в этой тишине Суок, сидевшая рядом с наследником на траве, услышала непонятный, равномерно повторяющийся звук, подобный тиканью часов, спрятанных в футляр. Только часы делают «тик-так», а этот звук был такой «тук-тук».

— Что это? — спросила она.

— Что? — наследник поднял брови, как взрослый человек в минуту удивления.

— А вот: тук-тук... Это часы. У тебя есть часы?

Опять наступила тишина, и опять в тишине что-то тукало. Суок подняла палец. Наследник прислушался.

— Это не часы, — сказал от тихо. — Это бьётся моё железное сердце...

1928

1. Ребята, читая главу из книги «Три Толстяка», вы, конечно, почувствовали удивительный талант Олеши-сказочника. Какие слова и краски он находит для описания своих героев?

2. Что вы можете сказать о характерах героев на основании прочитанной главы? Какими вам представляются Суок, доктор Гаспар, наследник Тутти, Три Толстяка?

3. Какие «простые высокие истины» хотел внушить своим читателям автор?

4. Если вам понравилась эта сказка, расскажите, чем именно.

5. Прочитайте отрывок из уже знакомой вам книги Бориса Галанова «Книжка про книжки». Какие особенности языка Олеши-сказочника отмечает автор? Какие он видит особенности сказки «Три Толстяка»?

Борис ГАЛАНОВ

КАК НАЙТИ ГОРОД ТРЁХ ТОЛСТЯКОВ?

Вовлечённые в [illegible] приключении, порои самых неожиданных и [illegible] быть может, не всегда успевали [illegible] о том, как же написана эта книга. А [illegible] образной речью, метафорами, [illegible] — [illegible] всем тем, что составляет богатство [illegible] «Три Толстяка» и читались бы [illegible] увлечением.

А если [illegible] красками Олеша рисует картины [illegible] между и [illegible] быструю езду [illegible] к кухни, звери

Юрий Карлович Олеша.

и птиц, какие штрихи и чёрточки выбирает для портретов своих героев, то нам станет ясно, какую поистине могучую поддержку сказочному сюжету оказал меткий, изящный, поэтический язык Олеши-сказочника.

«...День был чудесный: солнце только то и делало, что сияло; трава была такой зелёной, что во рту даже появлялось ощущение сладости; летали одуванчики; свистели птицы; лёгкий ветерок развевался, как воздушное бальное платье».

Это пейзаж. И хотя Олеша не живописец, его пейзаж воспринимаешь как маленькую очаровательную акварель, написанную такими светлыми красками, такую лёгкую, прозрачную и радостную, что во рту, как сказано у Олеши, и впрямь появляется ощущение сладости, не правда ли?

«В чёрной карете с гербом сидел чиновник Совета Трёх Толстяков. Цветочницы перепугались. Подняв ладони к щекам, они смотрели на его голову. Она была видна через стеклянную дверцу. Улица была ярко освещена Чёрная голова в парике покачивалась, как мёртвая. Казалось, что в карете сидит птица».

Это портрет. Вернее, только мимолётная зарисовка Мимолётная, но какая отчётливая и острая

А это скачут гвардейцы.

Жёлтые перья развеваются, сверкают чёрные клеёнчатые шляпы. Лошади разевают красные пасти, выворачивают глаза и разбрасывают пену.

Гвардейцы переговариваются между собой железными голосами и угрожающе звенят большими саблями А начальник конвоя орёт так страшно и свирепо, что от его крика валятся доски, приготовленные для постройки. Гвардейцы носят перчатки из грубой кожи с широкими раструбами и огромные сапоги с отворотами. А шпоры их напоминают кометы или длинные полозья. Люди, к которым гвардейцы обращаются с вопросами, чувствуют себя так, как если бы в них попала шаровидная молния. В ту пору, когда были написаны «Три Толстяка», ещё не существовало Бармалея Но сейчас, наверное, с полным правом можно сказать, что каждый гвардеец смахивал на злого и страшного Барма-

лея, только наряженного в военный мундир. В наши дни такое сравнение будет понятно каждому юному читателю романа.

А вот как описано появление Суок во дворце Трёх Толстяков:

«Она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье ее шевелилось, дрожало и шелестело.

Сверкали паркеты. Она отражалась в них розовым облаком. Она была очень маленькая среди высоких зал, которые увеличивались от блеска паркетов в глубину, а в ширину — от зеркал.

Можно было подумать, что это маленькая цветочная корзинка плывет по огромной тихой воде.

Она шла весёлая и улыбающаяся мимо стражи, мимо кожаных и железных людей, которые смотрели как зачарованные, мимо чиновников, которые улыбались впервые в жизни»

Если в предыдущем отрывке, где речь шла о гвардейцах, был Олеша-сатирик, то в этом нам открывается Олеша-поэт.

А как не оценить прелестную ироническую интонацию сказочника в той сцене, когда на террасе дворца наследник Тутти нетерпеливо дожидается возвращения куклы:

«Еще никого не видно, — говорит учитель географии, который смотрел на дорогу в бинокль».

«Ему поручили, — насмешливо добавляет Олеша, — это ответственное дело потому, что он по своей специальности лучше всех умел разбираться в пространствах, горизонтах, движущихся точках и в прочем подобном».

Я мог бы и дальше выписывать чудные цитаты из «Трех Толстяков», потому что целиком согласен с [illegible] Юрия Карловича, что нет ничего приятнее, чем делиться с кем-либо красотой, чем указывать читателю на те или иные красоты, которые он по неопытности да, наконец, просто по незаинтересованности может и не заметить.

Но мне кажется, что, если вам вновь захочется перечитать роман, вы сами без особого труда отыщете там немало превосходно написанных страниц.

ПУТЕШЕСТВИЕ 13.
«ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ!»

Как-то в воскресенье Николай Александрович зашёл в гости к своим маленьким друзьям. Близнецы сидели у телевизора. Шёл фильм «Бумбараш», снятый по рассказу Аркадия Гайдара. Его неунывающий герой распевал песни на стихи Юлия Кима, а Игорь с Олей громко ему подпевали. Николай Александрович присел на диван, и наши герои вместе досмотрели фильм до конца.

— Удивительное у меня сейчас ощущение, — сказал Николай Александрович, — как будто я вернулся в своё детство. Вдруг захотелось перелистать Гайдара, что-нибудь доброе и звонкое — «Тимура», например, или доброе и немного грустное — «Голубую чашку». Сейчас, наверное, Гайдара читают мало, а мы выросли на его книгах, знали их чуть ли не наизусть. У меня в школьные годы, да и потом, были две любимые книги — «Тимур и его команда» Гайдара и повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

— А мы совсем ничего не читали Кассиля, — сказала Оля. — А вам эти писатели нравились, потому что они про мальчишек писали?

— Ну не только поэтому, конечно. Мне нравились их герои: они были живые, настоящие, с ними хотелось дружить, играть в те же игры. Эти книжки рассказывали о дружбе — такой, о которой я мечтал, а ещё о делах, полезных, нужных, но совсем не скучных, а наоборот Уже потом, много лет спустя, я прочитал о Гайдаре у Паустовского, у Емельянова, у Фраермана и сделал для себя открытие: читать о Гайдаре оказалось не менее интересно, чем читать Гайдара. Знаете, что меня тогда поразило? То, как Гайдар умел дружить, именно умел быть другом — и взрослым, и детям И ещё — каким интересным человеком он был.

— А мы читали Бориса Емельянова, — перебила Оля и смутилась: — Ой, извините. . Просто я вспомнила, что в 3-м классе мы читали рассказ «Игра» о том, как ребята играли в тимуровцев и делали добрые дела. Я ещё запомнила слова: «Игра становилась жизнью».

— Вы правы, сударыня, у книг Гайдара особая судьба Вот знаете ли вы, например, что мысль написать книгу о Тимуре подали Гайдару мальчишки? Об этом рассказал в своей книге друг Гайдара писатель Рувим Фраерман.

Рувим ФРАЕРМА́Н

ГАЙДАР И ДЕТИ

Кажется, никто из наших детских писателей так много не проводил времени с детьми и так легко не привязывал их к себе, как Аркадий Петрович Гайдар.

Мы часто беседовали об этом с Аркадием Петровичем, и удивительнее всего то, что сам Гайдар не мог точно определить того свойства своего характера, которое было отпущено ему природой и которое так привлекало к нему детей

— Что ты с ними делаешь? — спрашивал я его с любопытством.

— А ничего особенного, — отвечал Гайдар

— Но всё-таки. Играешь ты с ними как-то по-особенному?

— Нет

— Наставляешь ты их как-нибудь или забавляешь?

— Нет

— Так что же ты делаешь?

— Я их просто люблю

— Но, однако, — говорил я Гайдару, — любить детей ещё мало Надо, чтобы они тебя любили

— И это верно, — отвечал он — Но тут я уже сам ищу дорогу Она не всегда гладкая и ровная Ребята — прихотливый народ.

— Ты с ними добр?

— Они не любят очень добрых

— Значит, лучше быть строгим?

— Ничего не значит Не нужно быть ни строгим, ни добрым.

— Так каким же надо быть?

— Лучше всего быть серьёзным.

Разговор этот часто приходил мне в голову, когда позже доводилось мне видеть Аркадия Гайдара в обществе детей

Мы жили с ним на одной улице, и надо признаться, что не было случая, когда Гайдар, выйдя из дому, не был остановлен каким-нибудь мальчиком, а то и целой толпой мальчишек. Они все его знали.

Это было не просто знакомство, это была какая-то

душевная связь, добровольное подчинение младшего старшему и в то же время нечто похожее на игру, в которой царствовал дух дисциплины и уважения.

Обычно мальчишка возникал внезапно перед нами, вынырнув откуда-то из ворот и, став перед Гайдаром по-военному смирно, спрашивал:

— На сегодня не будет никаких приказаний, Аркадий Петрович?

Гайдар так же по-военному отвечал ему:

— Нет, на сегодня нет никаких приказаний. Когда будет — позову. Ступай на свой пост.

Где находился этот пост и какой это пост, понять было невозможно.

Я от души смеялся.

— А всё-таки ты с ними играешь, — уверил я Гайдара.

— Живу, а не играю, — отвечал он. — Ты неправ.

И верно, лицо его в эти минуты было серьезно, глаза не смеялись, и обычно лукавый взгляд их принимал сосредоточенное выражение.

Он в самом деле не играл. В этом мне пришлось убедиться несколько неожиданным образом.

В доме, где мы жили, заболел близкий нам человек. Писатель. Он недавно переболел тифом, и теперь какой-то возвратный приступ болезни жестоко мучил его уже целые сутки.

Жар был сильный, а сердце слабое. И к тому еще нигде в ближайших аптеках нельзя было достать сухой малины, которую прописал ему врач, чтобы сбить этот жар хотя бы к утру.

Мы растерялись немного. Случайно в это время зашел в гости Гайдар. Он ничего не знал о болезни и, увидев друга в таком положении, присел ненадолго и задумался.

— Может быть, у тебя есть малина? — спросили мы. — Хотя бы на заварку, на две.

Гайдар покачал головой. Малины у него не было.

— Но малина будет, — сказал он, поднялся, подошел к окну, раскрыл его — оно выходило на улицу, где стоял летний московский вечер, — и свистнул несколько раз. Как нам показалось, совсем негромко.

Кто мог его услышать в столичном шуме? Однако вскоре раздался у входа звонок, и в коридоре появился мальчик

которого я видел уже однажды на улице. Ему было лет двенадцать, он был широколиц, смышлён и быстр.

— Аркадий Петрович, — сказал он, — вы подали сигнал. Я явился за приказанием.

— На этот раз есть приказание, — сказал Гайдар. — Ты видишь, человек болен. Ему нужна сухая малина. А в ближайших аптеках её нет. Отдаю всем боевой приказ достать малину и принести сюда

Мальчик живо повернулся кругом, всей своей маленькой фигуркой выразив готовность действовать

Нам показалось даже, что он был весьма доволен тем обстоятельством, что нашелся, наконец, человек, которому нужна его помощь.

Он исчез Но через полчаса снова раздался звонок в коридоре, и появился другой мальчик, уже мне незнакомый, и принёс первое донесение, что в районе Сретенских ворот и Колхозной площади, где было поручено обследовать аптеки номер такой-то и номер такой, сухой малины нет

Очевидно, приказ Гайдара был уже передан на улицу

Каждые полчаса звонил звонок, и в доме появлялись все новые мальчишки. Возвращались с пустыми руками, с печальными лицами, откуда-то издалека — из Сокольников, с Таганки, с Земляного вала И все-таки принесли лекарство

Куда только не летали они, не ездили в этот вечер — добрые помощники Гайдара!

Случай, который я вспомнил, произошел давно, в 1933 году, задолго до той поры, когда Гайдар начал писать свою последнюю книгу «Тимур и его команда»

И вот теперь, думая об этом обо всем и размышляя, я прихожу к заключению, что мысль написать «Тимура» возникла у Гайдара не внезапно, она не плод фантазии писателя, вдруг осенившей его.

И пусть не покажется это странным иным исследователям творчества Гайдара, но мысль написать «Тимура и его команду» подсказали ему сами дети Он только подметил ее, подхватил и облёк в художественную форму

1. Расскажите, каким человеком вы представляете Аркадия Гайдара по рассказу Р. Фраермана.
2. Как вы думаете, за что дети любили Гайдара?

Аркадий ГАЙДАР (1904—1941)

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

(отрывки)

1.

Пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков, сидел в своём саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час, как он держал в руке отвертку, дожидаясь, пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую нужно было вогнать на своё место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора уже несколько раз высовывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и смышлёного. И Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьянка, которая, сидя под липою, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дернула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на своё место.

— Человек должен трудиться, — поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнёс седой джентльмен Ф.Г.Колокольчиков. — У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Подай отвёртку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился.

— Она врёт, бессовестная! — бросая на Татьянку сердитый взгляд, воскликнул оскорблённый Коля. — Три раза я давал ей откусить по два раза. Она же пошла на меня жаловаться да ещё по дороге стянула с маминого стола четыре копейки.

— А ты ночью по верёвке из окна лазил, — не поворачивая головы, хладнокровно ляпнула Татьянка. — У тебя под подушкой есть фонарь. А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем. Кинет да посвистит, кинет да ещё свистнет.

Дух захватило у Коли Колокольчикова при этих наглых словах бессовестной Татьянки. Дрожь пронизала тело от головы до пяток. Но, к счастью, занятый работой дедушка на такую опасную клевету внимания не обратил или просто её не расслышал. Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

— А у меня, батюшка Фёдор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают.

— То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? — начал было спрашивать удивлённый джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвёртка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьянка, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чем дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри которого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стальной рельсы. Здесь-то и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

— Слушай... Я не пойму. Это что?.. Тревога?

— Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся широкоплечий, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Еще и ещё кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь:

— Это тревога?

— Да нет! Это форма номер один позывной общий.

— Какой позывной? Это не «три — стоп», «три — стоп». Это какой-то болван кладёт колесом десять ударов кряду.

— А вот посмотрим!

— Ага, проверим!

— Вперёд! Молнией!

2.

Часом раньше, чем всё это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики.

Вошла Женя и достала пузырёк с йодом.

— Женя, — недовольно спросила Ольга, — откуда у тебя на плече царапина?

— А я шла, — беспечно ответила Женя, — а там стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

— Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? — передразнила её Ольга.

— Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий и острый. Вот, посмотри, срежешься! Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, — заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало. — Ну погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть — вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные

гримасы.) А у тебя — вот... вот .. и вот .. — Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень нежно улыбнулась.

— Глупая! — обнимая её, целуя и легонько отталкивая, сказала Ольга. — Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя принесла воды, поставила ведро на лавку, но так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепко рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за тёмным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие верёвочные провода. Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта посёлка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевёрнутый фанерный ящик. Возле дырявой и залатанной крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами — большим кораблем. Она же сама будет капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие верёвочные провода задрожали, загудели. Ветер зашумел и погнал зелёные волны. А ей показалось, что это её корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепко налегла на тяжёлое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают её своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команд.

Но вот острые прямые лучи прожектора побледнели и погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала, она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос звонкий и резкий спрашивал:

— Алло! Алло! Отвечайте: какой осел обрывает провода и подаёт сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осёл, — пробормотала озадаченная Женя. — Это я — Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти испуганно прокричал тот же голос. — Оставь штурвальное колесо и беги прочь. Сейчас примчатся... люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симаков, Коля Колокольчиков, а следом за ними и еще мальчишки.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе спросила Женя. — Уходите! Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой в угол, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула ещё одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди у которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур?! — широко раскрывая полные слёз глаза, недоверчиво воскликнула Женя. — Это ты укрыл меня ночью простынёю? Ты оставил мне на столе записку? Те-

Артиллерий

отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошёл к ней, взял её за руку и ответил.

— А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе всё будет понятно

3.

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту посёлка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на веревочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалёку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

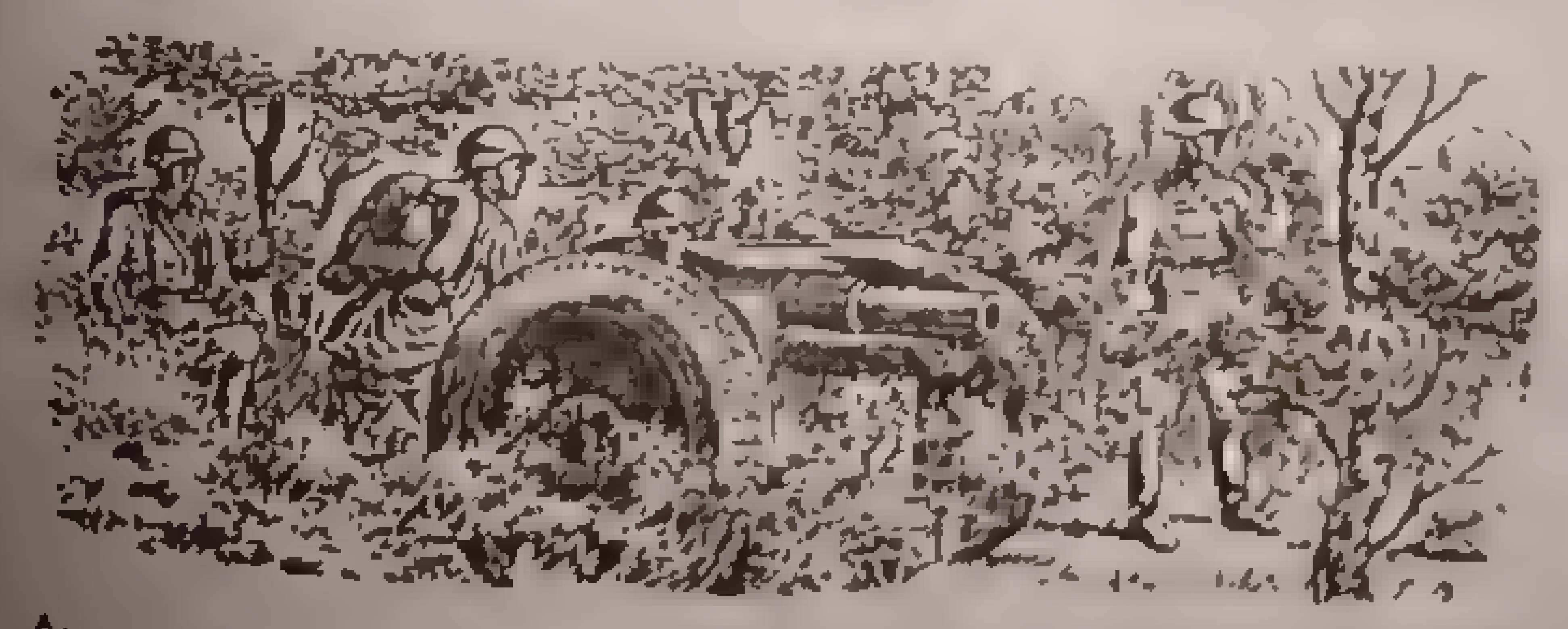
— Он проспит, — хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. — Он просыпается только к завтраку и к обеду.

— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, — упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на веревках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали.

По дороге в клубах пыли мчался конноартиллерийский дивизион. Могучие, одетые в ремни и железо кони

Артиллерийский расчёт на позиции. Рисунок 30-х годов.

быстро волокли за собою зелёные зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнувшись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион умчался.

— Это они на вокзал, на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — Я по их обмундированию вижу, когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и ещё куда.

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка. — Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

— Нельзя, — вмешался Тимур. — Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля. А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

— Как по шее? — вспылив и ещё больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. — Это... своих-то?

— Да вот!.. — и Тимур вздохнул. — Это своих-то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблоню, — обиженно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — и Тимур заглянул в клеенчатую тетрадь. — Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я, — раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник под названием «Фигура». Яблоня — мичуринка, сорт «белый налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался. — Гейка! У тебя с ним разговор был?

— Был.

— Ну и что же?

— Дал ему два раза по шее.

— А он?

— Ну и он сунул мне раза два тоже.

— Эк у тебя всё — «дал» да «сунул»... А толку что-то нету. Ладно! Квакиным мы займёмся особо. Давайте дальше.

— В доме номер двадцать пять у старухи молочницы взяли в кавалерию сына, — сообщил из угла кто-то.

— Вот хватил! — и Тимур укоризненно качнул головой. — Да там на воротах еще третьего дня наш знак поставлен. А кто ставил? Колокольчиков, ты?

— Я.

— Так почему же у тебя верхний левый луч вкось, кривой, как пиявка? Взялся сделать — сделай хорошо. Люди придут — смеяться будут. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре по Пушкарской улице коза пропала. Я иду, вижу — старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тётенька, бить не по закону!» Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!» — «Да куда же она пропала?» — «А вон там, в овраге за перелеском, отгрызла мочалу и провалилась, как будто её волки съели!»

— Погоди! Чей дом?

— Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка — его дочь, зовут Нюркой. Колотила ее бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины черная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — приказал Тимур. — Пойдет команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну всё, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка плачет, — как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— Спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь ее поколотил... обидел?

— Спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот ещё беда! Кабы человек... а то — четыре года!

— Постой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.

— «Спрашивал — не говорит», — огорчённо передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, подумал. — Ладно.. Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

4.

Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми ведрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

— Качай!

— Давай!

— Бери!

— Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали ведра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

— Вы Колю Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха гонит стадо обратно.

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к окну кровати да завёрнутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

— Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевельнулся. Тогда Тимур вынул ножик, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Лёгкое одеяло поползло через подоконник. В комнате

раздался хрипловатый изумлённый вопль. Вытаращив заспанные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отброшенное одеяло, сдернул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружье из окна дулом к нему, зажмурил [illegible] и выстрелил.

Только у колодца перепуганный Тимур [illegible] Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за К[illegible], а седой джентльмен, конечно, принял его за [illegible]

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с [illegible] и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул [illegible] и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха [illegible] ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому, что вода с шумом и брызгами выплеснулась из [illegible] ненной до краёв бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха [illegible] Она опустила руку в воду и поднесла ее к [illegible] Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И наконец, не зная, что и думать, она стала [illegible] соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады. [illegible] спешить. Уже поднималось солнце. Коля К[illegible] [illegible]вился, и провода всё еще исправлены не [illegible]

5.

Во двор того дома, откуда [illegible] бабка, которая поколотила бойкую девчонку Н[illegible] [illegible] два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые [illegible] попало, кряхтя и охая, бабка начала [illegible] [illegible]у. Но эта работа была ей не под силу. [illegible] она села на ступеньку, отдышалась, взяла [illegible] и [illegible] в огород. Во дворе остался теперь только [illegible] братишка Нюрки — человек, как видно, [illegible] и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он

поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевёрнутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за белой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четвёрка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понёсся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щелку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться.

Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой.

Размахивая обожженными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четвёрка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил её на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я работаю

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживлённо начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что проскочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали [illegible] пообещали поймать ему заица с двумя ушами и с [illegible]. А потом дрова покидали и опять ускочили

В калитку вошла Нюрка

— Нюрка, — спросила её бабка, — ты не ви[illegible] к нам сейчас во двор заскакива[illegible]

— Я козу искала, — уныло ответила Нюрка. — Я [illegible] утро по лесу да по оврагам сама скакала

— Украли! — [illegible] пожаловалась бабка [illegible]. — А какая была коза! Ну голубь, а не коза [illegible]

— Голубь! — [illegible] от бабки, огрызнулась Н[illegible]. — Как почнёт швырять рогами, так не [illegible] деваться. У голубей рогов не бывает

— Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бест[illegible]! [illegible]чала бабка. — Оно, конечно, коза была с характ[illegible]. Н[illegible] ее козушку, продать хотела. А теперь вот [illegible] и нету

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на мо[illegible]. Подхватив тяжелый бидон, молочница с визгом [illegible] на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась

И тут все увидали, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было вывед[illegible]

Я коза-коза,
Всех людей гроза.
Кто Нюрку будет бить,
Тому худо будет жить

А на углу за забором хохотали довольные [illegible]бятишки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг неё, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы весёлая команда
Пионеров-молодцов
У-ух, ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

1940

---

1. Ребята из команды Тимура играли и в то же время делали большое и полезное дело. Какое? Что объединяло этих ребят, почему им было интересно вместе?

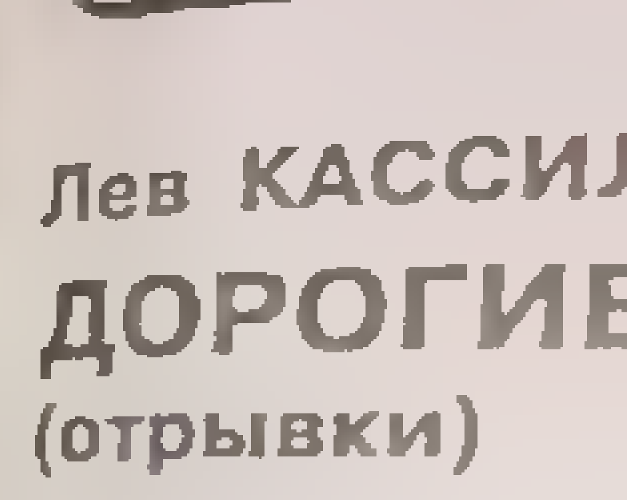
2. Как вы думаете, почему тимуровцы делали свои дела тайно, скрывали их от взрослых?

3. Расскажите о характерах тимуровцев. Все они очень разные: Гейка, Сима Симаков, Коля, Женя, и в то же время они чем-то похожи. Чем именно?

4. Каким вам представляется Тимур? Обратите внимание, как проявляется его характер в речи, в поступках, в отношении к людям. Как вы думаете, почему именно он стал командиром? Что привлекает к нему ребят?

Ребята, вы, конечно, понимаете, что вовсе не случайно Николай Александрович так любил в детстве книги Гайдара и Кассиля. Их любили целые поколения мальчишек и девчонок 30-, 40-, 50-х годов. Спросите своих бабушек и дедушек, и они наверняка расскажут вам, что книги Гайдара и Кассиля учили мечтать и дружить, делать и помогать, учили честности, справедливости, добру, отваге.

Прочитайте книги этих писателей, и вы увидите, что самое главное в них — человек, маленький или большой, — с одинаковым уважением и вниманием относятся к нему писатели. Их герои живут в определённое время: дети носят красные пионерские галстуки, любят Красную Армию и мечтают убежать на войну. Мальчишки Гайдара готовы помочь взрослым, «если завтра война», а герои Кассиля доказывают это на деле. И совсем не случайно повесть Кассиля «Дорогие мои мальчишки», написанная в 1944 году, открывается такими словами: «Светлой памяти Аркадия Петровича Гайдара».

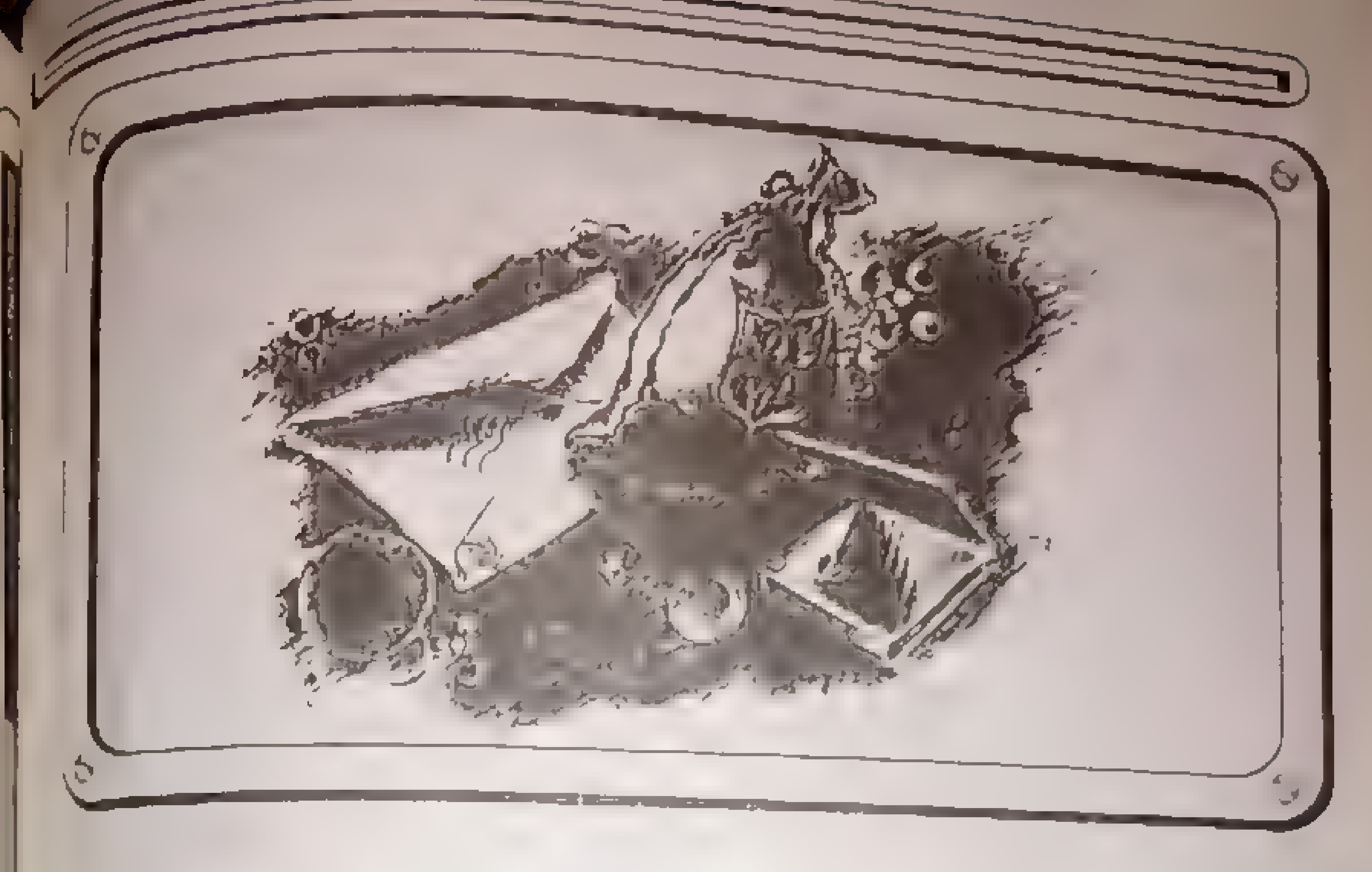

Лев КАССИЛ

ДОРОГИЕ

(отрывки)

ГЛАВА 1
ТАЙНА СТРА

Лев **КАССИЛЬ** (1905 — 1970)

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

(отрывки)

Светлой памяти Аркадия Петровича Гайдара

ГЛАВА 1
ТАЙНА СТРАНЫ ЛАЗОРЕВЫХ ГОР

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которых не нанесли на карту, рождённые воображения люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синего́рию — никому не ведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свёл дружбу с прославленными Мастерами-[illegible]рцами Амальга́мом, Изоба́ром и Дро́бием Садовым Гномом.

С техником-интенда́нтом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда был на Северном флоте. Гай был здесь синоптиком на одном из военных аэродромов Заполярья, на своей маленькой каменистой площадке, среди острозубых скал и мшистых сопок.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и веселая тайна Гая очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаем, я очень

привязался к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налёта, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи базары, определял по положению валунов направления древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой берёзки стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги. Гай многое знал и умел обо всём рассказать по-своему, необычайно. [illegible] вокруг — и мох, и валуны, и облака открывали ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756 Ф». [illegible] метил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась радуга, и ее пересекала стрела, повитая плющом. Однажды пришел Гаю подарок — кисет и маленькое скромное зеркальце с крышкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено что-то вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд — Победа».

— Вот, — сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, — не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы — народ верный. Это, конечно, Амальгама [illegible]. Синегорчики мои дорогие! — и он улыбнулся [illegible] застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, поглядел в него, потер коротко стриженую голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

— Ладно, ладно, — сказал он, — расскажу. Придет время, — и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал ещё достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора [illegible] осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже [illegible] спросил:

— Ну что в Синегории слышно? Как поживают синегорцы и этот... как его... Альбумин?..

— Амальгама, — чуть усмехнувшись, но тотчас сно-

став серьёзным, поправил меня Арсений.

— Нет, правда, откуда же это письмо и кисет с гербом?

— Из Синегории... Откуда же ещё?

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

— Улетаете сегодня? Ну что ж, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте всё на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было тёмно-сиреневое после дождя и не совсем еще уходилось. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полупрозрачным концом слегка врезалась в горизонт и казалась потому совсем близкой.

ГЛАВА 2
СКАЗАНИЕ О ТРЁХ МАСТЕРАХ

— Была некогда такая страна Синегория, — начал свой рассказ Гай. — И там, у Лазоревых Гор, жили работящие и весёлые люди — синегорцы.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипрокво, живут Три Великих Мастера — славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя Ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова!

Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник. Дрон Садовая Голова выращивал

виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжёлые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина. Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причем тончайшие лучи если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы, и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но, когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали лёгкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах.

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака, трепал и рвал одежду людей. А люди шли сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мел сухие листья по непорошенной земле, ниоткуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной слышался отовсюду.

Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

— Что произошло у вас? — спросили у жителей огорченные путешественники.

— Разве вы не знаете? — отвечали им. — Нас разорили ветры... Всё пошло на ветер.

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон.

Король Фанфарон был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранчённый в пух и прах и в конце концов пустил всё своё состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король болтун и что ни скажет — все на ветер. И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон — самый подходящий для них, самый ветреный в мире король. Они слетелись на остров и стали уговаривать Фанфарона:

— Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о король, мы раздуем твою славу на весь свет?

— Дуйте! — сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгера, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону. Специально назначенные королём начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди не закрывали вьюшками трубы своих очагов. Король окружил себя ветродуями и ветреницами. Первым министром и по сути правителем страны стал главный придворный Ветрочёт, хитрый Жиладуй, продувная бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Веера и высшим отличием «Розой Ветров».

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров. Дрону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики. Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера — ничего больше. А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо

король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его. Ветры же ненавидели вообще всякие стёкла, потому что они мешали дуть в окна А злой, алчный Жилдабыл запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушили их ветры И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты заставили теперь быть поставщиком мыльных пузырей Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри А Мастер Амальгама знал секреты особых составов Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные Они взлетали высоко и лопались не сразу Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу

ГЛАВА 3
ЗЕРКАЛО И ВЕТРЫ

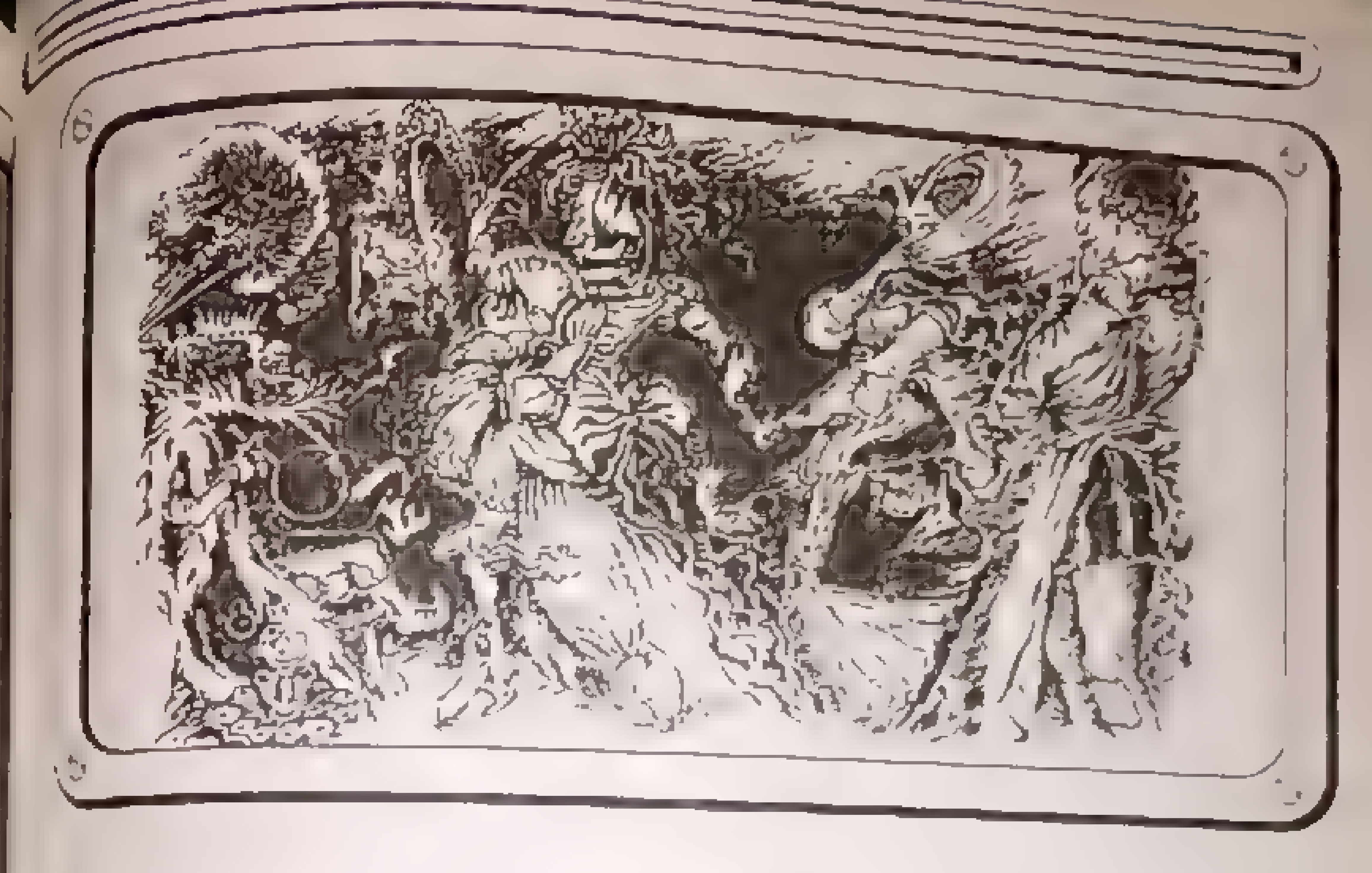
Гай прервал свой рассказ и вынул из кармана трубку. Я тоже достал свою, угостил Гая морским табаком — «капитанским» Мы закурили И Арсений Петрович продолжал

— Тяжелые времена настали в Синегории Злые ветры иссушили поля и сады, где шумели прежде леса, там теперь громоздился бурелом, где благоухали розы, все заросло бурьяном и трын-травой Только ветры выли в трубах да гремели жестяные флюгера А король пускал мыльные пузыри, слушал, как верещат на крышах вертушки да рявкают духовые оркестры, и любовался облетающими одуванчиками

Тем временем у Дрона Садовая Голова выросла дочь Мельхиора, в тысячу раз более прекрасная чем самая [illegible]шая лилия, которая когда-то украшала цветники Дрона И ясноглазый Амальгама, томившийся в сумрачном замке, полюбил её. Глаза Мельхиоры напоминали ему радугу, смех её похож был на хрустальный звон лучей, отраженных зеркалом

И девушка тоже полюбила Мастера за его лучистые глаза, за светлую голову и солнечный нрав Дрон Садовая Голова скрывал дочь от короля, но сквозняки пронюхали

об этом и донесли Фанфарону.

— Фью-фью! — присвистнул Фанфарон, увидав, [illegible] прекрасна Мельхиора. — Я и не знал, что старый садовник утаил от нас свой лучший цветок... Почему бы твоей дочке не стать моей придворной ветреницей?

Красавица в ужасе отшатнулась от жадного урода.

Король понимал, что Мельхиора никогда не полюбит его, и потому пустился, по совету Жиллабита, на хитрость. Он знал, что во дворце нет ни одного зеркала. Мельхиора никогда не видела своего лица и даже не подозревает, как она хороша. И Фанфарон приказал всем [illegible] прекрасную дочь Дрона Садовая Голова [illegible] она чудовищно уродлива. Отныне придворные, встречая Мельхиору, отворачивались якобы от ужаса и омерзения, а король пользовался каждым удобным случаем, чтобы сказать ей:

— Видишь, как я добр! Я король [illegible] Ветров, предлагаю тебе свою любовь и [illegible] моей ветреницей. Смотри, все отворачиваются [illegible] так безобразна. Но у меня доброе сердце, я [illegible] твоего отца и не брезгаю тобой. Соглашайся же. Быть может, я сделаю тебя королевой.

Но Мельхиора продолжала упрямо отвергать любовь короля.

— Неужели я так безобразна? — в тоске спрашивала

она у Амальгамы. — Как же ты полюбил меня?

— Ты прекрасней всех на свете, поверь мне, — говорил ей Амальгама, — и я готов повторить это где угодно, хотя бы Ветры и разорвали меня за такие слова. Ах, если бы у меня было хоть одно из моих зеркал, я бы дал тебе поглядеть в него, и ты сама не могла бы насмотреться на себя!

Но Мельхиора нигде не могла увидеть своего лица. Когда она выходила на улицу, король приказывал ей закрывать лицо покрывалом, чтобы народ не пугался её уродства.

— Взгляни в мои глаза, — говорил ей Амальгама. — Разве ты не видишь, как ты хороша?

— Нет, — отвечала Мельхиора, — я вижу в твоих глазах только любовь, которая заслоняет всё и так же слепит меня, должно быть, как и тебя, и больше ничего не вижу.

— Тогда пойди к пруду и посмотрись в него — вода скажет тебе правду! — воскликнул Амальгама.

И прекрасная Мельхиора побежала к пруду. Она наклонилась над его зеркальной поверхностью и стала смотреть на своё отражение. Но один из Ветров тотчас же прилетел сюда и принялся дуть на воду. Зеркало воды зарябило, и прекрасные черты Мельхиоры безобразно исказились. Она в ужасе отпрянула, закрыв лицо руками.

— Да, король прав, я действительно уродлива до крайности. Должно быть, Амальгама полюбил меня только из жалости.

Однако ей захотелось ещё раз и окончательно убедиться в своём безобразии.

— Если я так уродлива, ваше величество, — сказала она королю, — то почему бы вам не помочь мне самой убедиться в моём уродстве? Разрешите Мастеру Амальгаме изготовить лишь одно, хотя бы самое маленькое, зеркало.

Король не знал, что ответить. Он был не очень-то умён и догадлив, этот повелитель Ветров. Но хитрый Жилдабо опять подсказал ему совет.

— Заставь его отлить неверное стекло, — сказал Вет-

рочёт королю. — Пусть она полюбуется на себя в кривом зеркале.

Король позвал Амальгаму и сказал:

— Говорят, что ты очень скучаешь без своих стёкол, Мастер. Я разрешаю тебе отлить одно зеркало, но только это зеркало должно быть кривым, и каждый, кто взглянет в него, пусть увидит себя в самом смешном, непривлекательном виде. И чем красивее человек, тем пусть страшнее выглядит он в зеркале. Пусть нос его перекосится и встанет поперёк лица, глаза вылезут на щёки, рот расползётся до ушей, а уши повиснут, как у собаки.

— Нет! Никогда! — отвечал Амальгама. — Мои зеркала не могут кривить душой перед лицом истинной красоты.

Король разъярился:

— Ты посмел ослушаться моего приказания! Ты хочешь попасть в вентилятор? Эй, ветродуи! Взять его!

— Погоди. Сперва дай мне подумать, — сказал Амальгама.

Он помолчал несколько минут, потом, словно решившись и глядя своими ясными глазами в лицо короля, промолвил:

— Ладно, пусть будет по-твоему, я сделаю такое зеркало.

— Но не вздумай хитрить, — предупредил его король. — Сперва я сам взгляну в зеркало и проверю его на себе.

Амальгама пошел к себе в мастерскую, раздул огонь под горном, поставил тигель. Он отливал стекло три дня и три ночи. Ещё три дня и три ночи гранил и шлифовал его. И он изготовил зеркало, лучше которого никогда еще не делал. Потом он доложил королю, что работа готова. Король посмотрел на зеркало сбоку и сказал:

— Я не замечаю, чтобы поверхность его была кривой.

— В этом-то и весь секрет, ваше величество, — ответил Амальгама. — С виду это обыкновенное стекло. Не угодно ли посмотреться в него?

Король взглянул на себя в зеркало, и так как был он несказанно безобразен, но уже много лет не видел себя в зеркале, то захохотал от восторга:

— Ты молодец, Мастер, я награжу тебя знаком Она хала! Ну и коверкает же человека твоё зеркало! Смотри — нос поперек лица, глаза вылезли на щеки, рот растянулся до ушей и уши висят, как у собаки. Слава Богу, что это лишь кривое зеркало.

И, уже ничего не опасаясь, Фанфарон приказал явиться Мельхиоре

— Я выполнил твою просьбу, Мельхиора, — сказал король — Вот самое правдивое зеркало, его сделал мой друг Амальгама Взгляни в него и согласись, что я говорил тебе правду, — так сказал король посмеиваясь

Но едва Мельхиора взглянула в зеркало, она отшатнулась и закрыла рукой глаза, не сразу поверив им

— Теперь, надеюсь, ты убедилась, какова ты? — спросил довольный король.

— Да, теперь мне известно, какова я, — тихо произнесла Мельхиора и снова приникла к зеркалу, не в силах оторваться от него.

— То-то же, — сказал король. — Ну теперь ты не будешь больше упрямиться

И, повеселев, король позвал придворных и велел им всем глядеться в зеркало

Министры и вельможи, ветролуи и начальники Пешей Тяги смотрелись в зеркало и отплёвывались:

— Ну и рожи у нас получаются в этом стекле!

Им и невдомёк было, что Амальгама изготовил зеркало совершенно прямое и верное Только хитрый Жиллабер заподозрил что-то неладное Он схватил зеркало, внезапно поднес к лицу Амальгамы и увидел, что мастер отражается в стекле таким же ясноглазым, каким он был на самом деле

— Смотрите, ваше величество, — завопил Жиллабер — негодяй обманул вас! Он изготовил зеркало с особым свойством: наши лица и прекрасный лик самого короля оно уродует, а лица Мастера и этой упрямицы оставляет неискаженными.

— Ну не миновать теперь тебе вентилятора! — сказал Мастеру взбешенный король Он хватил зеркалом о каменный пол с такой злобой, что стекло брызнуло во все стороны, и стал топтать осколки

Королевст...

На другой...

— Призна...

— Я вино...

Это была...

Амальгаму...

замка. Казнь...

ГЛАВА 4
В ПОИСКАХ...

Гай замолк...

— Я сейчас...

— Ложись!...

Королевские ветродуи схватили Амальгаму. Его бросили в тёмный подвал, куда не проникало ни искорки света. На другой день ослушника судил Совет Ветров.

— Признаёшь ли ты себя виновным? — спросил король.

— Я виновен только в том, — гордо отвечал Мастер, — что всю свою жизнь не искажал прекрасного, не скрывал уродства, не льстил безобразию и говорил людям правду прямо в лицо.

— В вентилятор его! — закричал король.

— В вентилятор! — повторили Ветры.

Это была самая лютая казнь.

Амальгаму заключили в высокую башню одной из стен замка. Казнь была назначена на утро.

ГЛАВА 4
В ПОИСКАХ СИНЕГОРИИ

Гай замолк.

— Что же случилось дальше? — спросил я нетерпеливо.

— Прекрасная Мельхиора... — начал было Арсений.

Но тут сигнальщики закричали «воздух». У командного пункта взвыла сирена.

Мы едва успели добежать до щели, как над нами, переходя с тонкого свиста на тошнотворный вой, что-то просверлило воздух и, покрывая всё тяжким, стопудовым обвалом, ахнулось оземь на аэродроме. Потрясенная округа долго не могла прийти в себя, и каждое ущелье спешило скорее сбыть подальше этот ужасный, не вмещающийся в мире гром. Только мы подняли головы, как земля снова судорожно забилась под нами, и стало темно от выброшенных к небу камней. И в эту минуту я увидел, как Арсений Гай вскочил и, сгибаясь, побежал к своей землянке.

— Я сейчас... термометр снять.

— Ложись!..

Поздно... Бомба рассадила до основания скалу возле метеорологической станции. Когда мы подбежали туда, на мху и расщеплённых брёвнах блестели капли ртути.

Я бросился на колени, подвел руку под тяжёлое, боль-

ное тело Гая, лежавшего ничком, повернул его лицом к себе. Он посмотрел на меня, словно очень издалека, губы его разжались, но зубы оставались стиснутыми, и сквозь зубы, чуть слышно, он проговорил:

— Если доведётся... встретите... если... зеркало...

Он попытался нашарить карман на груди, но пальцы у него свело, и рука на полпути вывернулась ладонью вверх. Я осторожно вынул у него из кармана гимнастерки зеркальце, раскрыл, приложил ко рту Арсения. Стекло не замутилось. Зеркальце оставалось ясным. И говорить больше было не о чем.

В разбитом блиндаже все было искромсано и опалено. Я нашел лишь обрывок начатого письма:

«Привет вам, славные синегорцы, привет тебе, прилежный Изобар, здравствуй, солнечный Амальгама, добрый день, Дрон Садовая Голова! Как живете, дорогие мои ма...»

Мы похоронили Арсения Петровича Гая на вершине одной из сопок. Могилу подкопали под большим валуном, похожим на дремлющего белого медведя.

Через час мне пришлось улететь. С тяжёлым сердцем покидал я аэродром, где остался лежать под каменным белым медведем Сеня Гай — добрый великан из страны Лазоревых Гор.

Пионерское звено. Фото 30-х годов.

Так и не узнал я, что же стало с Мастером Амальгамой и красавицей Мельхиорой.

Потом я вернулся в Москву, занимался своими делами, но у меня не выходил из головы Арсений Гай и его рассказ, конец которого я не успел дослушать. Мне подумалось, что надо будет рассказать об этой истории по радио, и тогда, может быть, откликнутся люди, знающие, где находится Синегория и как найти мне славных Мастеров. Сделать мне это было нетрудно. Я работал на радио и раз в месяц собирал за Круглым Столом разных интересных людей. Тут были и знаменитые артисты, и герои войны, и прославленные мастера заводов, и известные писатели. И каждый рассказывал у микрофона что-нибудь занятное, интересное. И вот я тоже рассказал однажды об Арсении Петровиче Гае и о трех его неведомых Мастерах из страны Лазоревых Гор.

Не прошло и недели, как я получил письмо из волжского города Затонска.

«Уважаемый Председатель Круглого Стола! Добрый день! Привет Вам от синегорцев Рыбачьего Затона. Мы слышали передачу, как Вы говорили по радио о нашем славном родоначальнике товарище Гае А.П., который пал смертью храбрых на фронте. Мы знаем дальше о Трех Мастерах. Если, конечно, это Вас интересует. Приезжайте к нам в Затонск. Мы еще можем сообщить Вам много всего для рассказов за Круглым Столом. Только не забудьте захватить то зеркальце.

Отвага, Верность, Труд — Победа!

По поручению синегорцев — Амальгама». (Подпись и герб синегорцев.)

---

1. Ребята, если вы хотите узнать окончание сказки, познакомиться с ребятами, игра которых тоже «становилась жизнью», прочитайте повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки». Подумайте, чем похожи герои Льва Кассиля и Аркадия Гайдара, за что они так полюбились читателям.

2. Понравилась ли вам сказка, придуманная Львом Кассилем? Почему?

3. Лев Кассиль придумал не только волшебную страну Синегорию, но ещё и страну Швамбранию. О ней вы можете прочитать в книге «Кондуит и Швамбрания».

ПУТЕШЕСТВИЕ 14
(самостоятельное)
СМЕШНЫЕ КНИЖКИ. ТАЙНА ЮМОРА И САТИРЫ.

Ребята, предлагаем вам совершить самостоятельное путешествие по страницам книг веселых и смешных. «Почему самостоятельное?» — спросите вы. А вот почему. Наша книга близится к завершению. Вы очень много узнали о литературе, многому научились и теперь сумеете подойти к разгадке тайны смешного. А поможет вам Николай Николаевич Носов — «чистокровный детский юморист» (так его называл уже знакомый нам писатель Сергей Сивоконь). Николай Носов будет разговаривать с вами с помощью статей и писем, в которых он размышляет о смешном в детских книжках.

Итак, размышление первое (из письма Н.Носова С.Сивоконю).

«Писателя не станут читать, если он не будет говорить людям правду. Но поскольку не всякую правду приятно слушать, то чтобы было приятнее, лучше говорить эту правду, смягчив немножечко шуткой. Таким образом получается и смешно, и приятно, и в то же время полезно. Это и есть сатира. А сатирики — это люди, которые смягчают жизненные удары, чтоб нам не было так уж больно. В общем, хорошие люди, полезные. И я не очень обижаюсь, когда меня иногда обзывают сатириком.»

Размышление второе (его мы находим в статье Н.Носова «О некоторых вопросах комического»).

«Сатира и юмор — разные формы смешного в литературе. Юмор — осмеивание с оттенком сочувствия, а сатира — осмеивание с оттенком негодования, гневный смех. Причем трудно бывает провести границу между сатирой и юмором, то есть ответить на вопрос: та или иная черта характера вредна только для самого человека (героя произведения) или начинает быть опасна для других? Если только для него — автор и осуждает, и сочувствует герою одновременно (ведь в остальном — хороший человек!). А возможен случай, когда сочувствие и вовсе исчезает. За этой гранью начинается сатира.»

Ребята, сейчас вы будете читать рассказы Николая Носова, Юрия Сотника, Виктора Драгунского и стихи Агнии Барто. Все они написаны примерно в одно время. Их авторы были людьми с великолепным чувством юмора, и вы это обязательно почувствуете. Подумайте, сатирические или юмористические произведения включены в этот раздел. Ответить на этот вопрос вам помогут размышления Николая Носова.

Николай НО...

ФЕДИНА ...

Николай НОСОВ (1908–1976)

ФЕДИНА ЗАДАЧА

Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере, никто не будет мешать делать уроки.

Он включил радио, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу.

— Передаем концерт по заявкам, — объявил голос по радио.

— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал репродуктор, чтоб было погромче, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Из репродуктора послышались звуки рояля, и чей-то голос запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.

Милей родного брата
Она ему была.

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся голос и продолжал петь:

Позвал король портного
— Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь что еще выдумал! — воскликнул Федя. — Блохе — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

— Плохая песня, — решил Федя и опять принялся читать задачу: «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь, —

запел репродуктор снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя. — Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на радио, принялся читать задачу дальше.

— Так. «...Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось. — Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик, —

послышался высокий мужской голос из репродуктора.

— Ну гремит и пусть гремит, — сказал Федя. — Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чем мы тут остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простыней за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут еще одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, черт! Да это не та задача! Где же та? А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя. — На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причем из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, темно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя. — Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хоть из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном...

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтоб растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил радио и пошёл к своему другу Сорокину.

КЛЯКСА

Я расскажу вам про Федю Рыбкина, о том, как он насмешил весь класс. У него была привычка смешить ребят. И ему было всё равно, перемена сейчас или урок. Так вот, началось это с того, что Федя подрался с Гришей Копейкиным из-за флакончика туши. Только если сказать по правде, то никакой драки тут не было. Никто никого не бил. Они просто вырывали друг у друга из рук флакончик, а тушь из него выплеснулась, и одна капля попала Феде на лоб. От этого на лбу у него получилась чёрная клякса величиной с пятак.

Сначала Федя рассердился, а потом он увидел, что ребята смеются, глядя на его кляксу, и решил, что это даже лучше. И не стал смывать кляксу.

Скоро зазвонил звонок, пришла Зинаида Ивановна, и начался урок. Все ребята оглядывались на Федю и потихоньку смеялись над его кляксой. Феде очень нравилось, что он одним своим видом может смешить ребят. Он нарочно сунул палец в флакончик и измазал нос тушью. Тут уж никто без смеха не мог на него смотреть. В классе стало шумно. Зинаида Ивановна сначала никак не могла понять, в чём дело, но скоро заметила Федину кляксу и даже остановилась от удивления.

— Это чем ты лицо испачкал, тушью? — спросила она.

— Ага, — кивнул головой Федя.

— А какой тушью? Этой?

Зинаида Ивановна показала на флакончик, который стоял на парте.

— Этой, — подтвердил Федя, и рот его разъехался

чуть ли не до ушей.

Зинаида Ивановна надела на нос очки и с серьёзным видом осмотрела чёрные пятна на лице Феди, после чего сокрушённо покачала головой:

— Напрасно ты это сделал, напрасно!

— А что? — забеспокоился Федя.

— Да, видишь ли, тушь эта химическая, ядовитая. Она разъедает кожу. От этого кожа сперва начинает чесаться, потом на ней вскакивают волдыри, а потом уже по всему лицу идут лишаи и язвочки.

Федя перепугался. Лицо у него вытянулось, рот сам собою открылся.

— Я больше не буду мазаться тушью, — пролепетал он.

— Да уж думаю, что больше не будешь! — усмехнулась Зинаида Ивановна и продолжала урок.

Федя поскорей принялся стирать пятна туши носовым платком, потом повернул своё испуганное лицо к Грише Копейкину и спросил:

— Есть?

— Есть, — шёпотом сказал Гриша.

Федя снова принялся тереть лицо. Тёр и платком и промокашкой, но черные пятна глубоко въелись в кожу и не стирались.

Гриша протянул Феде ластик и сказал:

— На вот. Это хорошая чернильная резинка. Потри попробуй. Если она тебе не поможет, то пиши пропало.

Федя принялся тереть лицо чернильной резинкой, но и это не помогло. Тогда он решил сбегать умыться и поднял руку. Но Зинаида Ивановна, будто нарочно, не замечала его. Он то вставал, то садился, то приподнимался на цыпочки, стараясь вытянуть руку как можно выше. Наконец Зинаида Ивановна спросила, что ему нужно.

— Разрешите мне пойти умыться, — попросил жалобным голосом Федя.

— А что, уже чешется лицо?

— Н-нет, — замялся Федя. — Кажется, еще не чешется.

— Ну тогда посиди. На переменке успеешь умыться.

Федя сел на место и снова принялся тереть лицо промокашкой.

— Чешется? — озабоченно спрашивал Гриша.

— Н-нет, кажется, не чешется... нет, кажется, чешется. Не разберу, чешется или не чешется. Кажется, уже чешется! Ну-ка, посмотри, нет ещё волдырей?

— Волдырей ещё нет, а вокруг уже всё покраснело, — шёпотом сказал Гриша.

— Покраснело? — испугался Федя. — Отчего же покраснело? Может быть, уже волдыри начинаются или язвочки?

Федя снова стал поднимать руку и просить Зинаиду Ивановну отпустить его умыться.

— Чешется! — хныкал он.

Теперь ему было не до смеха. А Зинаида Ивановна говорила:

— Ничего. Пусть почешется, зато в другой раз не станешь мазать лицо чем попало.

Федя сидел как на иголках и всё время хватался за лицо руками. Ему стало казаться, что лицо на самом деле стало чесаться, а на месте пятен уже начинают вздуваться шишки.

— Ты лучше не три, — посоветовал ему Гриша.

Наконец прозвенел звонок. Федя первым выскочил из класса и во всю прыть побежал к умывальнику. Там он всю перемену тёр лицо мылом, а весь класс над ним потешался. Наконец он начисто оттёр пятна туши и целую неделю после того ходил серьёзным. Всё ждал, что на лице волдыри вскочат. Но волдыри так и не вскочили, а за эту неделю Федя даже разучился на уроках смеяться. Теперь смеётся только на переменках, да и то не всегда.

1. Расскажите, каким вам представляется Федя Рыбкин? Какой у него характер?

2. Можно ли сказать, что Федя — человек с чувством юмора? Почему вы так думаете? Объясните.

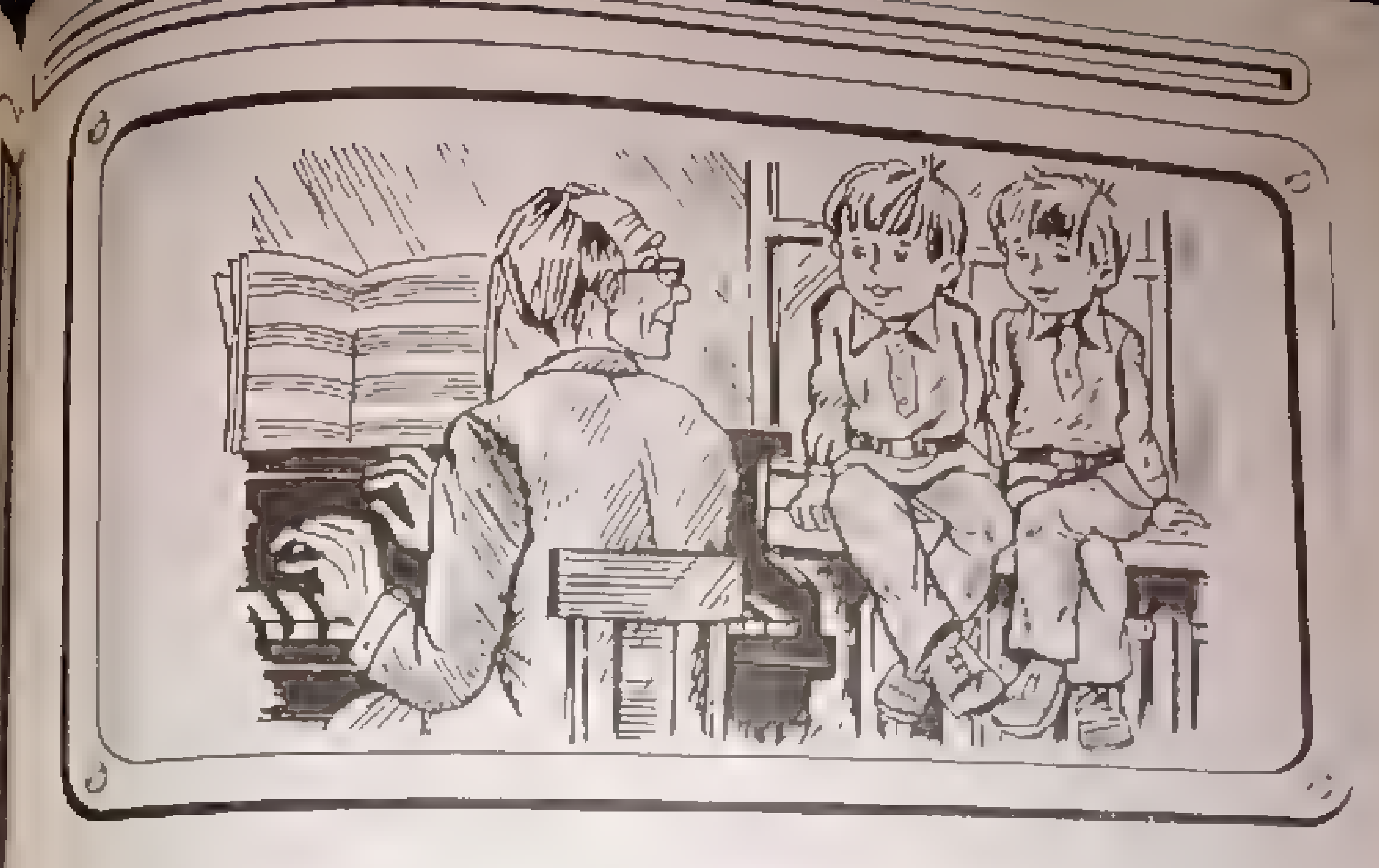
3. Нравится ли вам Федя? Почему?

4. Как относится автор к своему герою? Почему вы так думаете?

5. Как вы считаете, рассказы о Феде Рыбкине сатирические или юмористические? Объясните вашу точку зрения.

6. Какие ещё книги Николая Носова вы читали? Вспомните или перечитайте его веселые и смешные рассказы. Подготовьтесь пересказать один из них и подумайте, сатирический это рассказ или юмористический.

Виктор ДРАГУНСКИЙ (1913—1972)

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас быва[illegible] уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и [illegible] то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и [illegible] стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а пр[illegible] себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро [illegible] разные звуки. Они разбрызгивались, и получа[illegible] приветливое и радостное. Мне очень понрави[illegible] долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич ско[illegible] играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел [illegible] сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на в[illegible] Ну так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо бо́льшим

словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьёзно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен — великий композитор. Он сочинил чудесную музыку А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну а ты чего любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю И про собаку, и про строганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка Он надулся и сказал

— А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру

баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше все[illegible]

Очень люблю макароны с маслом, верми[illegible] маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и б[illegible]чек, с красной коркой или с белой — все равно

Люблю вареники с творогом, творог [illegible] кислый; люблю яблоки, тертые с сахаром а [illegible] самостоятельно, а если яблоки очищенные, то [illegible] ла съесть яблочко, а уж потом, на закуск[illegible]

Люблю печёнку, котлеты, селедку, фас[illegible] лёный горошек, вареное мясо, ириски, сахар [illegible] боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку [illegible] мешочке, могу и сырые Бутерброды люблю [illegible] попало, особенно если толсто намазать карто[illegible] или пшённой кашей Так [illegible] про халву говорить [illegible] — какой дурак не любит халвы? А еще я [illegible] гусятину и индятину Ах, да! Я всей [illegible] женое. За семь, за девять, за трина[illegible] за девятнадцать, за двадцать две и за два[illegible]

Мишка обвёл глазами потолок и дереве[illegible] но, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич [illegible] смотрел на него, и Мишка поехал дальше

Он бормотал

— Крыжовник, морковку, кет[illegible] пельмени, хотя пельмени я уже говорил [illegible] хурму, компот, сосиски, колбасу, [illegible] говорил

Мишка выдохся и замолчал По его [illegible] что он ждёт, когда Борис Сергеевич его [illegible] смотрел на Мишку немного недовольно и [illegible] строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал У них [illegible]училось, что они оба друг от друга чего-то ждали и мол[illegible]

Первый не выдержал Борис Сергеевич

— Что ж, Миша, — сказал он, — [illegible] любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинако

все чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

— Ой, — сказал он смущённо, — чуть не забыл! Ещё — котят! И бабушку!

---

1. Какой фрагмент рассказа показался вам смешным? Почему?

2. Как вы думаете, действительно ли Мишка любит «целый продуктовый магазин» и только? Почему? Объясните.

3. Что вы можете сказать об отношении автора к Мишке? Согласны ли вы, что Мишка в этом рассказе написан с юмором? Объясните вашу точку зрения.

4. Можно ли сказать, что весь рассказ «Что любит Мишка» — юмористический? Почему?

5. Вспомните рассказы Виктора Драгунского, которые вы читали. В каких рассказах соединяется серьёзное и смешное? Как вы думаете, почему таких рассказов у Виктора Драгунского большинство?

Школьники 60-х годов

Юрий СОТ...

ГАДЮКА...

1.

Мимо окна...

— До сви...

— Маму...

Старичок в...

— Так-с! С...

Дверь отво...

двенадцати, м...

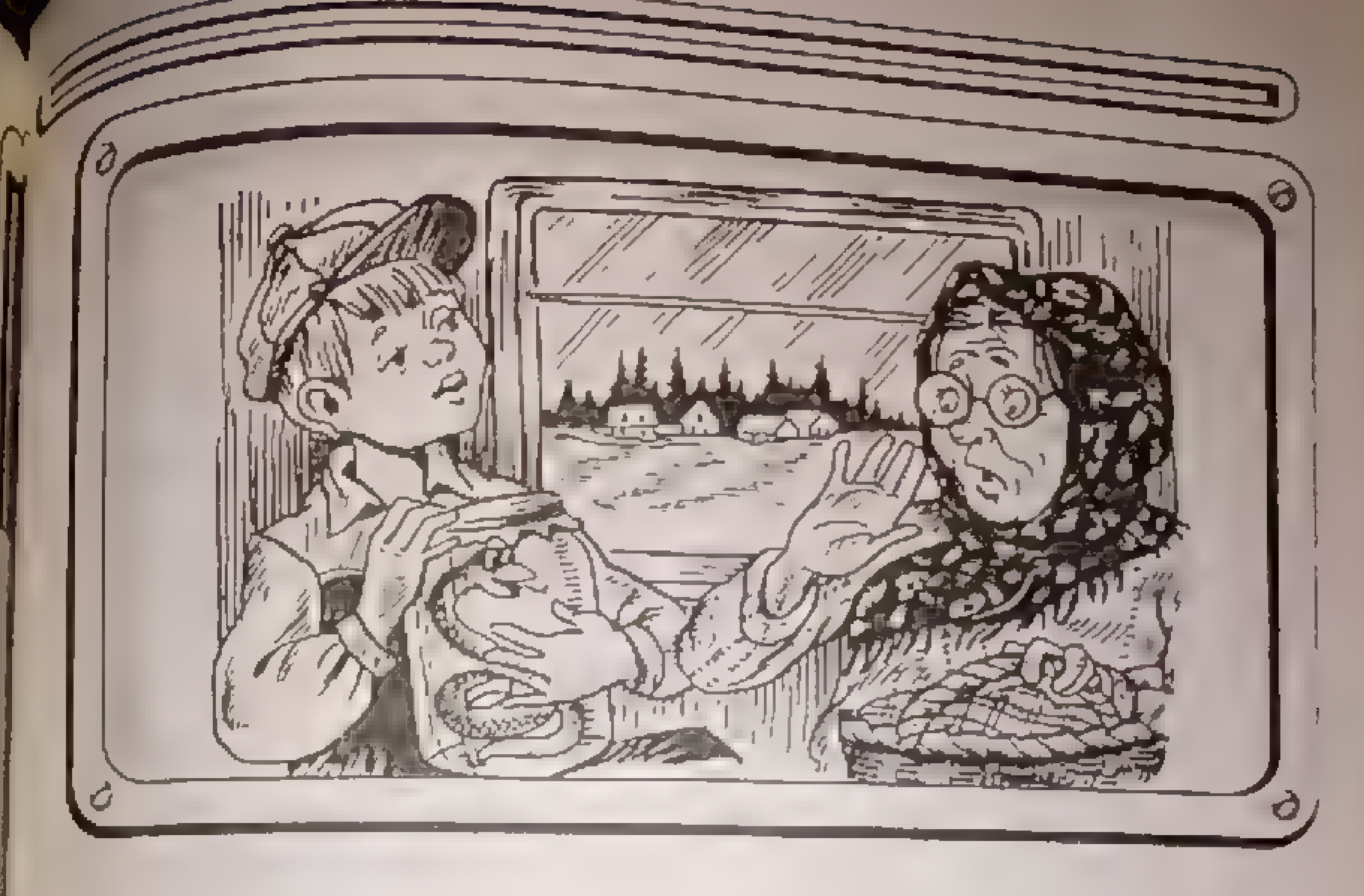
деревянную су...

Он двигался по...

Вагон был...

на верхние по...

новился.

Юрий СОТНИК (р. 1914)

ГАДЮКА

1.

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился, на платформе послышались торопливые голоса.

— Ну в час добрый! Смотри из окна не высовывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму! Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман.

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво на его голове, чёрная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — веревочную сумку с большой банкой из зеленого стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с нее глаз.

Вагон был полон. Кое-кто из пассажиров забрался даже на верхние полки. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колес да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так! В деревне. Это хорошо, — старичок немного помолчал. — Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет, она легкая, — Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она легкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с тёмными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Бррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-да! Занятно! . И на какой же предмет вы их, так

сказать...

— Терра́риум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нём и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком, — старичок снова обратился к Боре: — И. . и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из темного угла

Пожилая колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Борю.

— И всех в школу везёшь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в соседней школе.

— Ужо́тко попадёт тебе от учителей

Боря передёрнул плечами и снисходительно улыбнулся

— «Попадёт»! Вовсе не попадёт Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для ученья, стало быть, не попадёт, — согласился усатый рабочий

Разговор заинтересовал других пассажиров Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживленнее, уже не дожидаясь расспросов:

— Вы знаете, какую мы пользу школе приносим Один уж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да еще попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трешке штука, вот и тридцать три рубля... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдется. А вы говорите «попадёт»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю — и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю — и опять ловить, до самого вечера, — Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. — С лягушками и жабами ещё ничего .. и ящерицы часто попадаются, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, а я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно, — согласился лейтенант

2.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушённый смех и негромкие слова:

— Занятный какой мальчонка!

— Маленький, а какой сознательный!

— Н-нда-с! — заметил старичок в панаме. — Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

— Я ещё больше наловил бы, если бы не бабушка, — сказал Боря. — Она их до смерти боится.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я её четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я её ждал. Потом она вылезла, я её защемил...

— Стало быть, и гадюку везёшь? — перебил его рабочий.

— Ага! Она у меня в банке, отдельно, — Боря махнул рукой под скамью.

— Этого ещё недоставало! — простонала пассажирка в темном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьёзнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка? — спросил он.

— «Не гадюка»! — возмутился Боря. — А что же тогда, по-вашему?

— Ещё один уж.

— Думаете, я ужа отличить не могу?

— А ну покажи!

— Да оставьте! — заговорили кругом — Ну её!

— Пусть, пусть покажет. Интересно

— Ну что там интересного! Смотреть противно!

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зелёную банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы

— Уж возле головы пятнышки такие жёлтые имеет, — сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки.— А у гадюки таких пятнышек — он вдруг умолк Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки. . у гадюки таких пятнышек... — он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны Потом заглянул под лавку Потом медленно обвёл глазами пол вокруг себя

— Что, нету? — спросил кто-то

Боря поднялся. Держась руками за колени, он всё ещё смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно её проверял... Тут была

Пассажиры безмолвствовали Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась Я ее очень крепко завязал, а она... видите?

Тряпочка никого не интересовала Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу

— Чёрт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает

— Н-да! История!

— Ужалит ещё в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Борю:

— Что же ты со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в тёмно-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бедрам.

— Доигрались! Маленькие! — воскликнула пассажирка в тёмном углу.

— Тётя Маша! А, тёть Маш! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводница вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их. Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку.

— Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой третьей полки свешивались по нескольку пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чём дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущённых и смеющихся.

— Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

— Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

— А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг. Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та не бойтесь! Це мій ремешек на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

— Ну?.. Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась. Я её завязал тряпочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! — сказал гражданин в пенсне

— Меня никто не заставлял... — пролепетал Боря — Я... я сам придумал, чтобы её привезти

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант

Проводница поняла всё

— «Сам, сам»! — закричала она плачущим голосом — Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что? С ума сошёл Вылезай! Вылезай, [illegible] говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой

— Сам... сам упустил . сам и найду

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу

— Пойду старшему доложу

Она долго не возвращалась. Пассажиры ус[illegible]ваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант [illegible] ремесленников и ещё несколько человек пр[illegible]кать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений [illegible]ны и мешки. Остальные изредка справлялись о [illegible] идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях [illegible]

— Что вы мне рассказываете о кобрах! Они на [illegible] живут

— .. перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь калёным железом

— Спасибо вам! «Калёным железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу! В сорок четвертом

мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке

— Дёшево отделалась ваша свояченица Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

3.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегчённо вздохнул и веселей застучал колёсами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте её скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры

— Ага! В самый угол заползла

— Как же её достать?

— Трудненько!

— Ну что вы стоите? Уйдёт!

Явился старший, и с ним девушка-проводница Старший нагнулся и, не отрывая глаз от темного угла под лавкой, помахал проводнице отведённой в сторону рукой

— Кочерёжку! Кочерёжку! Кочерёжку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва Незаметно время прошло. Благодаря. . гм благодаря молодому человеку

Кое-кто засмеялся Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Борю, словно только сейчас вспомнили о нём. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тёр друг о дружку испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец довёл, а сейчас этот дядя возьмёт да и ухлопает кочергой твое

наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с неё грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своём месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что — нехорошо? — обернулся старший

— Не для баловства малый её везёт Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Что делать»! — ответил ремесленник — Поймать и отдать охотнику

Вошла проводница с кочергой Вид у нее был воинственный.

— Тут ещё? Не ушла? Посветите кто-нибудь

Лейтенант осторожно взял у неё кочергу

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку? Посмотрите на мальчонку ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

— А убьёте гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьёзно сказал ремесленник

— «Привлекут» — протянула проводница — За что это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что

Кругом дружно захохотали, потом заспорили Одни говорили, что в школе все равно не станут держать гадюку, другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторым, но считали опасным отдавать гадюку Боре вдруг он снова выпустит её в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу!

— сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затянула она жалостливо. — Чай, теперь учёный! Ведь тоже сочувствие надо иметь, другие ребятишки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — произнёс старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову.

— Вы там философствуете. А проводили бы ребёнка домой с его змеёй?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой.

— Ну ладно! Я провожу... Где живёшь?

— На улице Чернышевского живу.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помиловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвёл глазами «охотников».

— Дети малые! — он обернулся к проводнице: — Совок неси. Совок под нее подсунем, а кочережкой прижмем! Неси!

— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

1. Расскажите о характере Бори. Как вы думаете, можно ли за что-то осуждать Борю? А хвалить?

2. Какие эпизоды рассказа показались вам особенно смешными? Почему?

3. Как вы думаете, почему после случая с гадюкой в вагоне было очень весело?

Агния БАРТО (1906—1982)

ДОКЛАДЧИК

Выступал докладчик юный.
Говорил он о труде.
Он докладывал с трибуны
— Нужен труд всегда, везде

Нам велит трудиться школа,
Учит этому отряд
— Подними бумажки с пола! —
Крикнул кто-то из ребят

Но тут докладчик морщится
— На это есть уборщица!

ТРЕБУЕТСЯ ДРУГ

Все живут не тужат,
А со мной не дружат!
Бант у Кати расписной,
Красные колготки
И характер кроткий.
Я шепчу: — Дружи со мной...

Мы же одногодки,
Как сестрички мы почти,
Мы, как две голубки
Из одной скорлупки. —
Я шепчу — Но ты учти —
Ты во всём должна идти
Другу на уступки.

Предлагаю Ильиной:
— Ты дружи со мной одной! —
Есть разряд у Ильиной,
И спортивный свитер,
И девчонок свита.
Подружусь я с Ильиной,
Стану знаменита!
Все пятёрки до одной
У Светловой Нади.
Я прошу: — А ты со мной
Подружись хоть на день!
Мы с тобой поладим:
Будешь ты меня спасать —
Дашь контрольную списать

А девчонки на дыбы!
Говорят: — Молчала бы!

Не вставать же на колени,
Уговаривать подруг...
Напишу я объявленье:
Срочно требуется друг!

1. Какой общий заголовок вы бы дали к этим стихотворениям Агнии Барто — «Юмористические портреты» или «Сатирические портреты»? Почему?

2. Найдите и прочитайте другие стихи Агнии Барто о ребятах, которым необходимо исправить какие-то недостатки в своем характере. Сатирические это стихи или юмористические? Почему?

3. Согласны ли вы, что стихи А.Барто — это такое же «незаметное воспитание», как, например, «Вредные советы» Г. Остера. Объясните вашу точку зрения.

«КНИЖКИНЫ ИМЕНИНЫ» ВО ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ. КТО ЕСТЬ КТО? ОПЯТЬ ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ.

После того как Игорь и Оля чуть не потеряли Николая Александровича, они боялись даже заикнуться о новом путешествии. Шли дни, вот и весенние каникулы наступили, на улице стало совсем тепло.

В один из дней Николай Александрович сам постучался в комнату близнецов и предстал перед ними в парадном костюме, белой рубашке и галстуке бабочкой.

– Друзья мои, приглашаю вас на именины! Оденьтесь понаряднее, будет большой праздник.

— А у кого именины? — осторожно спросила Оля.

– У книжек. Впрочем, скоро вы всё узнаете. На этот раз мы отправляемся не так далеко — в 1969 год, на праздник детской книги. Он состоится в Москве, во Дворце пионеров на Ленинских горах.

— А что это за праздник такой? — заинтересовался Игорь.

– О, это очень интересно! В 60-е годы Лев Кассиль придумал Неделю детской книги, и, пока писатель был жив, она ежегодно проводилась в школьные весенние каникулы. И вот целую неделю по всей стране шел праздник детской книги: встречи с писателями и поэтами, утренники и литературные концерты, спектакли, викторины и книжные выставки. Открытие «Книжкиных именин» (так дети называли «Неделю детской книги») всегда проходило очень торжественно. Но самым главным было то, что дети могли встретиться с писателями и поэтами, поговорить с ними, послушать, как они сами читают свои произведения. Обычно на открытии «Недели детской книги» Лев Кассиль сам представлял ребятам многих детских писателей и их лучшие книжки. Так он «открыл» для многих ребят Николая Носова, Юрия Сотника, Виктора Драгунского, Иосифа Дика, Владимира Железникова, Валерия Медведева, Валентина Берестова, Бориса Заходера, Ирину Токмакову и других замечательных писателей и поэтов.

Я предлагаю вам отправиться на такой праздник и всё увидеть собственными глазами.

В просторном фойе недавно построенного на Ленинских горах Дворца пионеров было шумно, пестро и весело. У наших близнецов даже дух захватило! Ещё бы: выставки новых книг, которые так хочется внимательно рассмотреть, «живые» писатели, которые ходят или

стоят, окружённые детьми, что-то им рассказывают, подписывают книжки на память. На балконе разгуливают герои детских книг: Буратино под руку с Бармалеем, Мальвина, Незнайка, Чиполлино на плече у дяди Стёпы. Это ребята из Пионерского театра отлично исполняют свои роли. То и дело наши герои останавливались возле стендов с книгами, потому что встречали знакомые имена и названия. На выставке стояли книги Самуила Маршака и Сергея Михалкова, Елены Благининой и Виктора Драгунского. Как старые добрые знакомые, с обложек и страниц улыбались герои Сергея Голицына, Иосифа Дика, Лии Гераскиной и Юрия Коринца

Но вот раздался первый предупредительный звонок. Пора было выбирать, в какой из залов идти. Николай Александрович быстро просмотрел программу, и наши герои решили сначала пойти на встречу с поэтами, а потом заглянуть и в другие залы

Усевшись в мягкие кресла, Оля с Игорем успели прочитать, что в поэтическом концерте будут участвовать поэты старшего поколения Елена Благинина, Сергей Михалков, Борис Заходер, Юрий Коринец и молодые поэты Ирина Токмакова, Генрих Сапгир, Эмма Мошковская, Глеб Горбовский, Эдуард Успенский.

Один за другим выходили на сцену поэты и читали свои стихи..

Дворец пионеров на Ленинских горах Главный вход

Елена БЛАГИНИНА (р. 1903)

ФОРТОЧКА

Форточку открыл я на минуту
И как зачарованный стою
Точно в капитанскую каюту,
Рвётся ветер в комнату мою

Полетев, затрепетали шторы
И надулись, будто паруса
Вижу океанские просторы,
Яркие, чужие небеса.

Знаю, знаю — за окном не лето,
Стужа там крепчает под луной
Почему ж квадратики паркета,
Дрогнув, закачались подо мной?
И вода, взревев, забушевала
И уж не во сне, а наяву
Я стою на вахте у штурвала,
К берегам неведомым плыву

Вот сирена бережно и низко
Понесла свой голос в высоту
Где мы будем завтра?
В Сан-Франциско?
Иль в другом каком-нибудь порту?

Или поплывём без передышки
По лазурной этой глубине?
...Я очнулся. Ноги — как ледышки,
Руки — тоже. Голова — в огне

Я захлопнул форточку. И стало
Всё на место. Я залез в кровать,
Поплотней зарылся в одеяло
И тихонько начал отплывать

Звук разнёсся важный и протяжный —
Это полночь за стеною бьёт.
Весь наш дом — корабль многоэтажный —
Океаном тишины плывёт...

Борис ЗАХОДЕР (р. 1918)

ДОЖДИК

Дождик песенку поёт
Кап, кап...
Только кто её поймёт —
Кап, кап?
Не поймём ни я, ни ты,
Да зато поймут цветы,
И весенняя листва,
И зелёная трава...
Лучше всех поймёт зерно:
Прорастать
Начнёт
Оно!

КИСКИНО ГОРЕ

Плачет Киска в коридоре.
У неё
Большое горе:
Злые люди
Бедной Киске
Не дают
Украсть
Сосиски!

Юрий КОРИНЕЦ (р. 1923)

БЕЛАЯ НОЧЬ

Солнце и звёзды горят до утра
В бледном соседстве луны.
Вьётся бесцветное пламя костра,
Ночью не спят валуны.

Море не спит, реки не спят,
Тихо струится вода.
В белую, белую ночь
Мне не уснуть никогда.

Вижу в тумане я детство моё —
Бродит на том берегу
Но возвратить не могу я его
И позабыть не могу

Море не спит, реки не спят,
Тихо струится вода
В белую, белую ночь
Мне не уснуть никогда

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО

Ветрами на́земь сбитая
Листва в саду шуршит
А яблоко забытое
На яблоне висит
Скрипят деревья чёрные
«Да падай же, пора!»
Но яблоко упорное
Опять висит с утра.

Висит оно, качается,
И осень не кончается

Ирина ТОКМАКОВА (р. 1929)

В ЧУДНО́Й СТРАНЕ

В одной стране,
В чудно́й стране,
Где не бывать тебе и мне,
Ботинок чёрным язычком
С утра лакает молочко
И целый день в окошко
Глазком глядит картошка
Бутылка горлышком поет,

Концерты вечером даёт,
А стул на гнутых ножках
Танцует под гармошку
В одной стране,
В чудной стране...
Ты почему не веришь мне?

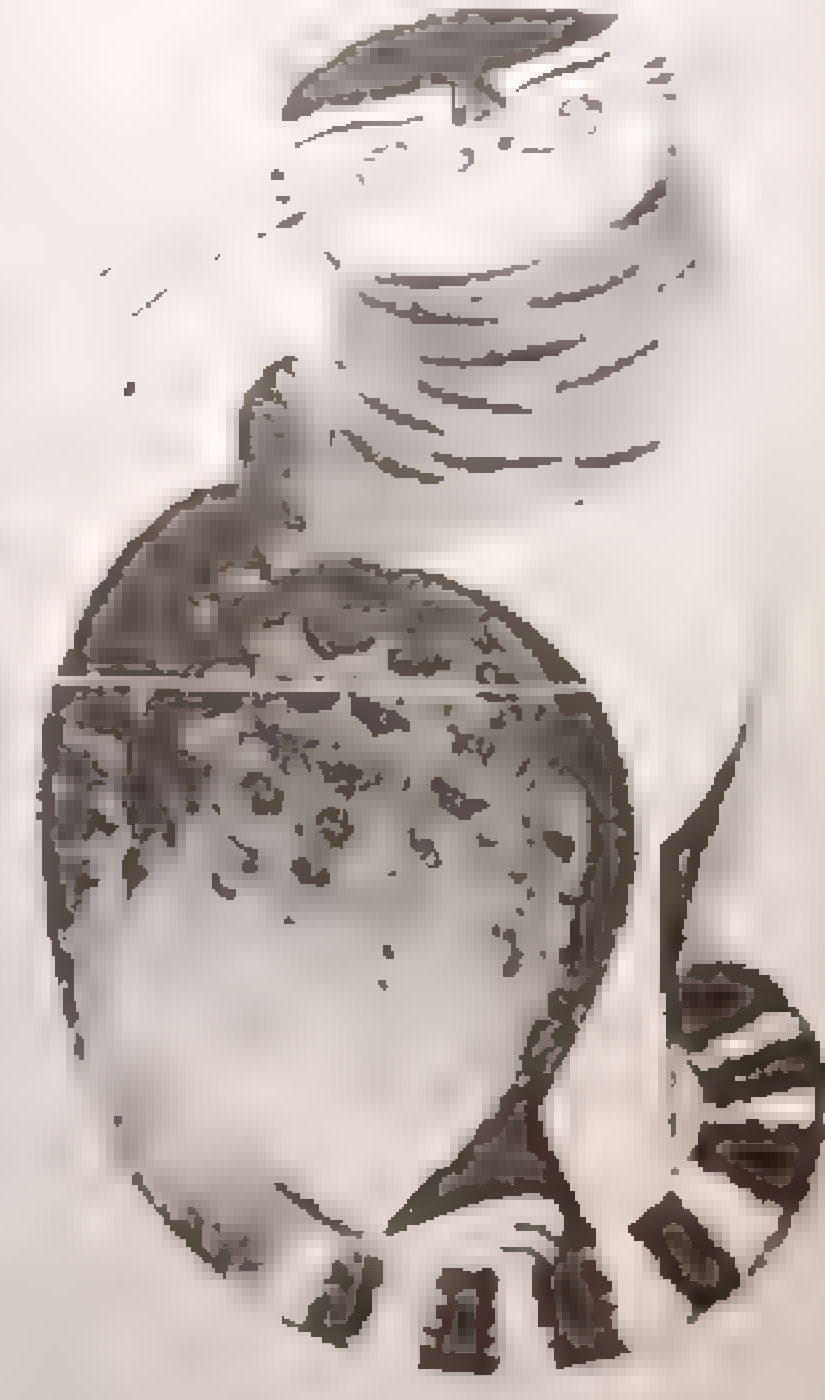
НЕВПОПАД

На помощь! В большой водопад
Упал молодой леопад!

Ах нет! Молодой леопард
Свалился в большой водопард
Что делать — опять невпопад
Держись, дорогой леопад,
Верней, дорогой леопард!

Опять не выходит впопард

Рисунки И.Токмаковой из книги "Карусель"

Генрих САПГИР (р. 1928)

ЛЕСНОЙ РАЗГОВОР

— Синица-певица,
Что видела в нашем лесу?
— Летала, видала
Весну на грачином носу

— Синица-певица,
Откуда так пахнет весной?
— Лиловый подснежник
Проклюнулся в чаще лесной

— Синица-певица,
А день-то сегодня каков?
— Высокое небо
И перышки в нем облаков

— Синица-певица,
Так что же мы в почках сидим?
— Еще не пора вам,
Листочкам, порхать молодым

— Синица-певица,
Когда же, когда же, когда?
— Спросите у Солнца
— У этого теплого? Да?

ЛЯГУШОНОК И МЫШОНОК

В траве Лягушонок
Увидел Мышонка
— Какой вы чудесный! —
Заквакал он звонко. —

Ну как вы таким
Удивительным стали?
Немало, наверное,
Вы испытали?

Мышонок сказал:
— Я родился весной
И маленький был,
Как орешек лесной.

За лето подрос,
Нагулял себе шёрстку
И на зиму зёрен
Собрал себе горстку

Вздохнул Лягушонок
— А в жизни моей
Всё было иначе —
Гораздо сложней

Сначала икринкою
Плавал я в ряске.
Но вдруг у меня
Обозначились глазки.

Я стал головастиком.
Долго потом
В воде я резвился,
Виляя хвостом.

Но лапки затем
У меня появились,
Я громко заквакал
И на берег вылез.

Поймал червяка
Средь высокой травы.
И тут на полянке
Мне встретились вы!

Эмма МОШКОВСКАЯ

Жил на свете один человечек,
И пошёл человечек гулять,
И нашёл он двенадцать дощечек,
И решил себе домик собрать.

И сложил он сначала крылечко,
Чтобы каждый войти к нему мог.
К сожаленью, тому человечку
Не хватило на стены досок.

Небо крышу ему подарило,
И стеной был кудрявый лесок,
Ничего, что ему не хватило...
Не хватило на стены досок!
По утрам к нему солнце входило,
Выпивало росистый квасок,
Хорошо, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок!

И пришли к нему птицы и звери,
Майский жук заглянул на часок.
Хорошо, что на крепкие двери,
не хватило на двери досок!

* * *

Снова со всех дорожек
ветер
лето сметает
Сел на скамейки
дождик
и никого не пускает .

Глеб ГОРБОВСКИЙ (р. 1931)

В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Вы, конечно, слыхали
про эту беду
катастрофа была
в допотопном году
Говорят, материк —
наяву, не в кино —
в океан опустился
на самое дно!

И дома, и сады,
и народы тех стран
бородатый Нептун
окунул в океан...

А когда успокоились
волны опять —
снова солнце явилось
над миром сиять!
Затрещали пичужки
в прибрежных лесах,
лев поймал комара
у себя на усах!

Бородатый охотник
увидел быка
и большими руками
схватил за рога!
Распустился цветок
ароматный в тепле...
Словом, жизнь продолжалась
на нашей земле.

Ну а я,
приезжая с друзьями на юг,
иногда возле моря
задумаюсь вдруг
Мне всё кажется там,
на большой глубине,
Атлантида сигналит
о бедствии мне

Ну а камушки, те,
что я брал для игры, —
может, это обломки дворцов
той поры?
— Мне себя на купанье
сдержать нелегко:
так и хочется в море

заплыть далеко.
Далеко, за маяк,
где лишь ветер поёт,
где лежит Атлантида
и помощи ждёт...

Эдуард УСПЕНСКИЙ (р. 1937)

МОЙ ЖИВОЙ УГОЛОК

Это аквариум — маленький пруд.
В нём разноцветные рыбки живут

Здесь попугайчики в клетке,
У них народились детки.

Это лук из огорода.
Вот и вся моя природа

Она не лесная, не полевая,
Но настоящая и очень живая

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛОН

Жил-был слон,
Не громадный слон,
А маленький, маленький,
Маленький слон,
Чуть-чуть побольше мышонка
Одуванчик над ним в небесах расцветал,
А комар вертолётом
Громадным жужжал,
А трава для него
Просто лес, просто лес,
Просто сразу пропал,
Если в чащу залез

Все жалели слона:
— До чего же он мал!

А слонёнок об этом,
Представьте, не знал.
Потому что ночь для него была такая же
Синяя-синяя,
А звёзды такие же далёкие,
Как и для всех больших слонов

Ребята, предлагаем вам подумать вот над чем. С каким настроением вы бы прочитали эти стихи? Почему? Как передают авторы это настроение? Какими мыслями, чувствами, наблюдениями поэты хотят поделиться с читателями? Какие картины они рисуют словами? Чьи стихи вам понравились больше? Почему?

Чтобы лучше представить себе, что отличает каждого из поэтов, делает его непохожим на других и узнаваемым (то есть в чём его индивидуальность), вспомните, какие ещё стихи этого поэта вы знаете, перечитайте их и подумайте, какие у поэта есть любимые герои и темы, каким он видит мир и как его рисует. Есть ли у вас любимые поэты? Подготовьте к уроку внеклассного чтения небольшой рассказ о стихах своего любимого поэта.

Мы хотим, ребята, чтобы вы обратили внимание, какой интересной, яркой и многообразной стала поэзия для детей. Вспомните первые детские стихи, например, «Песенку на купание» А.С.Шишкова. Правда, оно чем-то похоже на фотографию? С доброй улыбкой взрослый человек рассказывает о детях, любуется ими, но не пытается пока рисовать словами картины, создавать образы. А вот поэты XX века делают это прекрасно. Посмотрите, какие разные их стихи: здесь и лирические зарисовки, и маленькие рассказы в стихах, и стихи-шутки, построенные на словесной игре, и считалки, и детские песенки. В этих стихах оживает природа, разговаривают звери и птицы, цветы и деревья, разные предметы, в них живут детские фантазии и сны. А это значит, что поэзия для детей — это целый огромный мир, в который каждый из вас может войти.

Детские поэты — особые люди, удивительные. В 20-е годы о них замечательно написал поэт Саша Чёрный. Вот эти стихи.

Саша ЧЁРНЫЙ (1880–1932)

ДЕТЯМ

Может быть, слыхали все вы — и не раз,
Что на свете есть поэты?
А какие их приметы,
Расскажу я вам сейчас

Беззаботный и беспечный, как барбос,
Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во всё суёт свой нос

Хоть он взрослый, но совсем такой, как вы.
Любит сказки, солнце, елки, —
То прилежнее он пчелки,
То ленивее совы

У него есть белоснежный, резвый конь,
Конь Пегас, рысак крылатый,
И на нём поэт лохматый
Мчится в воду и огонь.

Ну так вот — такой поэт примчался к вам
Это ваш слуга покорный,
Он зовётся «Саша Чёрный»
Почему? Не знаю сам

Здесь для вас связал в букет он, как цветы,
Все стихи при свете свечки,
До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты

«Хоть он взрослый, но совсем такой, как вы...» — написал о детских поэтах Саша Чёрный. Удивительно точно увидел он их главную особенность. Ребята, пока наши герои сидят в зале, мы хотим, чтобы вы прочитали одно стихотворение. Его написала московская поэтесса Вероника До́лина. Прочитайте, и вы ещё раз убедитесь, что Саша Чёрный был прав!

Вероника ДОЛИНА (р. 1956)

ПЕСНЯ ПРО МАННУЮ КАШУ

Ах, какой ты славный!
Лапки, хвостик, уши!
Я сегодня манной
Каши недокушал —
И тогда-то странный
Случай приключился
Медвежонок манный
Из комков слепился

Он чуть-чуть непрочен,
Глазки из смородин,
А зато на прочих
Не похож уродин.
А чтоб был заметен
Труд мой ненапрасный,—
Из брусники красной
Язычок прекрасный

Я сказал верзиле
Дяде в магазине:
Сколько бы медведей
К вам ни завозили,
Нет у вас такого!
Он же бесподобен!
Он ещё удобен
Тем, что и съедобен

Дядя согласился
И спросил покорно
Почему твой мишка
Белый, а не чёрный?
Что он — иностранный?
А я ответил гордо
Он из каши манной —
И спина, и морда.

Дядя был неглупый —
Это-то и гложет!

Он сказал, что взрослый
Так слепить не может.
А почему не может? —
Никто не угадает
Просто каждый взрослый
Кашу доедает!
1978

... Между тем закончилось первое отделение поэтического концерта. Близнецы долго хлопали в ладоши поэтам, которые стояли на сцене. Когда занавес закрылся, Николай Александрович предложил детям пойти в другой зал и послушать рассказы. По дороге они зашли в буфет, попили вкусной фруктовой воды, потом поиграли с Незнайкой в рифмы, отгадали литературные загадки Карандаша. Когда наконец они тихонько вошли в зал и сели, выступления писателей уже начались.

— ... Мой друг никогда сразу не записывает своих сказок и каждый раз рассказывает их по-новому. «Но вчера эта сказка была лучше! — изумляюсь я. — Ты забыл»? — «Нет, — отвечает он. — Ничего я не забыл. Я ищу.»

Игорь и Оля слушали человека, стоящего на сцене, и старались понять, о ком он говорит. А человек продолжал:

— Рассказывая сказки, мой друг каждый раз ищет то, чего нельзя сказать, — неизъяснимое: улыбку ветра, память дождя. Он импровизатор. Импровизаторы — это такие люди, к которым слова приходят мгновенно. И только потом, дойдя до конца, они более тщательно отделывают своё произведение. Итак, ребята, я представляю вам своего друга, писателя Геннадия Михайловича Цыферова!

На сцену вышел человек средних лет в очках, с маленькой бородкой. Он улыбнулся чуть смущённо и сказал:

— Я прочту вам свои миниатюры. Это такие крохотные сказки, похожие на картинки. А вы попробуйте закрыть глаза и увидеть эти картинки.

Близнецы так и сделали. И вот что они услышали.

Геннадий **ЦЫФЕРОВ**

Из книги «Как лягушки чай пили»

* * *

На лугах спит белый мохнатый туман. Трубку [illegible]рит. Дым под кусты он пускает

* * *

Ши-ши-ши, — шуршит осока. — Тише, тише ка-мышшши. Рыба в омуте уснула. Попрошу вас не шуметь

* * *

Шёл дождь, не разбирая дороги, по лугам, по [illegible] по цветущим садам. Шёл, шёл, споткнулся, вытянул [illegible]ные ноги, упал... и утонул в последней луже. Лишь [illegible]зырьки кверху пошли: буль-буль

* * *

Весна уже, а ночами холодно. Мороз сту́дит. [illegible] верба почки-пальчики и надела на них меховые варежки

Вспомните произведения Г.Цыферова, которые вы уже читали (сказки про ослика и лягушонка, маленькие сказки о детстве Моцарта). Попробуйте сказать, чем отличаются сказки Г.Цыферова от сказок других писателей, то есть определить, в чём его авторская индивидуальность. Нравятся ли вам книги Геннадия Цыферова? Объясните свою точку зрения.

Близнецам так понравилось на празднике детской книги, что разговоров хватило на целую неделю, а вопросов было столько, что Николаю Александровичу пришлось их записать, чтобы не забыть. С особым удовольствием профессор отвечал на два из них. Оля очень хотела знать, как это удается хорошим поэтам писать по-своему об одном и том же, да ещё так, что стихи каждого из них никогда не спутаешь с другими. А Игорю всё не терпелось узнать, кто был тот человек, что рассказывал о Геннадии Цыферове

Чтобы ответить на один вопрос, Николай Александрович принес книжку стихов Новеллы Матвеевой «Кроличья деревня» и предложил Оле прочитать её и сравнить стихи Новеллы Матвеевой, например, со стихами Юнны Мориц. Это, конечно, трудное дело, но интересное. Пока Оля читала стихи, Игорь узнал от Николая Александровича, что рассказывал о Геннадии Цыферове его друг Сергей Козлов, детский драматург, автор замечательных пьес-сказок, которые идут во многих детских театрах

Ребята, предлагаем вам вместе с нашими героями почитать стихи Новеллы Матвеевой и пьесу-сказку Сергея Козлова и подумать над ними.

Новелла МАТВЕЕВА (р. 1934)

ДЕВОЧКА И ПЛАСТИЛИН

Я леплю из пластилина
(Пластилин нежней, чем глина).
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак

Если кукла выйдет плохо,
Назову ее — Дурёха
Если клоун выйдет плохо,
Назову его — Дурак

Подошли ко мне два брата,
Подошли и говорят
— Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?
Ты их любишь маловато.
Ты их лепишь грубовато,
Ты сама же виновата,
А никто не виноват

Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжко..
Я леплю из пластилина,

Приговариваю так:
— Если кукла выйдет плохо,
Назову её — Бедняжка,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его — Бедняк.

БЫЛО ТИХО...

Было тихо, очень тихо, —
Ночь на всей земле.
Лишь будильник робко тикал
На моём столе.
Было тихо, очень тихо, —
Тихий, тихий час
Лишь будильник робко тикал,
Мышь в углу скреблась

Было тихо, очень тихо, —
Дрёма без забот
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал
Да мурлыкал кот.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий час теней..
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Козлик мекал,
Кот мяукал,
Поросёнок дерзко хрюкал,
Бык ревел,
И две собаки
Дружно вторили во мраке
Ржанию коней.

НЕРЕШИТЕЛЬНЫЕ

По речке —
Не лодка, не плот,
А старая бочка плывёт

Вскочили на бочку лягушки
Зачем? Для чего?
Для просушки!

И снова попрыгали с бочки
Зачем? Для чего?
Для промочки!

Не могут лягушки решить
В воде или в сухости жить?

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Серый мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик
Продал свой стол и комод
И устремился в поход

В лодке из корочки дынной
Плыл он по речке пустынной,
Плыл, догоняя паром,
Грёб лебединым пером

Вдруг непогода завыла,
Стало не видно залива,
Дынная корка трещит,
Серый мышонок пищит

«Всё-таки теплая норка
Лучше, чем дынная корка
Ох! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!
Я возвращаюсь домой!»

Серый мышонок Тарасик

Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод,
Тихо и мирно живёт.

Но вечерами Тарасик
Думает: «Если бы разик,
Если бы раз или два
Мне увидать Острова! »

Снова мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик,
Продал и стол и комод,
Стал догонять пароход

Вновь непогода завыла!
Снова не видно залива!
Снова наш бедный герой
Стал возвращаться домой,

Снова упрямый Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод
Хлебную корку грызёт...

Но временами
Тарасик
Думает: «Только бы разик,
Только б разок или два
Мне
Увидать
Острова!..»

ЛЕТО

Между кольями забора серого
Солнце длинные лучи просунуло
На дорогу лопухи повыбрались,
Пыли зачерпнув краями грубыми

Подорожник — санитар испытанный,
Врачеватель ног, в пути пораненных, —
Подошёл к дороге, приготовился:
Может, думает, кому понадоблюсь..

Одуванчик облетать нацелился
Все его пушинки набок съехали,
Но остановились нерешительно
А куда лететь? В какую сторону?

Жаркий день уже склонился к вечеру
Вечер дню шепнул о чем-то на ухо,
Облака подслушали, задумались
И, забыв, зачем пришли, растаяли

1. Какие герои населяют поэтический мир Новеллы Матвеевой? (вспомните ещё её стихотворение «Пираты», которое вы читали в книге «Маленькая дверь в большой мир»). Сказочные это герои или реальные? Какими вы их себе представляете?

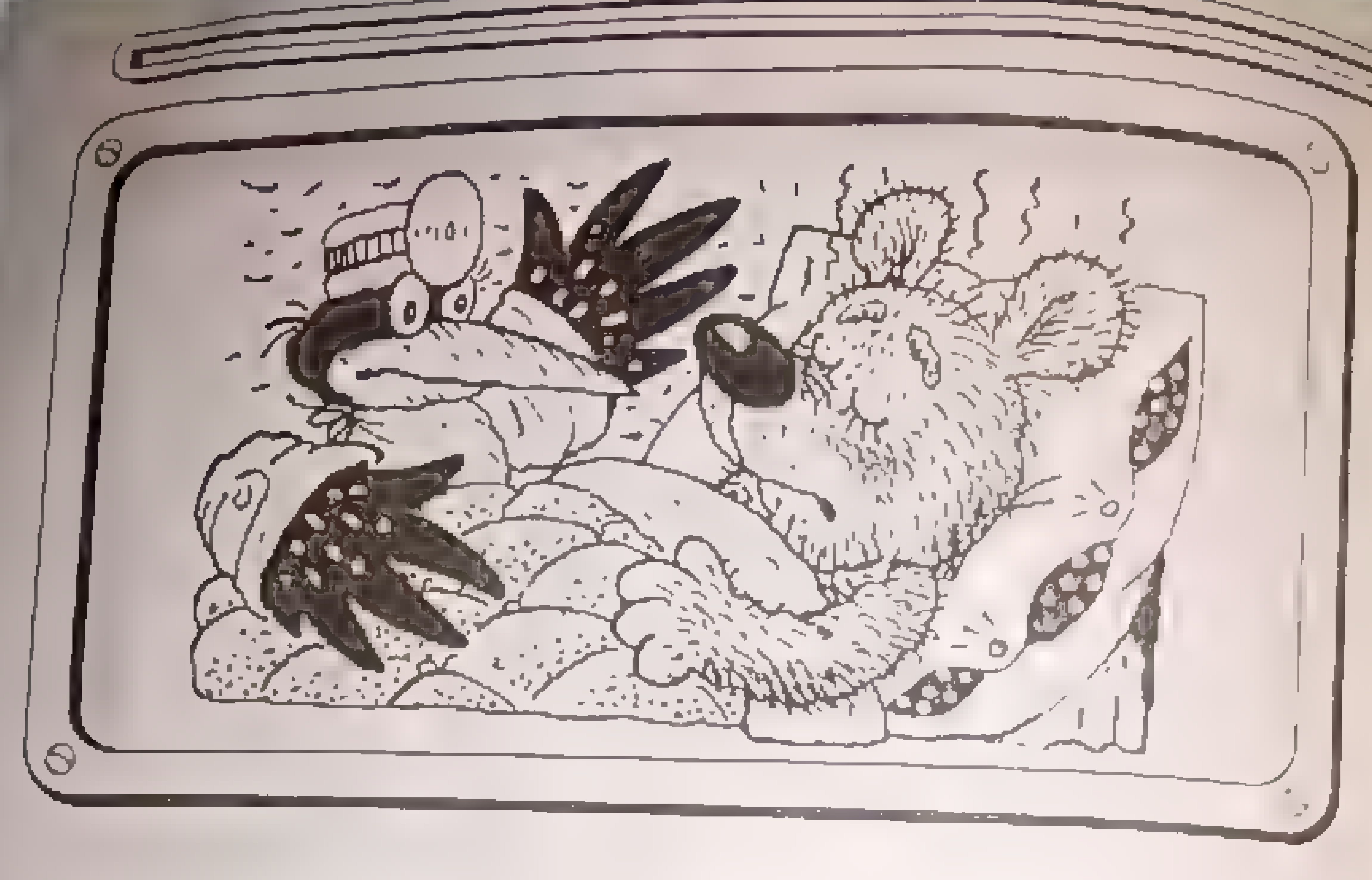
2. Какое-то одно настроение преобладает в стихах Новеллы Матвеевой или оно всегда разное?

3. Поэт Валентин Берестов написал в предисловии к книге «Кроличья деревня», что в стихах Н.Матвеевой есть «чудесная звонкость», в них слышны разные голоса, и стихи этой поэтессы лучше читать вслух и даже разыгрывать, как сценки. Как вы думаете, какие именно стихи В.Берестов имел в виду?

4. Попробуйте сделать то, что Николай Александрович предложил Оле: сравнить стихи Новеллы Матвеевой и Юнны Мориц. В наших книгах для чтения вы прочли многие стихи Юнны Мориц: «Что над чем», «Ворона», «Резиновый ёжик», «Слониха, слонёнок и слон», «Это — да, это — нет!», «Малиновая кошка», «Пони», «Любимый пони», «Настоящий секрет», «Баллада о фокусах шоколада». Кто их герои? Какие они? Похожи ли на героев Новеллы Матвеевой? Весёлые или грустные стихи у Юнны Мориц? А у Новеллы Матвеевой?

5. Согласны ли вы с утверждением, что поэт в стихах, о чём бы он ни писал, всегда выражает себя и всегда сам как бы присутствует в своих стихах? Попробуйте объяснить вашу точку зрения.

6. Как вы думаете, почему многие стихи Н.Матвеевой и Ю. Мориц стали песнями?

Сергей КОЗЛОВ

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК

В СКАЗКЕ УЧАСТВУЮТ

Ёжик
Медвежонок
Доктор Дятел
Зайчонок
Осинка
Ясень
Сосна
Ещё три зайца

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛЕС. СОЛНЕЧНЫЙ МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ. ЗАЙЦЫ ВЕДУТ ХОРОВОД ВОКРУГ ЁЛКИ

Зайцы (*поют*).

Мы снежок притопчем
На большой поляне,
Ёлочку украсим,
Сядем, посидим,
Посидим немножко,
Отдохнём и встанем,
Ёжика с Медведем

В гости пригласим.

(Дружно подхватывают припев.)

Ёлка новогодняя!..

ВБЕГАЕТ ЗАЙЧОНОК

Зайчонок (*кричит*) Ой! Ой! Стойте! Медвежонок заболел! (*Тараторит*.) Я к нему прибегаю, приглашаем, говорю, вас, Медвежонок, с нами встречать Новый год, а он... а он... (*Плачет.*)

Первый заяц. Что?

Второй заяц. Что?

Третий заяц. Что?

Зайчонок. Лежи-и-ит. (*И опять реветь*.)

Первый заяц. Зайцы! Наряжайте елку! А я — за доктором! Ты, Зайчонок, беги зови Ёжика. Ёжик Медвежонку первый друг.

Зайчонок. Бегу! (*Убегает*.)

Второй заяц (*третьему*). Ай-яй-яй! Надо же! Перед самым Новым годом! Ну пошли за игрушками.

Третий заяц (*горячо*). Доктор его вылечит. Обязательно вылечит. Вот, помню, когда я заболел...

УХОДЯТ

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДОМ МЕДВЕЖОНКА НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ. СУГРОБЫ. ПОЛЕННИЦА ДРОВ. ИЗ ЧУРБАКА ТОРЧИТ ТОПОР. МЕДВЕЖОНОК ЛЕЖИТ В ДОМЕ НА КРОВАТИ, СТОНЕТ

ПОЯВЛЯЮТСЯ ЗАЙЧОНОК С ЁЖИКОМ

Зайчонок (*подходя к дому*). Вот, дядя Ёжик, я к нему прибегаю, приглашаю, говорю, вас, Медвежонок, встречать с нами Новый год, а он... а он... (*Всхлипывает*.)

Ёжик (*останавливаясь*). Что?

Зайчонок (*разревелся*). Лежи-и-ит.

Ёжик (*с досадой*). Фу! Ты мне это уже в третий раз рассказываешь! (*Входит в дом Медвежонка, зовет*.) Медвежонок! Медвежонок!

МЕДВЕЖОНОК СТОНЕТ

(*Щупает Медвежонку голову.*) Ой! (*Отдергивает лапу.*) Какая горячая!

Зайчонок (*слюнит лапу, будто пробуя утюг, осторожно прикасается ко лбу Медвежонка «Шшш!»*) Ой!

Шипит! (*Отскакивает.*)

Ёжик. Вот какой жар! Бедный Медвежонок!

СТУК В ДВЕРЬ.

Голос Дятла. Можно?

Ёжик. Входите! Входите!

В СОПРОВОЖДЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЙЦА ПОЯВЛЯЕТСЯ ДОКТОР ДЯТЕЛ — ДЛИННЫЙ НОС, БЕЛЫЙ ХАЛАТ, СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЦЕ ЛАРИНГОЛОГА НА ЛБУ, ЧЁРНЫЙ ДОКТОРСКИЙ ЧЕМОДАНЧИК ПОД КРЫЛОМ

Доктор Дятел (*входя*). Кто больной?

Ёжик. Он больной (*Показывает на Медвежонка.*)

Доктор Дятел (*Ёжику*). Что с ним?

Зайчонок. Можно, я скажу?

Доктор Дятел. Говори

Зайчонок (*тараторит*) Дядя Дятел, я к нему прибегаю: приглашаем, говорю, вас, Медвежонок, встречать с нами Новый год, а он... а он...

Доктор Дятел. Что?

Зайчонок (*рыдая*). Лежи-и-ит..

Доктор Дятел. Та-ак.

Ёжик. И — горит. Весь в огне.

Зайчонок (*сквозь слёзы*). Вон я лапу обжёг

Доктор Дятел. Покажи.

Зайчонок. Вот.

Доктор Дятел Надо лечить (*Открывает чемоданчик.*)

Зайчонок. Не надо И так пройдёт. (*Прячет лапу.*) Лечите его! (*Показывает на Медвежонка.*)

Доктор Дятел (*подходит к Медвежонку*). Та-ак Поставим градусник. (*Достаёт из чемоданчика огромный градусник, ставит Медвежонку под мышку.*)

ГРАДУСНИК ТУТ ЖЕ ВЗРЫВАЕТСЯ. ВСЕ РАЗЛЕТАЮТСЯ ПО УГЛАМ

Медвежонок (*садится*). Кто здесь?

Ёжик. Это я, Ёжик Ты меня не узнаешь, Медвежонок?

Медвежонок. Кто? Кто это говорит? Никого не вижу!

Первый заяц. От жара потерял зрение.

Доктор Дятел. Да-а... Очень тяжёлый случай Простым лекарством его не вылечить.

Ёжик (*не слушая Доктора Дятла, кричит*)

Мед-вежонок, очнись! Это я, я, Ёжик! (*Колотит себя в грудь.*)

Доктор Дятел (*трогает Ёжика за плечо*). Снег... ел?

Ёжик. Не знаю.

Первый заяц. Я посмотрю! (*Выбегает из дома.*)

МЕДВЕЖОНОК ОТКИДЫВАЕТСЯ НА ПОСТЕЛЬ. ЁЖИК УКРЫВАЕТ ЕГО

(*Носится вокруг дома, возвращается.*) Ел!

Доктор Дятел. Много?

Первый заяц (*думает*). Рубил дрова, разогрелся, полсугроба съел, не меньше.

Доктор Дятел. Та-ак. (*Достаёт из чемоданчика огромную книгу, садится, почёсывая нос, читает.*) Бббб.

Ёжик. Что? Что там?

Доктор Дятел. Не мешай! Бббб.. Ага! Вот! «При съедении более полусугроба свежего предновогоднего снега температура... как утюг!»

Первый заяц (*подскакивает*). Что?

Доктор Дятел. Ага! Строчку пропустил (*Читает.*) «... Температура подымается так, что больной становится, как утюг!»

Зайчонок. Ухх!..

Доктор Дятел (*читает дальше*). «Необходим волшебный цветок Илютик. Что в переводе с медицинского языка означает — Всем-всем хорошо и всем-всем весело...»

Доктор Дятел (*читает дальше*). «Чтобы...» Нет, здесь можно пропустить... Вот! «Стоит больному взять его в руки, как он сразу становится здоровым, но...»

Первый заяц. Что?

Ёжик. Что?

Доктор Дятел. ... Но... (*Встаёт, обводит всех взглядом, торжественно.*) Цветка Всем-всем хорошо и всем-всем весело на земле нет! Медицина бессильна. Я умываю руки. (*Разводит крыльями.*)

Первый заяц (*несёт полотенце*). Вот полотенце.

Доктор Дятел. Зачем?

Первый заяц. Вы руки хотели помыть.

Доктор Дятел. Ах да! (*Моет кончики крыльев.*)

Зайчонок. Значит, Медвежонок умрёт и не будет с нами встречать Новый год на Большой поляне? (*Плачет.*)

Ёжик. Я его найду! Я найду этот цветок! Если его даже нет на земле — пусть под землёй, пусть под водой, пусть на небе, — я его найду, Медвежонок, и ты выздоровеешь! (*Бежит к двери.*)

Доктор Дятел. Стой! Ты не знаешь, как он выглядит!

Ёжик. Как?

Первый заяц. Как?

Зайчонок. Покажи!

Доктор Дятел (*смотрит в книгу, со вздохом*). Здесь не написано...

Ёжик. Я всё равно найду! Я обязательно найду! Не может быть, чтобы я не нашёл цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело для моего друга Медвежонка! (*Убегает.*)

Медвежонок (*стонет*). О-о-о!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛЕС. РАННИЕ ЗИМНИЕ СУМЕРКИ. ПОЯВЛЯЕТСЯ ЁЖИК. ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ВОЗЛЕ ТОНКОЙ ОСИНКИ. ОСИНКА ДРОЖИТ.

Ёжик. Где же этот цветок? Вот если бы я его нашёл — всем-всем-всем стало бы хорошо и весело. И вылечился бы сразу Медвежонок, и обрадовались бы зайцы, и все вместе мы бы встретили Новый год. Где найти цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, Осинка?

Осинка. Не знаю, Ёжик. Но бабушка Осина мне говорила, что посреди поля на бугре растет старый Ясень. Он высок, и ему далеко видно.

Ёжик. Спасибо, Осинка! Не нужно ли тебе чего? Если я найду цветок, я смогу сделать для тебя все, что только ты пожелаешь.

Осинка. Я — голая осинка. Мне холодно, Ёжик, и... одиноко. Когда ты найдешь цветок, подгреби к моим корням немного снега, и мне станет теплее.

Ёжик. Это я могу и сейчас! (*Принимается окучивать Осинку снегом.*) Вот! Вот! Так хорошо?

Осинка (*перестаёт дрожать*). Как хорошо, как тепло, как удивительно! Спасибо тебе, Ёжик!

Ёжик. Это тебе спасибо, Осинка! (*И побежал.*)

Осинка. Стой! У меня ничего нет. Вот только этот последний листок. Возьми его, и, если заблудишься в

темноте, он приведёт тебя ко мне, а тут уже рядом твой лес, твоя поляна. (*Роняет листок.*)

Ёжик. Спасибо, Осинка! (*Подбирает листок.*)

Осинка. Пусти его по ветру и скажи: «Листок, листок осиновый, веди меня домой!» — и он зашуршит по снегу, как золотая мышка.

Ёжик. Спасибо! (*Убегает.*)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

ЁЖИК ВЗБИРАЕТСЯ НА БУГОР К СТАРОМУ ЯСЕНЮ

Ёжик. Здравствуй, дедушка Ясень! Ты высокий и в ясные дни видишь так далеко. Скажи, где найти мне цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело?

Ясень (*говорит с трудом, будто что-то мешает ему дышать*). А зачем тебе этот цветок, Ёжик?

Ёжик. Я принесу его Медвежонку, он возьмет его в лапы и сразу выздоровеет.

Ясень. Твой друг Медвежонок заболел?

Ёжик. Да. Очень.

Ясень. Я боюсь, ты не найдёшь этот цветок, Ёжик. Я стою на этом месте триста лет и смотрю утром на восток, в полдень — на юг, к вечеру — на запад, а когда дуют холодные ветры, не зажмуриваясь, гляжу на север, но я нигде не видел такого цветка. Я думаю, его и нет на земле.

Ёжик. Я знаю: его нет на земле, дедушка Ясень! Только мне обязательно надо его найти!

Ясень. Тогда беги к тётушке Сосне, Ёжик. Это недалеко, за рекой. Она мудра, у неё могучие корни. Она знает обо всём, что есть под землёй.

Ёжик. Спасибо, дедушка Ясень! Не нужно ли тебе чего? Ведь если я найду цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, я для тебя смогу сделать что угодно!

Ясень. У самой земли снегом забило дупло. Мне тяжело дышать. Когда ты найдешь цветок...

Ёжик. Что ты! Зачем цветок? Это я могу сделать и сейчас! (*Выгребает из дупла снег.*) Вот! Вот!

Ясень. Ох, как вольно, как глубоко, как сладко дышится полной грудью! Спасибо, Ёжик!

ЁЖИК БЫЛО ПОБЕЖАЛ.

Постой! Возьми на дне дупла кусочек коры. Если ты устанешь в пути и у тебя не будет сил идти дальше, откуси от него немного и скажи: «Ноги, мои ноги, идите сами!» — и ноги сами принесут тебя куда пожелаешь.

Ёжик (*достаёт кусочек коры*). Спасибо, дедушка Ясень! (*Убегает.*)

КАРТИНА ПЯТАЯ

ЛЕС. БЕЖИТ ЁЖИК.

Ёжик (*останавливается*). Смеркается. Скоро стемнеет. Я уже устал, а тётушки Сосны нет и нет. Может, я заблудился? Ясень сказал: недалеко, за рекой. Покричу. (*Кричит.*) Тётушка Сосна! Тетушка Сосна! (*Слушает.*) Никто не отвечает. (*Кричит.*) Дедушка Ясе-ень! (*Слушает.*) Никого... Ой, что теперь будет с Медвежонком?

И ЁЖИК, ЧУТЬ НЕ ПЛАЧА, ЗАМЕТАЛСЯ ПО [illegible] КОРЯГ, БУРЕЛОМА, СУГРОБОВ, ПОКА НЕ НАТКНУЛСЯ НА [illegible] ТЁМНУЮ СОСНУ В ТЯЖЁЛОЙ, БУДТО МЕДВЕЖЬЕЙ [illegible]

Ой! Сосна! (*Оглядывается.*) А где же река? Нет, наверное, это не та Сосна.

И ВДРУГ

«Здравствуй, Ёжик!» — прогудела Сосна, сняла свою белую шапку и поклонилась Ёжику. «Здравствуйте! Здравствуйте! — неуклюже, растерянно несколько раз покло

нился Ёжик. — Вы не видели тётушку Сосну? Она должна стоять над рекой».

Сосна. Это я и есть тётушка Сосна.

Ёжик. Вы? А где же река?

Сосна. Вот она. Только её занесло снегом

Ёжик (*радостно*). Тётушка Сосна! Здравствуй! Я — Ёжик!

Сосна. Вижу

Ёжик (*буквально кричит от радости*) Меня к тебе прислал дедушка Ясень! Он сказал — у тебя могучие корни!

Сосна. Верно

Ёжик (*кричит*). Он сказал — ты мудра! Ты знаешь все, что есть под землёй!

СОСНА МОЛЧА КЛАНЯЕТСЯ

(*Кричит.*) Скажи, где растёт цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело?

Сосна А зачем тебе цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, Ёжик?

Ёжик (*сел, в зал, горестно*) Плохо моему другу Медвежонку. Только этот цветок может его спасти

Сосна А что с ним? (*Склонилась над Ёжиком.*)

Ёжик. Он... Он... Ему совсем плохо: он заболел.

Сосна (*распрямившись*) Я знаю, где растёт такой цветок, Ёжик.

Ёжик (*вскакивает*). Где?

Сосна. Ты умеешь считать, Ёжик?

Ёжик Умею! Я учился!

Сосна. До ско́льких?

Ёжик. До десяти! До ста! До тысячи!!!

Сосна. Слушай! Через двести сосен от меня...

Ёжик. Через двести сосен от меня.

Сосна. Не от тебя, а от меня

Ёжик. Через двести сосен от тебя..

Сосна. За кривым оврагом...

Ёжик. За кривым оврагом...

Сосна. У Обледеневшего пня...

Ёжик. У Обледеневшего пня...

Сосна. Бьёт Незамерзающий ключ...

Ёжик. Бьёт Незамерзающий ключ.

Сосна. Там, на самом дне, стоит твой цветок.

Ёжик (*как эхо*). Там, на самом дне, стоит мой цветок.

Сосна. Запомнил?

Ёжик. Запомнил.

Сосна. Повтори.

Ёжик. Через двести сосен от тебя, за Кривым оврагом у Обледеневшего пня...

Сосна. Правильно.

Ёжик. ...бьёт Незамерзающий ключ. Там, на самом дне, стоит мой цветок!

Сосна. Верно!

Ёжик. Что мне для тебя сделать, тётушка Сосна? Ведь скоро у меня будет цветок. Всем-всем хорошо и всем-всем весело!

Сосна. Не радуйся прежде времени. Его ещё надо достать, Ёжик.

Ёжик. Я достану! (*Убегает, но тут же возвращается.*) Но что мне всё-таки тогда для тебя сделать?

Сосна. Ничего. Просто ты будешь первым, кто достал этот цветок...

Ёжик. Тогда... Тогда... Тогда я сделаю так, чтобы все, кто помог мне сегодня, пришли на поляну к зайцам встречать с нами Новый год! Спасибо, тётушка Сосна-а-а!

Сосна. Счастливо тебе, Ёжик! (*Снимает снежную шапку, кланяется вслед убегающему Ёжику.*)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

НОЧЬ. ЁЖИК БЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЛЕС, СЧИТАЕТ СОСНЫ.

Ёжик (*на бегу*). Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять... Семьдесят семь, семьдесят восемь, девяносто пять... Сто сорок один, сто сорок два... Ффу-у! Сил нет! Отдохну! (*Садится на снег.*) Темно уж почти совсем, и звёздочки высыпали! Вон какая звезда! Поем снегу и побегу дальше. (*Хочет есть снег, но останавливается.*) Нет, снег есть нельзя, а то стану горячим, как утюг. (*Вскакивает, бежит дальше.*) Сто семьдесят, сто семьдесят один, сто семьдесят два... (*Бежит, бежит.*) Сто девяносто восемь, сто девяносто девять, двести! А-а-а! (*Кричит, проваливается, слышен его голос.*) Та-ак, это я в

Кривой овраг угодил... Ни-че-го, выберусь... (*Появляется.*) Вот Обледеневший пень. Ой! Что это? (*Наклоняется, и тут сквозь открывшееся, прорезанное в ширме окно мы видим необыкновенный цветок, точь-в-точь похожий на дрожащую звезду в небе.*) Цветок!.. А до чего похож на звезду! (*Задирает голову, смотрит вверх, на звезду, потом вниз, потом снова вверх и вниз.*) Совсем как звезда! (*Встаёт на колени, пытается достать цветок лапой.*) Нет, лапой не достать. Возьму палку. (*Возвращается с палкой.*) Нет, палкой нельзя — могу поранить... Что же... (*Ходит вокруг.*) Что же делать? Может, нырнуть? А вода? (*Пробует.*) У-у-у! Холодная! (*Дрожит.*) Но ведь Медвежонок без этого цветка ни за что не поправится! (*Разбегается, считает.*) Раз... два... три! (*Стоит на месте, дрожит.*) Раз! Два! Три!! (*Бежит и застывает возле ключа как вкопанный.*) Нет, все, прыгаю! (*Еле слышно.*) Раз-два-три! (*Соскальзывает в воду — «буль-буль-буль!»; сквозь окно в ширме мы видим Ёжика, нашаривающего цветок под водой, выныривает.*) Смотрю отсюда — вот он, вот он, цветок! Нырнул. Открыл под водой глаза — нет. Нырну снова! (*Ныряет, выныривает.*) Опять нет! (*Снова ныряет, появляется; чуть не плача.*) Нету... Ой как холодно, как холодно, как холодно! (*Пытаясь согреться, прыгает, бьёт себя лапами, скороговоркой.*) Я не могу уйти, как же я уйду, что будет с Медвежонком? (*Ныряет, появляется на поверхности, кричит.*) Помогите! Помогите мне! Я тону! У меня окоченели лапы! (*Идёт ко дну, отталкивается; плача в голос, выбирается на берег.*) Надо бегать, надо бегать, надо бегать, чтоб согреться! (*Бегает, бегает, останавливается.*) Цветок! Цветок! Я не смог тебя достать! Медвежонок! Прости меня! Мне холодно! (*Его бьёт озноб.*) Простите меня! Все-все! Я видел и не смог достать цветка. Всем-всем хорошо и всем-всем весело! Я замерзаю! (*Убегает.*)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

ПО ТЁМНОМУ ЛЕСУ, ОСВЕЩЕННОМУ ЛУНОЙ И ЗВЁЗДАМИ, БЕЖИТ ЁЖИК. ТОЛЬКО ОН СОВСЕМ НЕ ПОХОЖ НА НАШЕГО ЁЖИКА. ЭТО КАКОЙ-ТО

снежный цветок или маленькая небесная звёздочка на тоненьких ножках.

Ёжик (*останавливаясь*). Всё, не могу больше. Сейчас возьму и усну. (*Садится.*)

Голос Ясеня. Ёжик, если ты устанешь в пути и у тебя не будет сил идти дальше, откуси кусочек моей коры и скажи: «Ноги, мои ноги, идите сами!» — и ноги сами принесут тебя куда пожелаешь.

Ёжик (*медленно садится, с трудом выговаривая*). У меня уже замерзли губы, я больше не могу говорить. (*Откусывает кусочек коры, тихо-тихо.*) Ноги, мои ноги, идите сами! (*Пускает по ветру осиновый листок.*) Листок, листок осиновый, веди меня домой! (*И не успел он медленно все это выговорить, как ноги сами подняли его и понесли вслед за побежавшим по снегу осиновым листком.*)

ВОЗНИКАЕТ ЯСЕНЬ

Ясень. Что это? Что это мерцает под звёздами на снегу? Я никогда такого не видел. Но отчего мне вдруг стало так весело и хорошо? Неужели это тот цветок, который так искал Ёжик?

ЁЖИК МОЛЧА ПРОБЕГАЕТ. ПОЯВЛЯЕТСЯ ОСИНКА

Осинка. Смотрите, смотрите! Что это? Неужели звезда? Звёздочка с неба бежит по земле! Никогда мне не было так хорошо и весело!

ЁЖИК МОЛЧА ПРОБЕГАЕТ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

ДОМИК МЕДВЕЖОНКА. ДОКТОР ДЯТЕЛ, ЗАЙЧОНОК, ПЕРВЫЙ ЗАЯЦ ДЕЖУРЯТ У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Доктор Дятел (*склонившись над Медвежонком*). Ему хуже.

Первый заяц. Где же Ёжик? Неужели ему не удалось найти волшебный цветок?

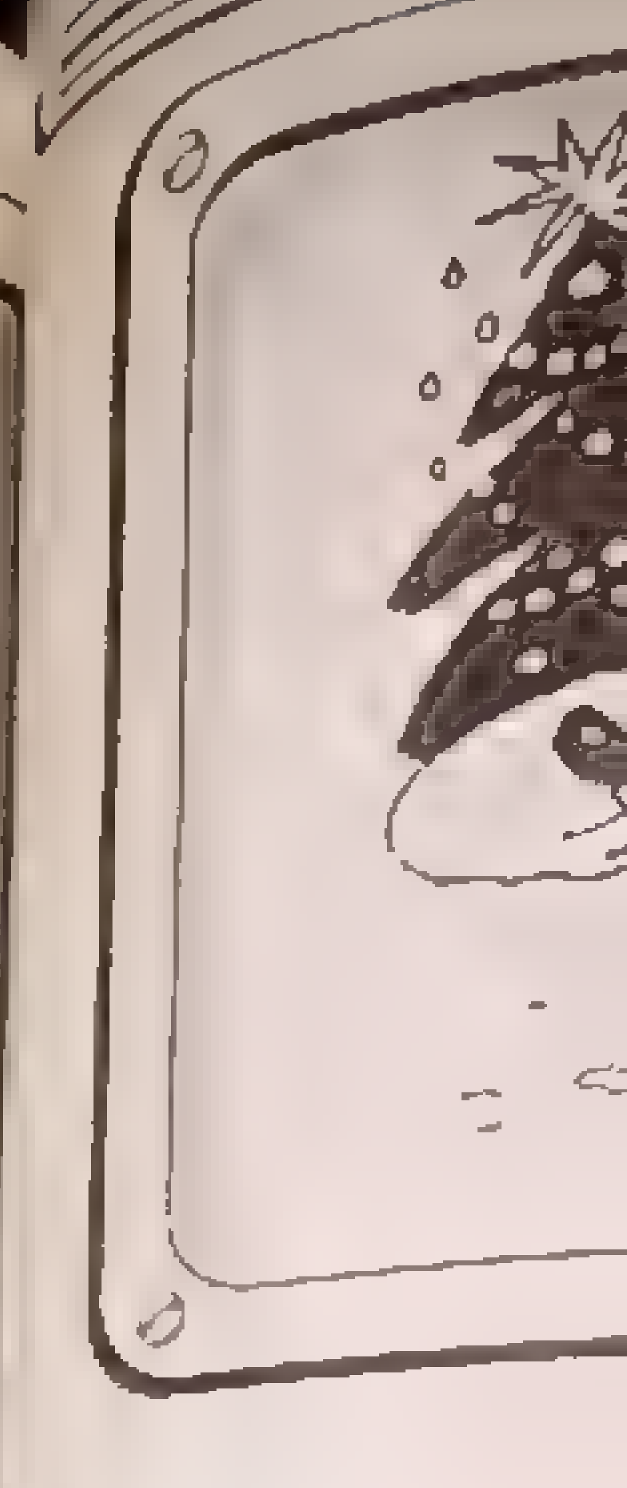
Стук в окно. Дятел открывает форточку.

Второй заяц (*появляется в форточке*). Лучше?

Доктор Дятел (*мотает головой*). Нет.

Второй заяц исчезает. Стук в дверь.

Третий заяц (*заглядывает*). Лучше? (*Исчезает.*)

Доктор Д
головы Медв
в снег, пусть
Зайчонок
замирает.)
У ДВЕРИ, СИЯЯ
НОЖКЕ, — ЁЖИ
(*Кричит.*)
(Берёт на ру
Доктор Д
Первый з
нимается
хорошо-х
Доктор Д
спас т
Медвежон
Все (*в од*
НАЧАЛОСЬ
Первый за
Сейчас
И вот уже

Доктор Дятел. Надо сменить компресс (*Снимает с головы Медвежонка полотенце.*) Зайчонок, иди окуни его в снег, пусть станет холодным-холодным, и неси сюда.

Зайчонок. Я быстро! (*Берёт полотенце, выходит и замирает.*)

У ДВЕРИ, СИЯЯ И ПЕРЕЛИВАЯСЬ, КАК ЗВЕЗДА, ПОКАЧИВАЯСЬ НА ОДНОЙ НОЖКЕ, — ЁЖИК

(*Кричит.*) Цветок! Цветок! Илютик! Он его нашёл! (Берёт на руки Ёжика, вбегает в дом.) Вот! Смотрите!

Доктор Дятел (*важно*). Ммм... Это — он!

Первый заяц. Смотрите! Смотрите! Медвежонок поднимается...

Зайчонок (*передавая «цветок» Медвежонку*). Ах, как мне хорошо-хорошо и весело!

Доктор Дятел. Возьми его в лапы, Медвежонок. Этот цветок спас тебе жизнь.

Медвежонок (*берёт «цветок»*). Какой чудесный цветок!

МЕДВЕЖОНОК ПРИЖИМАЕТ СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК К ГРУДИ — И СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК НА ГЛАЗАХ У ВСЕХ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЁЖИКА

Все (*в один голос*). Ёжик!!!

И — НАЧАЛОСЬ ВЕСЕЛЬЕ! ВСЕ ОБНИМАЮТСЯ, РАДУЮТСЯ, СМЕЮТСЯ

Первый заяц (*кричит*). Скорей на поляну, к нашей ёлке! Сейчас придёт Новый год!

И вот уже поляна с сияющей ёлкой посередине. И все

веселятся, пляшут, ведут вокруг ёлки хоровод... И тут появляются Осинка, дедушка Ясень и тетушка Сосна.

Сосна. Ты приглашал нас на праздник, Ёжик. Мы пришли...

ВСЕ ТРОЕ КЛАНЯЮТСЯ

Ёжик (всем). Стойте! Стойте! Это... Это — Осинка (Кланяется Осинке.) Это — дедушка Ясень (Кланяется Ясеню.) Это — тетушка Сосна (Кланяется Сосне.) Без них Медвежонок ни за что бы не выздоровел! Давайте их нарядим — ведь их никогда не наряжают, — чтобы они были такими же нарядными и праздничными, как наша новогодняя ёлочка!

И ТУТ ЖЕ НА ОСИНКЕ, ЯСЕНЕ И СОСНЕ СОТНЯМИ ОГНЕЙ ВСПЫХНУЛИ РАЗНОЦВЕТНЫЕ ЛАМПОЧКИ И БУДТО ПО ВОЛШЕБСТВУ НА КАЖДОЙ ВЕТОЧКЕ ЗАСВЕРКАЛИ ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ИГРУШКИ. И ВСЕ ПРИНЯЛИСЬ ТАК ВЕСЕЛИТЬСЯ, КАК НИКОГДА ЕЩЁ НЕ ВЕСЕЛИЛИСЬ В ЛЕСУ, И ГРОМЧЕ ВСЕХ ПЕЛ И ГРОМЧЕ ВСЕХ ТОПОТАЛ ЛАПАМИ ВЫЗДОРОВЕВШИЙ МЕДВЕЖОНОК. И ВСЕМ-ВСЕМ БЫЛО ОСОБЕННО ХОРОШО, И ВСЕМ-ВСЕМ БЫЛО ОСОБЕННО ВЕСЕЛО ОТТОГО, ЧТО ВМЕСТЕ С НИМИ ТАНЦЕВАЛ И ПЕЛ НАСТОЯЩИЙ ЖИВОЙ ЦВЕТОК. А МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ НАСТОЯЩАЯ ЗВЁЗДОЧКА С НЕБА... ЁЖИК...

Все (*поют*)

Мы снежок притопчем
На большой поляне,
Ёлочку нарядим,
Сядем, посидим.
Отдохнём немножко,
Нашу песню грянем,
Всех ребят на праздник
В гости пригласим!

1. Понравилась ли вам эта сказка? Почему?

2. Чем похожа она на народные сказки и чем отличается от них?

3. Можно ли сказать, что эта сказка — для маленьких?

4. Как вы поняли, удалось ли Ёжику найти снежный цветок? Почему вы так думаете?

5. Почему автор так назвал свою сказку? А подходит ли к ней название «Снежные цветы»?

6. Вы, конечно, помните, что у драматического произведения свои законы. Например, судить о характерах героев мы можем по их речи, поведению, а также на основании авторских ремарок (замечаний в скобках). Прочитайте сказку по ролям, стараясь передать характеры героев, точно следуя ремаркам.

ПУТЕШЕСТВИЕ 16,

если его можно так назвать, потому что никто не выходил из квартиры. Совсем молодые детские писатели. Три интервью.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Наши герои:

Николай Александрович Рождественский, профессор

Оля Сазонова } близнецы, ученики 4-го класса
Игорь Сазонов }

Гости

Ксения Драгунская, молодая и веселая детская писательница, рыжеволосая с короткой стрижкой

Тимофей Собакин (Тим), тоже молодой, а еще добрый, задумчивый и бородатый. Пишет стихи, рассказы и сказки для детей. Главный редактор детских журналов «Трамвай» и «Колобок»

Александр Нехорошев, тоже молодой. Умный и серьезный. По профессии — звукооператор, а еще пишет музыку и маленькие рассказы для детей

Место действия — квартира на Остоженке, комната Николая Александровича

2 апреля 1993 года

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Входят Оля и Игорь, здороваются

Профессор. Здравствуйте, друзья мои, ну как, вы готовы? Гости совсем скоро будут здесь

Оля. Мне даже не верится, что мы познакомимся с настоящей дочкой Виктора Драгунского. Интересно, какая она? Мне почему-то представляется, как она спит в ящике от комода — совсем крошечная, помните, в рассказе «Сестра моя Ксения»?

Профессор. Ксюша уже выросла. По профессии она киносценарист, а еще она — детская писательница. С ней придут её друзья, Тим и Саша. Вместе с Сашей Ксения делает детскую радиопередачу «Волшебные Известия» и сама ее ведет

А знаете, что я хотел вам предложить? Возьмите у наших гостей интервью. Полистайте журналы «Трамвай» и «Колобок», которые редактирует Тим Собакин, приготовьте вопросы поинтереснее.

Игорь. А вопросы любые можно задавать?

Профессор. Конечно, любые!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ИНТЕРВЬЮ С КСЕНИЕЙ ДРАГУНСКОЙ

Игорь. Скажите, пожалуйста, а дети писателей обязательно тоже становятся писателями?

Ксения. Вовсе нет. Они становятся капитанами дальнего плавания, милиционерами, дворниками, клоунами. Вот я, например, мечтала быть клоуном, потому что мой папа, когда был совсем молодым, ещё до войны, работал клоуном в цирке и носил рыжий парик. Кстати, поэтому у меня волосы рыжие!

Игорь. А почему вы пишете для детей, а не для взрослых?

Ксения. Для взрослых скучно писать. Бывало, напишешь: «Я люблю тебя, Маша! - сказал Иван Иванович» — и так скучно станет!

Игорь. Ещё нам очень интересно, вы учились быть писательницей или это всё само получилось?

Ксения. Нет, не училась. Само. Просто, когда я собиралась чему-нибудь научиться, у меня на голове вырастали цветочки, беленькие такие. А с цветочками на голове кто же меня учиться возьмет? Я школу дома заканчивала. Мой рассказ «Про меня» — он про меня.

Игорь. А в каком жанре вы работаете? (сказал — и покраснел даже от гордости: вот как вопрос сформулировал!)

Ксения. Я бы так сказала: смешение жанров (*рассказ и сказка как бы вместе*) плюс чистая околёсица!

Игорь. Что вам больше всего нравится в рассказах вашего папы?

Ксения. То, что папины рассказы — это для меня сам папа. Ведь когда он умер, я была совсем маленькой девочкой. Читаю рассказы — и как будто разговариваю с ним.

Игорь. А какие книжки вы бы обязательно хотели прочитать своему сыну?

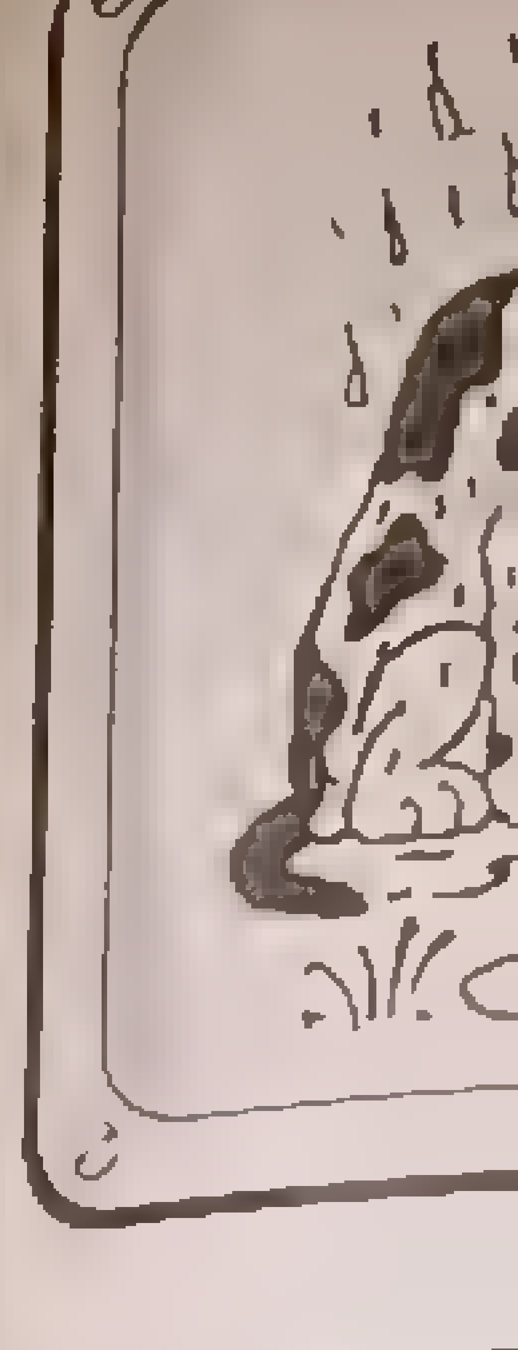
Ксения. «Мэри Поппинс», «Леньку Пантелеева», Льюиса Кэрролла. И еще «Повесть о рыжей девочке» Будогоской. И папины рассказы, конечно.

Игорь. Как бы вы ответили на вопрос: что вы любите и чего не любите?

Ксения. Вот так: я не люблю грубиянов, дураков и молочную лапшу с пенками. Люблю кукурузу, собак, хорошую погоду, приятные сюрпризы и еще кататься с горки на велосипеде.

Игорь. Спасибо! Вы обещали почитать нам свои.

Ксения. С удовольствием очень большим!

Ксения ДРАГУНСКАЯ (р. 1965)

ПРО МЕНЯ

Когда я была маленькая, со мной все время случались какие-нибудь истории. Сейчас тоже случаются. Но раньше — просто ужас!

У меня был сосед по парте Алёша. Очень хороший и воспитанный. Его ко мне специально посадили, чтобы я от него набиралась хорошести. А оказалось, что он умеет шевелить ушами! Я тут же от него научилась. А он научился от меня сворачивать язык трубочкой. И мы стали гримасничать, кривляться и просто строить друг другу рожи. Так здорово было! Но однажды на уроке музыки учительница случайно увидела, какие мы строим рожи, и так испугалась, что взвизгнула, подпрыгнула и убежала из класса прямо в Америку, где и живёт до сих пор.

Так наш класс и не выучил красивую песню «Ночь сизокрылая, мямл, мямл, мямл».

Однажды к нам в класс зашёл директор школы. Увидел меня и спрашивает:

— А это что за рыжая девочка?

— Что вы! — ему говорят. — Это же Ксюша Д.

(Потому что у нас в классе была еще одна Ксюша по фамилии на букву «Л» или, кажется, «Ы».)

— А, — говорит директор, — смотри, Ксюша Д., веди

себя хорошо, а то скоро к нам в школу придёт комиссия.

После уроков мы с Алёшей пошли к нему в гости и поссорились. Сейчас уже даже не помню, из-за чего. Из-за какой-то ерунды. Но Алёша так рассердился, что надел мне на голову кастрюлю с вареньем, которое только что сварила его бабушка. Хорошо ещё, что варенье уже остыло. Все волосы у меня на голове склеились, и меня решили обрить налысо. Но одна знакомая тётенька посоветовала вымыть мне голову смесью из кефира, керосина, лимонада и воды из аквариума. Так и сделали. Волосы расклеились, но вместо рыжих стали совершенно зелёными. В школе все удивлялись, но потом привыкли.

И вдруг приходит комиссия — какая-то грустная девушка с авоськами. Увидела меня, да как закричит:

— Безобразие! Здесь, в английской школе! Куда смотрит директор? Девочку с зелёными волосами надо обрить! Не положено зелёные волосы!

Я испугалась — теперь-то точно обреют.

Тогда Алёша поднял руку и сказал речь:

— Извините, пожалуйста, но разве вы не знаете, что волосы у неё не простые, а волшебные? Об этом говорили в передаче «Здоровье» и писали в газете «Волшебные Известия». Не читали? Целая история! Жил-был милиционер, и не было у него детей. Однажды он увидел, что девочка с зелёными волосами перебегает улицу на красный свет. Он свистнул в свисток и поймал девочку, чтобы её поругать. Но вдруг передумал, просто попросил больше не бегать на красный свет и даже погладил по голове. Через несколько дней у него родилось три сына-богатыря и две дочери-красавицы.

— Да? — переспросила грустная девушка-комиссия и вздохнула. — Ну ладно. Зелёные так зелёные.

И погладила меня по голове.

По дороге из нашей школы она зашла в овощной магазин и там случайно встретила прекрасного африканского принца. Он покупал солёные огурцы, чтобы приготовить себе из них африканский суп. Принц полюбил грустную девушку с самого первого взгляда, увёз в африканское королевство, и она стала настоящей принцессой.

Об этом тоже потом писали в газете «Волшебные Известия».

А волосы у меня отмылись и опять стали рыжие.

Можно ещё что-нибудь рассказать. Например, как зимой в мой двор выпал заколдованный снег.

Но это я лучше потом расскажу, в следующий раз.

КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

Жил-был мальчик Дмитрий Игоревич. Это потому что его звали Митя, а его папу — дядя Игорь.

Однажды Митя и его папа пошли на речку смотреть корабли. Идут, а навстречу — собака. Здоровенная! Пятнистая, с длинными ушами и бородой.

— Здорово похожа на пойнтера, — сказал Митя.

— Просто вылитый эрдель, — заметил папа.

Собака остановилась и стала на них смотреть.

— Сейчас кусаться будет, — решил Митя.

— Вот ещё, — сказала собака. — Других дел, что ли, у меня нет?

Митя и папа тоже остановились. От удивления.

— Извините, пожалуйста, — сказал Митя воспитанным голосом. — Разве собаки умеют разговаривать?

— Обязательно, — грустно сказала собака. — Но только в самом крайнем случае.

— А у вас что, уже крайний случай?

— Да, — сказала собака совсем грустно. — Я ищу своего человека. Скажите, пожалуйста, здесь случайно не пробегал мой человек?

— А он какой из себя?

— О! — сказала собака и улыбнулась. — Мой человек — он такой красивый! Кудрявый и с длинным носом. В его доме полно уютных углов, в которых можно подремать. На ужин мой человек ест огромные котлеты. А еще у него очень удобные колени, куда всегда можно уткнуться мордой. Он играет на гитаре и поёт задумчивым голосом.

— Да это же просто вылитая Дарья Павловна! — воскликнул Митя, и все втроём они побежали к ней.

Уже издалека слышалось, как Дарья Павловна играет на гитаре и поёт задумчивым голосом песню про далёкую звезду.

— Здравствуйте, Дарья Павловна! — погромче закричал Митя. — Тут пришла одна симпатичная собака и говорит, что вы — её человек.

Дарья Павловна выглянула в окошко.

— Ах, какой прелестный барбосик, — сказала она.

— Ну что? — спросил папа собаку — Она твой человек?

— Ага! — сказала собака радостно.

Дарья Павловна упала в обморок. Потому что она не знала, что собаки умеют разговаривать в самом крайнем случае. Но Дарья Павловна тут же очнулась и опять высунулась в окошко.

— Мы сразу догадались, что это вы! — обрадовался Митя. — Потому что вы такая красивая, с длинным носом, и на гитаре игра...

— Чтоoooooo???!!! — Дарья Павловна схватилась за сердце, а потом за свой нос. — Ах, негодный мальчишка, противный папа, гадкий пёс! Это у меня нос длинный?! Да у меня нос всего сто три миллиметра с половиной!

Она так сердито кричала, что чуть не вывалилась из окна. А Митя, папа и собака убежали.

— Да, — сказал папа. — Наверное, она не твой человек. Она же котлет совсем не ест.

— Георгий Иванович ест котлеты! — подскочил Митя. — Бежим!

— Нет, — вздохнула собака. — И Георгий Иванович не мой человек. Честно говоря, у меня вообще нет своего человека. И не было никогда. Но одна моя знакомая полусиамская кошка говорит, что у каждой собаки или кошки должен быть хоть один родной человек на земле. К тому же вчера ночью шел дождь. Он шел-шел-шел-шёл-шел-шел-шел и не заметил, что я на траве сплю. И пошёл прямо по мне. Я ему: «Чего брызгаешься?» А он: «Дома сидеть надо, когда я иду». Я говорю: «Ага, дома... А если у меня и дома-то нету?» А дождь говорит: «Ищи себе дом. Устраивайся в хорошие руки. Каждый барбос — кузнец своего счастья». И вот я пошла искать себе дом и устраиваться в хорошие руки. Да что-то не везёт.

Митя и папа смотрели на собаку.

— Весёлого мало, — сказал папа.

— Мы бы тебя взяли, — сказал Митя. — Да нам никакая мама не разрешит. У нас и так уже целых два морских поросёнка. Сыновья морской свинки.

— Что ж, — вздохнула собака. — Видно, быть мне всю жизнь бродягой .

А дело было в воскресенье. В воскресенье многие мамы любят ходить в гости или куда-нибудь по делам У них такие особые, мамские дела, которые только по воскресеньям делаются В общем, мамы по воскресеньям часто куда-то деваются Поэтому в воскресенья повсюду бродят беспризорные папы с детьми И мама Мити тоже утром уехала по делам. А теперь вернулась Митя и папа видят — мама на своем мотоцикле мчится Затормозила так лихо и говорит

— А это что ещё за чудовище?

— Это собака. — сказал Митя. — Ей жить негде. Правда, на пойнтера похожа?

— По-моему, ее прадедушка — эрдель, — сказал папа

— Обыкновенная бородатая дворняга крупных размеров. — решила мама

Собака повернулась и пошла прочь такой несчастной походкой, что было сразу видно — это идёт дворняга, бедняга, бродяга и бедолага.

— Нет! — нахмурилась вдруг мама — Все неправильно Нельзя, чтобы собака уходила такой несчастной походкой Иди, собака, сюда. Оставайся. Будешь наша

— У нас в доме полно углов, где можно дремать! — обрадовался Митя.

— А у меня как раз есть отличное старое пальто! — папа тоже обрадовался. — Подходящее пальто, фабрики «Красный молодец».

— Да зачем ей пальто? — удивился Митя.

— А она на нём спать будет.

А собака говорит:

— А руки-то у вас хорошие? Я только в хорошие руки хочу...

Папа, мама и Митя протянули ей свои руки Она ткнулась носом в их ладони и вдруг стала красивая-красивая. Это она от счастья похорошела Ведь теперь у

неё было целых три своих человека и два морских поросёнка.

Только больше собака никогда не разговаривала. Крайний случай-то кончился!

ЕРУНДА НА ПОСТНОМ МАСЛЕ!

В деревне Толстокошкино (это недалеко от села Большие Барбосы) жила девочка Мотя. Она была очень хорошая. Никогда не ябедничала, не жадничала и не вредничала. И за такую хорошесть папа повёз её в Москву, в настоящий театр.

Идёт Мотя по Москве, по сторонам глазеет. Вдруг видит — большой забор. А на заборе вот такими огромными толстыми буквами написано: «Все мальчишки — дураки!»

«Вот это да! — подумала Мотя. — Ничего себе! Неужели так вот прямо все до одного — дураки? И Данила? И Вася? Нет, Вася точно не дурак, сам стихи сочиняет. И Данила тоже — слова знает английские. Нет, не может быть, чтобы все — дураки. Но ведь крупными буквами написано. Не будут же в Москве неправду писать. Вот плакат во весь дом висит: «В магазине «Супербазар» много всякой всячины!» Так в этом магазине и правда всё, что душе угодно. Папа мне там разноцветный рюкзачок купил, а маме — гири здоровенные...»

Мотя всё время про надпись на заборе думала. Даже спектакль невнимательно смотрела. А после спектакля Мотя с папой пошли в гости к Мотиной четвероюродной сестре. Этой сестре было уже десять с половиной, и в одном ухе у неё висело сразу две серёжки.

— Я тут у вас на одном заборе такое прочитала, — шёпотом сказала Мотя своей четвероюродной сестре. — Что все мальчишки — дураки.

— А ты что, не знала? — удивилась сестра. — Вот деревня! У нас об этом все девчонки с детского сада знают.

— Как же так? — спросила Мотя. — А если какой-нибудь один мальчишка — не дурак?

— То, значит, он всё равно дурак, — сказала сестра. — Потому что он — мальчишка.

И Мотя решила, что если девочке уже десять с половиной и она носит две серёжки в одном ухе, то она в мальчишках лучше разбирается.

Мотя приехала домой в Толстокошкино, и к ней в гости пришли подруги — Анисья и Феофания. Мотя им про надпись рассказала. Анисья и Феофания засмеялись и поскорее убежали — всем остальным рассказывать.

А тут как раз Вася пришел. И говорит:

— У меня есть свой собственный меховой урчатель.

Расстёгивает куртку, а там — щенок.

— Между прочим, — говорит Вася, — южноевропейский боксер.

Мотя хотела щенка погладить, но вместо этого сказала гордо:

— Все мальчишки — дураки!

Вася так удивился! Чуть щенка не выронил. А потом как даст Моте по носу. От удивления. А Мотя его за щеку — цап. И поцарапала.

И пошло—поехало! По деревне Толстокошкино девчонки скачут и кричат: «Все мальчишки дураки! Все мальчишки дураки!» Мальчишки им подножки подставляют, за волосы дёргают. Девчонки царапаются, кусаются, визжат. Шум, гам. Настоящая война началась. Тухлыми апельсинами кидаются.

Тут мимо проходила директор школы Анна Егоровна в большой шляпе. И в неё апельсин угодил. Хорошо ещё только по шляпе попало. Шляпа улетела, а Анна Егоровна собрала собрание школьников. И говорит:

— Я ничего не понимаю. Объясните мне, пожалуйста, что случилось.

И Моте пришлось всё рассказать про надпись.

— Хахахахахахаха! — засмеялась Анна Егоровна. — Да это же чепуха. То есть ерунда по-научному. Вот что. Уроки отменяются. Берем тряпки, ведра и едем в Москву смывать с забора эту глупую и вредную ерунду.

Приехали, нашли забор, стали стирать и смывать. А буквы не стираются. И не смываются. Тогда позвали знаменитого

профессора Пяткина. Он посмотрел на буквы, потом потрогал и даже понюхал. И говорит:

— Это не простая ерунда. Это ерунда на постном масле. А постное масло очень плохо отмывается, надо позвать пожарных, чтобы они смыли эту ерунду своей особенной пеной.

Пожарные приехали и быстро-быстро смыли эту глупую ерунду. Забор стал чистый. А тут мимо как раз проходила художница Женя Чижик со своими красками и кисточками. И на чистом заборе она нарисовала портрет Моти, Васи, Данилы, Анисьи, Феофании, Анны Егоровны и профессора Пяткина. Потому что на заборах вместо ерунды на постном масле должны красоваться портреты всяких хороших людей.

Теперь Мотя совсем не читает, что на заборах написано. И сама не пишет. Ведь то, что написано на заборе, — или просто обыкновенная ерунда, или ерунда на постном масле.

ФЕДЯ ПЛЮС НАДЯ

Однажды Федя взял лист бумаги и написал на нём обидное слово «СЕЛЁДКА». Потом он вынул изо рта жеваную жвачку. И приклеил этой жвачкой листок с дразнильным словом на спину девочке Наде.

На уроке рисования он облил Надин рисунок водой, наступил ей на ноги и дёрнул за волосы.

Надя заплакала.

А Кристина, которая в прошлом году из другой школы пришла, как закричит:

— Ха-ха-ха! Влюбился! В Надьку! Федя плюс Надя! Тили-тили-тесто! Хи-хи-хи!

— Чего это вдруг? — испугался Федя. — Ни в кого я не влюблялся...

— Ага! А на ногу зачем наступал? За волосы дергал? Селёдкой обзывался? Раз мальчишка обзывается и лезет, значит, точно — влюбился. Вот в меня в той школе тоже один влюбился — как даст по затылку ни с того ни с сего

Федя забоялся, что все будут его дразнить, и Надю больше не обижал. Здоровался только и конфетами угощал.

Это давно было. Когда Федя и Надя были маленькие. Теперь они выросли большие и недавно сыграли свадьбу.

Там столько вкусностей было!

1. Ребята, понравились ли вам рассказы-сказки Ксении Драгунской? Почему? Объясните.

2. Помогло ли вам интервью с Ксенией лучше понять её произведения?

3. Как это получается: Ксения Драгунская пишет о том же, о чём и многие другие детские писатели — о дружбе, например, или о любви к животным, но как-то иначе. Как?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ НЕХОРОШЕВЫМ

Оля. Саша, я знаю, что вы вместе с Ксенией делаете детскую радиопередачу «Волшебные Известия». Ксения в ней писательницей работает и ведущей Меланьей Кошкиной, а вы кем?

Александр. А я — композитором, а ещё я эту передачу на плёнку записываю.

Оля. Понятно. А скажите, пожалуйста, по-вашему, какими должны быть детские книжки, чтобы они детям нравились?

Александр. Это должны быть книжки, из которых можно узнать много нового. И забавного. Нет, вот так: забавно нового.

Оля. Саша, а почему вы решили писать для детей? Просто вдруг решили и всё?

Александр. Захотелось своему сыну рассказать что-то сугубо своё, ну то есть совсем своё, чего ему никто другой не расскажет.

Оля. И вы придумали своего героя?

Александр. Да, Тиграстова.

Оля. Можно ещё последний вопрос, а потом вы нам почитаете про Тиграстова, очень хочется. Что вы любите и чего не любите?

Александр. Я больше люблю, чем не люблю. И все.

Александр НЕХОРОШЕВ (р. 1955)

ТАК ЖИВЁТ ТИГРАСТОВ...

Однажды Тиграстов думал лёжа, но потом решил так не думать и сел. Тут же подумалось, что надо встать. Стоя [illegible] понял, что он не лежал, не садился, не вставал, а [illegible]

* * *

«Почему говорят: «Разные, как небо и земля»? — думал Тиграстов. — Лучше сказать: «Разные, как небо и метро».

* * *

Как-то Тиграстов решил посмотреть на звёзды сверху, [illegible] чтобы понять, где у них верх, надо знать, что у них внизу. Внизу, под звёздами, оказался Тиграстов. И при чём тут звёзды?

* * *

Когда Тиграстов узнал, что каждая прожитая минута сокращает жизнь ровно на шестьдесят секунд, он целый час грустил.

* * *

Однажды Тиграстов пытался узнать у кошки, что такое пособие для одиноких матерей. Но кошка только облизывала своих котят и молчала.

* * *

Из всех шахматных фигур Тиграстов больше всего любил черного коня. Коня звали Алёша. И когда он наблюдал за шахматной игрой, ему было всё равно, кто выиграет. Главное, чтобы Алёшу не обидели.

* * *

Однажды Тиграстову показалось, что он не Тиграстов. Он решил это проверить и тихо позвал: «Тиграаастов!» И Тиграстов тут же отозвался, потому что был совсем-совсем рядом.

1. Как вы думаете, кто такой Тиграстов? Ребёнок или взрослый? А может быть, это сказочный герой? Почему? Объясните.

2. На что, по-вашему, похожи миниатюры про Тиграстова — на маленькие сказки или на рассказы? А может быть, это что-то другое?

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНТЕРВЬЮ С ТИМОМ СОБАКИНЫМ

Игорь. Почему ваш журнал называется «Трамвай»?

Тим. Мы с поэтом Андреем Усачёвым долго обсуждали, как в журнале для младших школьников соединить сказки, стихи, игры, рисунки. И придумали такой образ — трамвай. Он может проехать по всему свету, а значит, наши читатели узнают массу интересных вещей.

Игорь. Ваш «Трамвай» не похож на другие детские журналы. Как это у вас получается?

Тим. Мы решили, что наш журнал должен рассказывать обо всём, что только дети хотят узнать. «Трамвай» — журнал для тех, кто хочет и умеет думать. И если что-то непонятно, лучше это не отбрасывать, не отвергать, а разобраться и понять. Вот чего бы нам очень хотелось: не объяснять все, не растолковывать, а заинтересовать! У нашего журнала есть «сверхидея» — показать, что в мире все взаимосвязано и, несмотря на свое многообразие, мир един. Поэтому у нас каждый номер как бы скреплен одной общей темой. И еще. Наш «Трамвай» — это журнал-игра, детям легче научиться чему-то в игре, ведь правда?

Игорь. Конечно, ещё бы! А скажите, кто из молодых авторов «Трамвая» вам особенно нравится?

Тим. Мне нравится, как пишут Марина Москвина, Сергей Седов, Андрей Усачев, Марина Бородицкая, Олег Кургузов, Михаил Есеновский. Они стараются не делать в литературе того, что уже делали до них. Это их объединяет.

Игорь. Тим, а почему вы сами пишете для детей?

Тим. Дело-то всё в том, что для детей я писал давно, когда моей дочке было года три-четыре. Писал для нее. А все остальное время пишу для взрослых, у которых в душе сохранилась фантазия, чувство нового и чувство юмора. Но все это есть у детей, и даже в большей степени, чем у взрослых. Дети меня хорошо понимают.

Игорь. Спасибо! И... наш «традиционный» вопрос: что вы любите и не любите?

Тим. Очень люблю и ценю нежность, верность и тепло. Еще люблю сметану, особенно на завтрак. Не люблю хамство и всё, что с ним как-то связано. Не люблю зубную боль. И очень боюсь несвободы.

Оля. Тим, вы обещали, что почитаете нам стихи.

Тим. Спасибо вам за вопросы. Стихи можно, конечно. Но сначала — отрывок из повести. Это очень грустная повесть о том, что нужно беречь и ценить то, что у тебя есть сейчас, сегодня. Волк Матерый знает, что Волчонок любит его и в нем нуждается, а все-таки уходит. А потом будет жалеть...

Тим СОБАКИН (р. 1958)

ЦВЕТ ВЕТРА

(отрывок из повести)

Когда последние птицы улетали на юг, Волчонок, стоя на балконе, провожал их грустным взглядом. Впрочем, балкона у него не было. Зато были огромные серые глаза, в которых отражались небо, облака и птицы.

Матёрый Волк неслышно подкрадывался к Волчонку сзади.

— Улетают птицы в дальние края, — декламировал он. — Вот наступит время — полечу и я.

Матёрый Волк любил выражаться стихами. А Волчонок всегда вздрагивал от неожиданности. Он был пуглив и боялся всего на свете. Только Матерого Волка не боялся.

Они медленно брели, шурша опавшими листьями. Вечерний город засыпал. В воздухе пахло чем-то жареным, но холодным.

— Ты что такой грустный? — задавал свой обычный вопрос Волчонок.

— Овечку загрыз, — нехотя признавался Матёрый Волк.

— Вкусная была?

— Нет, костлявая. Жалко ее.

— Питаться чем-то надо... — утешал его Волчонок.

Они присаживались на берегу пруда. В чёрной воде плескались утки — глупые такие.

— Эх, вода холодная, — облизывался Матёрый Волк, — а то бы нырнул.

— А я плавать не умею, — говорил Волчонок, думая о своём.

Минуту спустя Матёрый Волк начинал выть:

— У-у-у!.. Хууудо мне тууут! И овечки худыые. Убегу я отсюда, убегу-у-у

— Куда убежишь?

— В Северные Края. Там овцы — знаешь какие? Как чемоданы! Дико упитанные

Волчонок растерянно моргал серыми глазами:

— А как же я?

— Убежим вместе!

— Не могу. У меня тут мама, папа, дом.

— Дом... — кивал Матёрый Волк. — А я вот бездомный.

— А там ты с тоски взвоешь

Так они беседовали. Тем временем в печати сообщали о наступлении зимы. Поверхность пруда затянулась тонким льдом. Большие снежинки опускались на мягкую шерстку Волчонка. И не таяли.

— Вот и снег на тебе не тает, — вздыхал Матёрый Волк. — Окоченеешь скоро совсем

— Не убегай! — просил Волчонок сероглазый. — Мне будет грустно без тебя

— Да на что я тебе, матерый такой?

— Ты мудрый.

— У меня вон шерсть выпадает. От недостатка витаминов.

— Ты милый...

— Зубы часто ломаются

— Овечек надо меньше грызть, — чуть не всхлипывал Волчонок.

Он доверчиво прижимался к Матёрому Волку пушистой головою, усыпанной снежинками, и его шейка казалась еще тоньше. Матёрый Волк неуклюже гладил ее. «Загрызть, что ли?» — угрюмо думал он.

В конце зимы Матёрый Волк убежал таки в Северные Края. Убежал незаметно — Волчонок даже не успел по-

дарить ему свой любимый медный чайник, в который нельзя налить ни капли воды — в чайнике не было отверстий. А по весне от Матёрого Волка пришла короткая весточка. «Дорогой Волчонок! Тут полно овец — толстых, жирных, тупых и глупых. Даже питаться ими не хочется. В свободное от еды время слушаю музыку. Одна песня дико нравится, начинается так: YOUR EYES ARE COLORED LIKE WIND. Это на английском. По-моему, про тебя. В общем, у меня все о'кей! Только тоскливо бывает. Выть иногда хочется. Но тут выть не принято — овец можно распугать.

С приветом, Волк Матёрый».

Волчонок целый вечер просидел над англо-русским словарём. Наконец ему удалось перевести строчку из песни «Цвет тво-их глаз по-до-бен цве-ту вет-ра...»

И в самом деле подул ветер. Прилетели птицы. Волчонок, стоя на балконе, встречал их грустным взглядом. Хотя балкона у него по-прежнему не было.

«Интересно, какого цвета ветер?» — шептал Волчонок, осторожно пробираясь к пруду. Ему было жаль Матерого Волка. И жаль себя...

Вокруг сновали машины, спешили прохожие. Никто не замечал Волчонка. Никто не видел, как из его глаз — цвета северного ветра — стекали светлые слезы. А может, это были капли дождя, который Волчонок так любил. Когда последние птицы улетали на юг..

ДО БУДУЩЕГО ЛЕТА

Уходит тихо Лето,
Одетое в листву.
И остаются где-то
во сне иль наяву:
серебряная мушка
в сетях у паука,
невыпитая кружка
парного молока.
И ручеёк стеклянный.
И тёплая земля.
И над лесной поляной
жужжание шмеля...

Приходит тихо Осень,
одетая в туман.
Она дожди приносит
из зарубежных стран.
И листьев жёлтый ворох,
и аромат лесной,
и сырость в тёмных норах.
А где-то за стеной
будильник до рассвета
стрекочет на столе
«До бу-ду-ще-го ле-та,
до бу-ду-ще-го ле-

САМОЛЁТ

Когда мне было восемь лет,
я рос как маленький нахал
я смело строил самолет,
который крыльями махал
Кусок фанеры, две доски —
мой самолёт был мягкотел,
но всем законам вопреки,
махая крыльями, летел

Я был с наукой не знаком
и мне внушали не спеша,
что тяготения закон
весьма опасно нарушать
Но я летал — как наяву!
Все волновались — как в кино
И только бык жевал траву,
быку-то было все равно

...Уже лысеет голова,
давно в игрушки не играл.
Я знаю умные слова —
податливый материал!
Мой самолёт из этих слов
имеет современный вид
и пару бешеных винтов.
Но только в небо не летит

ЭПИЛОГ

Итак, нам осталось... Да, ребята, а вы знаете, что такое эпилог? Уже догадались, наверное? Правильно, это заключительная часть художественного произведения. А наша книга, хоть это и учебник, имеет героев и сюжет, а значит, может иметь и эпилог.

Как вы уже поняли, наши герои, путешествуя по страницам истории детской литературы, добрались до самых-самых современных детских книг — даже до тех, которым только предстоит найти своих читателей. И что же, значит, нам пора расставаться с Николаем Александровичем, Игорем и Олей? Увы, нам придётся это сделать, но сначала мы отправимся в последнее путешествие. На этот раз — в будущее.

На дисплее машины времени — год 2020. Игорь, Оля и Николай Александрович заняли свои места в креслах. «Приготовились!» И...

...комната в большой квартире. В комнате компьютер, рядом небольшой стеллаж, куча игрушек, в которые даже непонятно, как играть, стена — телевизионный экран. За компьютером мальчик лет девяти. С ним сейчас познакомятся наши герои.

— Меня зовут Дима, мне девять лет. Вы сказали, что вы из прошлого? В это я могу поверить... почему у меня так мало книг? О нет, очень много! Компьютер через несколько секунд может выдать распечатку любой книги, закажет в каталоге микрофильм. Конечно, для этого мне не нужно выходить из комнаты... Посмотрите, а вот на этой полке есть несколько настоящих книг, их я люблю держать в руках, когда читаю. Эти книги стоят очень дорого, я их берегу. Вот, взгляните!

Дима достал с полки стеллажа несколько книг.

— Вот. Мои самые любимые! «Денискины рассказы», написал в двадцатом веке Виктор Драгунский. Ещё вот... Борис Заходер. Сказки и стихи Маршака. Паустовский. Эдуард Успенский... — перечислял мальчик.

А знаете, ребята, когда наши близнецы услышали названия любимых Диминых книг, они почему-то даже не удивились. А вы?

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие четвероклассники!

Вы перевернули последние страницы этой книги. Закончилось путешествие в историю русской детской литературы. Вы научились не просто хорошо читать, вы умеете теперь вчитываться в текст, чувствовать силу и красоту слова, серьёзно размышлять над прочитанным. Вы можете теперь не просто сказать: «Мне нравится эта книга (этот рассказ, этот писатель...)», но и объяснить, чем именно и почему. И наверняка у каждого из вас появились любимые книги.

Вы знаете теперь, что история русской детской литературы — это долгий путь, знакомиться с которым интересно и увлекательно. Сколько же умных, добрых, весёлых и талантливых людей писали и пишут для детей! Жалко, конечно, что не со всеми мы смогли познакомить вас на страницах книги «В океане света» и других наших книг для чтения. Но это не беда! Нам хотелось, чтобы у вас был «компас в книжном море», а плавать в нем вы теперь вполне можете самостоятельно.

Успехов вам и счастья!

Авторы-составители,
художники, издатели
и все-все, кто делал
эту книгу

ДЛЯ ДЕТЕЙ

АКСАКОВ С. Детские годы Багрова-внука
БАРТО А. Твои стихи.
БЛАГИНИНА Е. Гори-гори ясно!
БУЛЫЧЁВ К. Девочка с Земли.
ВВЕДЕНСКИЙ А. Когда я вырасту большой
ВЕЛТИСТОВ Е. Приключения Электроника
Новые приключения Электроника
ВЛАДИМИРОВ Ю. Ниночкины покупки
ВОЛКОВ А. Семь подземных королей
Жёлтый туман. Огненный бог Марранов
ГАЙДАР А. Тимур и его команда. Голубая чашка
ГАЛАНОВ Б. Книжка про книжки
ГОРБОВСКИЙ Г. Чудеса под ногами. Следы на земле
ДАЛЬ В. Старик-годовик.
ДРАГУНСКИЙ В. Денискины рассказы
ЖЕЛЕЗНИКОВ В. Про Катю.
ЖИТКОВ Б. Морские истории
ЖУКОВСКИЙ В. Сказки
ЗАХОДЕР Б. Стихи и сказки
ИШИМОВА А. История России в рассказах для детей
КАССИЛЬ Л. Дорогие мои мальчишки
Кондуит и Швамбрания
КОВАЛЬ Ю. Чистый Дор
КОЗЛОВ С. Поющий поросенок
КОРИНЕЦ Ю. Четыре сестры. Туесок
КРЫЛОВ И. Басни
КУПРИН А. Рассказы
МАМИН-СИБИРЯК Д. Рассказы и сказки
МАРШАК С. Сказки. Стихи. Загадки
МАТВЕЕВА Н. Кроличья деревня
МЕДВЕДЕВ В. Баранкин, будь человеком!
МОРИЦ Ю. Большой секрет для маленькой компании
НЕКРАСОВ Н. Стихотворения, посвящённые русским детям
НОСОВ Н. Витя Малеев в школе и дома. Рассказы.
ОДОЕВСКИЙ А. Городок в табакерке.
ОЛЕША Ю. Три толстяка.

ОСТЕР Г
ПОГОРЕЛ

ПРИШВИ
ПУШКИН
РАССКАЗ
РАССКАЗ
САПГИР

СОТНИК
ТОЛСТОЙ
ТОЛСТОЙ
ТОЛСТОЙ
УСПЕНСК

УШИНСК
ХАРМС Д
ЦЫФЕРО
ЧАРСКАЯ

ЧЁРНЫЙ
ЧЕХОВ А.
ЧУКОВСК
ШВАРЦ Е

ОСТЕР Г. Зарядка для хвоста. Вредные советы.
ПОГОРЕЛЬСКИЙ А. Чёрная курица, или подземные жители.
ПРИШВИН М. Говорящий грач.
ПУШКИН А. Сказки.
РАССКАЗЫ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ.
РАССКАЗЫ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIII — XIV ВЕКОВ.
САПГИР Г. Птицы в тетради. Звёздная карусель. Четыре конверта.
СОТНИК Ю. Архимед Вовки Грушина. Рассказы
ТОЛСТОЙ А.К. Курган· баллады и былины
ТОЛСТОЙ А.Н. Сказки и рассказы для детей
ТОЛСТОЙ Л.Н. Для детей.
УСПЕНСКИЙ Э. Двадцать пять профессий Маши Филипенко.
УШИНСКИЙ К. Рассказы для детей
ХАРМС Д. Стихи.
ЦЫФЕРОВ Г Обыкновенная капля. В медвежачий час
ЧАРСКАЯ Л. Записки маленькой гимназистки Смелая жизнь.
ЧЁРНЫЙ С. Стихи.
ЧЕХОВ А. Рассказы.
ЧУКОВСКИЙ К. Серебряный герб.
ШВАРЦ Е. Сказки, повести, пьесы.

ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

БЕГАК Б.А. Дети смеются. М., 1979.

За горами, за морями. М., 1982.

Классики в Стране Детства. М., 1983.

БОЛОТОВ А Т Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков М., Современник, 1992

КУЗНЕЦОВ Ф Ф Беседы о литературе М , 1977

МАРШАК С.Я. Воспитание словом (статьи).

Сад Толстого Избранные воспоминания М , 1987

СЕТИН Ф И Возникновение русской детской литературы М., 1978.

СЕТИН Ф И История русской детской литературы XV—XIX веков. М., 1990

СИВОКОНЬ С Уроки детских классиков. М., 1992

Весёлые ваши друзья. М., 1986

Чуковский и дети. М., 1983

РАЗУМНЕВИЧ В Книги на всю жизнь М , 1975

РУССКИЕ СКАЗКИ В РАННИХ ЗАПИСЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ (XVI — XVIII вв.). Л., 1971

УШИНСКИЙ К Д Детский мир и хрестоматия Книга для классного чтения... Пг., 1915.

ФЁДОРОВ ИВАН Азбука (1574) М , Просвещение, 1977

ШАРОВ А И Волшебники приходят к людям М , 1985

ЧУКОВСКИЙ К И От двух до пяти М , 1979

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОТОРЫХ ВКЛЮЧЕНЫ В КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ИЗ СЕРИИ «СВОБОДНЫЙ УМ»

Аким Я. — 1
Аксаков С. — 4
Андерсен Х.К. — 3
Ахматова А. — 3
Бажов П. — 2
Бальмонт К. — 3
Балтвилкс Я. — 2
Барто А. — 1, 3, 4
Башлачёв А. — 3
Берестов В. — 1, 2, 3
Бианки В. — 3
Бирюков В. — 1
Благинина Е. — 1, 4
Блок А. — 3
Болотов А. — 4
Бородицкая М. — 2
Бродский И. — 3
Брюсов В. — 2
Бунин И. — 3
Введенский А. — 4
Велтистов Е. — 4
Вересаев В. — 1
Витка В. — 2
Владимиров Ю. — 2, 3, 4
Волков А. — 3, 4
Высоцкий В. — 3
Гайдар А. — 4
Герасимов Д. — 4
Гераскина Л. — 3
Гоголь Н. — 3
Голицын С. — 3
Горбовский Г. — 2, 4
Граубин Г. — 1
Гребенщиков Б. — 3
Григорьев О. — 1, 3
Даль В. — 4
Демьянов И. — 1, 2
Дик И. — 3
Долина В. — 4
Драгунская К. — 4
Драгунский В. — 1, 3, 4

СОДЕРЖАНИЕ

В океане света
часть 2

Рустэм Николаевич Бунеев
Екатерина Валерьевна Бунеева

Адрес издательства:
125284 Москва, а/я № 42 «С-инфо»

Сдано в набор 19.05.1993 г.
Сдано в печать 6.10.1993 г.

Отпечатано в типографии «Красная звезда»
123826, ГСП Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38

Заказ № 239
Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная №1
Гарнитура pragmatica
Печать офсетная. 16 печатных листов

Третий завод
(100.001 — 200.000)